

МО
ССА
ЛИТ

BAZAR

С
К
И
Й

№ 9 (11) 2013

Журнал Московского Салона Литераторов www.mossallit.ru

***Tous les genres sont bans,
hors le genre ennuyeux.***

***Все жанры хороши,
кроме скучного.***

**Журнал выходит в рамках
проекта «МОССАЛИТ»,
руководитель проекта
Ольга Грушевская**

**Главный редактор
Светлана Сударикова
Редактор-корректор
Ирина Чижова
Художественный редактор
Ольга Грушевская**

**Редакционный совет
Анна Народицкая
Зинаида Кокорина**

**Для писем
mos.bazar2011@yandex.ru**

© МОССАЛИТ

Колонка главного редактора

Вот и лето прошло, словно и не бывало...

И на душе немного грустно от того, что дни станут коротки, и все меньше золотых горошин солнца будет рассыпаться по утрам на подоконниках. Ветер подхватывает охапки ободранных листьев и швыряет, гоняет по дворам, как пожелтевшие обрывки старых писем. А потом, втёртые в асфальт тяжёлыми сапогами, они гниют. И пахнет прелью, грибами и одновременно свежестью, столь свойственной осеннему воздуху, когда прохлада смешивается с влагой и висит в воздухе, невидимая, но ощутимая.

Однажды в квартире дома по соседству случился пожар. Это тоже было осенью. Яркие языки пламени вырывались из окна, и росшие рядом с домом клёны, казалось, тоже горели. Я слышала, как лопаются стекла, как кричат люди. Потом приехала пожарная машина, достаточно быстро, и пожар потушили. От своей соседки я узнала, что старушка, хозяйка квартиры, погибла. Говорят, когда-то она была балериной Мариинского театра, но в последние годы осталась совсем одна и к тому же слегка тронулась рассудком. Хоронить её оказалось некому... Предложили это сделать соседям, но те возмущённо отказались – она ж им не родная! И старушку кремировали, а куда дели прах, никто не интересовался.

Через несколько недель я увидела около подъезда огромный контейнер для мусора, и какие-то люди в рабочей одежде выносили из подъезда обгоревшие вещи: остатки мебели, когда-то прекрасной, искусно вырезанной краснодеревщиками. Нет, не новодел – мебель определённо была старинной: буфет, комод, диван с торчащими пружинами, ножки от стульев, обломки некогда большого обеденного стола, огромная картина в раме. Картина не обгорела, но сильно почернела: и холст, и рама – все покрылось копотью. На земле валялись вырезки из старых газет, письма и фотографии. Не знаю, что таили в себе эти письма, они здорово обгорели, возможно, любовные признания, дружескую болтовню или доносы на соседей. От фотографий тоже мало что осталось, но одна неплохо сохранилась, обуглившись лишь по краям: группа людей на фоне Большого театра, а внизу что-то написано, как это часто делали на старых фото. Я заворожённо смотрела на контейнер, равнодушно поглощавший обломки чьей-то жизни. Мне стало интересно, кем была эта женщина, почему оказалась в Москве, оставив Мариинку, кого любила, а кому только позволяла себя боготворить, что пережила, свидетелем каких событий стала, чего боялась и кого ненавидела, и как получилось, что её последней чашей стало столь глубокое одиночество. Может быть, она кого-то обидела? Или предала? Или просто так сложилась жизнь. Возможно, ответ хранился в письмах, но мне неудобно было копаться в контейнере на виду у рабочих, и я лишь силилась разобрать, что написано на фотографии. Отчётливо виден был только год – 1934. Почему-то это интересовало лишь меня. Ни соседей, ни соцработников не волновала одинокая старушка, для кого-то она являлась неудобной соседкой, для кого-то капризным пациентом. Она жила на своей территории, куда никто не стремился зайти за ненадобностью.

Обложенные делами, опутанные бесконечными проблемами, окружённые друзьями, родными, знакомыми, мы не задумываемся над тем, что где-то над нами, или под нами, или даже за стеной проживает Одиночество. Оно шуршит по вечерам подошвами старых тапочек, вздыхает, смотрит телесериалы и долго мучается от бессонницы. Но однажды ему станет скучно, и оно, возможно, переберётся к вам, удобно устроится на диване и уже

Московский BAZAR, № 9 (11) 2013 г.

никогда не покинет ваш дом. И вы как-то совсем незаметно для самих себя станете лишними в этой жизни. Как трудно это представить, когда каждый день наполнен событиями, а пуанты ещё не висят на стене в качестве сувенира.

Кипы осенних листьев будут кружить по двору, как разноцветные лоскутки порванных судеб, ложиться на влажный асфальт и разрушаться под натиском чьих-то тяжёлых шагов. И исчезать...

Ваша Светлана Сударикова

Виктория Кирдий. Угол дома

СОДЕРЖАНИЕ ВЫПУСКА

ЧАСТНАЯ ТЕРРИТОРИЯ

Знакомьтесь – Виктория Кирдий, художник, «гений психологизма пузатой каракули, основатель детского импрессионизма»

- Мир «московской Микеланджелы». Эссе о Виктории Кирдий

6

ПРОЗА

МИХАИЛ ЛЫСЕНКО (Омск)

- ПАСТА
- КРАЖА

ЛЮДМИЛА РОГОЧАЯ (ст. Кущёвская, Краснодарский край)

- ИЩУ ПРИСТАНИЩЕ

ВЛАДИМИР БОРИСОВ (МОССАЛИТ, Москва)

- КАПИТАН МИШКА

13

18

21

57

ПОЭЗИЯ

ИГОРЬ БУРДОНОВ (МОССАЛИТ, Москва)

- ЦВЕТНЫЕ ТЕНИ ДЕРЕВНИ ЛИПОВКА. ИЮЛЬ

ЕКАТЕРИНА КАРГОПОЛЬЦЕВА (Шарья, Костромская обл.)

ВЕРА ХАМИДУЛЛИНА (Набережные Челны)

ЗИНАИДА КОКОРИНА (МОССАЛИТ, Королев)

НИКИТА БРАГИН (МОССАЛИТ, Москва)

АННА ЗАВЬЯЛОВА (МОССАЛИТ, Москва)

АЛЕКСАНДР БАЛТИН (Москва)

64

75

78

83

85

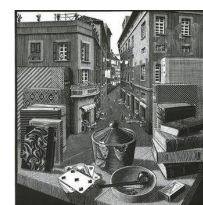
87

89

ПУБЛИЦИСТИКА

ОЛЬГА ГРУШЕВСКАЯ

- ЦИКЛ «ПОРТУГАЛЬСКАЯ ЭЙФОРΙΑ»: История 1. «Мёртвая королева»

93

СМЕХОТЕКА

БАУРЖАН ТОЙШИБЕКОВ (Казахстан)

- АФОРИЗМЫ

108

ДЕТСКОЕ ЧТЕНИЕ

ЗИНАИДА КОКОРИНА (МОССАЛИТ, Королев)

- ПОЧИТАЙ СКАЗКУ. Очерк
- МИШКИ ВЫШЛИ НА ДОРОГУ. Стихи

НАТАЛИЯ РОДИВИЛЛИНА (Днепропетровск)

- СТИХИ ИЗ КНИЖКИ «КТО ДОРОГУ К ТУЧКЕ ЗНАЕТ»

АНДРЕЙ ПАРОШИН (МОССАЛИТ, Москва)

- Стихи

110

113

114

120

ТЕАТРАЛЬНЫЙ АБОНЕМЕНТ

ИРИНА ЕГОРОВА, АЛЁНА ЧУБАРОВА (МОССАЛИТ, Москва)

- МУЗЕЙНОЕ ПРОСТРАНСТВО КАК ВАРИАНТ СЦЕНИЧЕСКОЙ ПЛОЩАДКИ. Статья

АЛЁНА ЧУБАРОВА (МОССАЛИТ, Москва)

- КУРОРТНОЕ НЕДОРАЗУМЕНИЕ. Пьеса

128

132

СТОЛИК У ОКНА

Рубрику ведет **АННА НАРОДИЦКАЯ (МОССАЛИТ, Москва)**

- КАК НУЖЕН НАМ БЕРЕГ ТУРЕЦКИЙ, или МУЗА ПО ПУТЕВКЕ

153

СОБИРАЕМ ЧЕМОДАНЫ

СВЕТЛАНА СУДАРИКОВА (МОССАЛИТ, Москва)

- ВПЕРЕД ПО РУССКОМУ БЕЗДОРОЖЬЮ

157

В оформлении журнала использованы
репродукции картин М. К. Эшера, И. Бурдонова,
В. Кирдий (с авторского сайта <http://kirdiy.com/>),
рисунки Е. Евтушевой, А. Народицкой.
На обложке репродукция картины В. Кирдий «На юг».

ЧАСТНАЯ ТЕРРИТОРИЯ

В рубрике «Частная территория» мы говорим об авторских проектах и уникальных людях, которых считаем интересными и достойными того, чтобы рассказать о них широкой аудитории.

ЗНАКОМЬТЕСЬ – ХУДОЖНИК ВИКТОРИЯ КИРДИЙ, «ГЕНИЙ ПСИХОЛОГИЗМА ПУЗАТОЙ КАРАКУЛИ, ОСНОВАТЕЛЬ ДЕТСКОГО ИМПРЕССИОНИЗМА» (Слава Сэ).

МИР «МОСКОВСКОЙ МИКЕЛАНДЖЕЛЫ»

Свою первую картину я написала дома, на стене...

Использован материал авторского сайта www.kirdiy.com

Заглянуть в гости к удивительному художнику Виктории Кирдий нам посоветовал гость салона поэт Николай Хлебников.

- Что за чудо все эти её работы! - воскликнули мы и тут же, не теряя времени, связались с Викой. - Можно? Можно? Можно?

- Можно! - Вика любезно дала согласие на использование материалов с её авторского сайта и тем самым позволила познакомить наших читателей с её необыкновенным творческим миром.

Виктория Кирдий родилась в замечательном городе Иркутске, где в трамваях медведи уступают места старушкам. Не верите? Спросите у Виктории. Потом многие из этих замечательных животных перекочевали на её картины и теперь беззаботно проживают в удивительном, сказочном и очаровательном мире – мире Виктории Кирдий.

Другой.
Масло

Ещё этот мир заполнен зайчиками, котами, осликами и другими животными и птицами, перелётными и неперелётными, есть там и люди. И даже дед Мороз. В общем, тесновато, но никто не жалуется. Напротив, попробуй их оттуда выгони. В 1996 году Виктория окончила Академию сферы быта и услуг по специальности художника-модельера. С 2001 года работала в анимационной студии «Пилот» художником-мультипликатором. Вот,

Московский BAZAR, № 9 (11) 2013 г.

пожалуй, и вся биография. Как-то не густо, подумали мы, и решили поспросить саму Викторию. И она любезно согласилась ответить на наши нескромные вопросы.

РЕДАКЦИЯ МВ: Виктория, а кем вы хотели стать в детстве?

В.К.: Я хотела стать геологом. Муж старшей сестры был геологом, мне ужасно нравилась его борода. Я думала, у меня вырастет такая же, когда я поеду в экспедицию.

Мир «московской Микеланджелы», как назвал её блогер Слава Сэ в своём живописном эссе, так хорошо укладывающемся в палитру Викиных красок, удивителен и трогателен. Неповторимы полутона и полусмыслы, которые мы угадываем, разглядывая её работы.

Просушить юбку.

Акварель

Поразителен и жанровый диапазон художницы: мультяшные акварели, наполненные иронией и ранимой детскостью; акварели с восточной тематикой, чуть отстранённые и пропитанные влажным воздухом; сочная, «с характером», графика; масло, где не только приоткрывается внутреннее состояние художницы, но и заявляет о себе высокий профессионализм.

Вороны, Восток

РЕДАКЦИЯ МВ: А когда и где вы написали свою первую картину?

В.К.: Дома, на стене. Мы с младшим братом переворачивали квартиру вверх дном, и нас за это часто ставили в угол. Стоять в углу скучно, поэтому я стала заранее собирать грифели и обломки от карандашей.

РЕДАКЦИЯ МВ: А что для вас творчество: профессия, увлечение или счастливый тандем?

В.К.: Работа. Часто очень тяжёлая.

Московский BAZAR, № 9 (11) 2013 г.

Виктория работает в широчайшем спектре художественных направлений: это и самостоятельные живописные произведения, и полиграфические работы (открытки, блокноты), ироничные и вызывающие исключительно позитивные эмоции.

РЕДАКЦИЯ МВ: А есть ли у вас какие-то любимые работы, которые вам особенно дороги.

В.К.: Есть одна картина, которую я не продаю.

Картина действительно чудесная. Хотя глядя на работы Виктории, думаем, что не продали бы ни одну! Вообще, чем подкупает творчество Вики, так это своей душевностью и искренностью. Её герои смотрят на вас добрыми и немножко удивлёнными глазами. Они по-детски наивны, но по-взрослому мудры. Это то, чего нам так не хватает в нашем пропитанном политикой и погоней за призрачными ценностями мире.

РЕДАКЦИЯ МВ: Среди ваших героев - очаровательные зверюшки и птички. А есть ли у них прототипы? И есть ли у вас какое-нибудь домашнее животное?

Кохинор и Кисточка

Коза.

Работа, которую Вика не продаёт

В.К.: Прототипов нет, я не рисую с натуры. А дома живут 3 кота и есть аквариум с рыбами. Коты – британцы: серый скоттиш Пуся Паровозов (официально Кохинор), его жена Кисточка и их вислоухая дочь Семёнсемёныч.

РЕДАКЦИЯ МВ: А как они относятся к рыбкам?

В.К.: К рыбам индифферентны, девиц интересуют только мухи, Паровозов милостиво на это смотрит. Это очень тихое, автономное и флегматичное семейство.

РЕДАКЦИЯ МВ: Многим творческим людям сюжеты для их работ приходили во сне. Так, известно, что Джузеппе Тортини его лучшую сонату сыграл во сне дьявол. А какие сны видите вы?

В.К.: В основном лабиринты и нездешние места, где нет полов и потолков, похоже на какие-то порталы. Нет, фантастику я не смотрю, зато очень люблю триллеры и детективы.

РЕДАКЦИЯ МВ: А если вдохновение нагрянуло в 3 часа ночи, что делает Виктория Кирдий?

Московский BAZAR, № 9 (11) 2013 г.

В.К.: В моём лексиконе нет слова «вдохновение». Обычно я и работаю по ночам. Ночь - она без суеты, вся твоя, ничто уже не отвлекает.

РЕДАКЦИЯ МВ: А у вас остаётся время на какие-то другие увлечения?

В.К.: Как-то довелось работать на студии кукольных мультфильмов «Анимос», и я настолько была потрясена устройством анимационной куклы, что много позже осуществила свою мечту - пошла на мастер-класс к Яновской Анастасии. Мечта сбылась! Но кукол делать больше не хочу - очень кропотливая и тонкая работа. Сейчас изредка сажусь валять ёлочные игрушки: очень захотелось, чтоб вся ёлка была в шерстяных снеговиках, зайцах и лисах, но сухое валяние тоже не быстрая работа... Иногда делаю брошки и бусики, шью одеяло из лоскутков или вяжу бесконечный шарф. Вот и наступило моё счастливое детство.

Куклы

Брошки

Валяные ёлочные игрушки

РЕДАКЦИЯ МВ: У вас дома много разнообразных полок. Вы ТАМ храните свои «секреты»?

В.К.: Полки... я их называю пылесборниками, это моя страстишка. Помните свои детские «богатства» - камешки, стёклышки, ракушки, шишки, перья? Вот все это теперь живёт на полках, но это уже взрослые мои «богатства», главное, что их уже никто не выбросит.

Московский BAZAR, № 9 (11) 2013 г.

В спектре работ Вики и пэчворки, колоритные и стилистически выдержанные; и даже росписи на стенах в рамках дизайна интерьеров.

Спектральный анализ.

Пэчворк

Роспись кухни

Представьте: утро, темно, за окном ветер и льёт дождь – осень, настроение паршивое, вы не выспались, а надо идти на работу. И вот вы, растрёпанный и сердитый, заходите на кухню, а там со стены на вас смотрят 2 долговязых кота, один клетчатый, другой в горошек. Они словно изумлены и не понимают, что происходит с вами, когда жизнь так прекрасна и удивительна. «Привет», - говорите вы котам. Коты радостно кивают вам в ответ. И мир меняется. Потому что меняется ваше настроение.

На стенах детской комнаты качаются на ветвях птицы, в гостиной по тихому морю скользит, белея, парус, вовсе не одинокий. Мир как сказка. Сказка, которая становится миром.

Фрагмент росписи на стене

Ревнуешь?

РЕДАКЦИЯ МВ: У вас очень много реплик и импровизаций на темы разных художников: Ван Гога, Гогена, Брейгеля, Климта – кто вам наиболее близок по видению мира?

В.К.: Босх и Брейгель. Ещё очень люблю японскую и китайскую графику, имя авторам легион.

РЕДАКЦИЯ МВ: Вика, с 2001 года вы работали в анимационной студии «Пилот». Что для вас работа в мультипликации? И продолжается ли ваше сотрудничество?

В.К.: Мультипликация - это командная работа. Очень тяжёлая работа, для свинцовой ж... (пardon май френч) и невидимых миру слёз. 5 лет назад студия переживала финансовый кризис, многие разбрелись, а я туда уже не вернулась. Но с большим теплом вспоминаю студию и всех, с кем мне пришлось тогда работать. Пожалуй, это были самые интересные 9 лет в моей общественной жизни. Очень горжусь, что мне довелось работать на этой студии.

У Виктории Кирдий иногда проходят выставки, правда, сама она признается, что выставки не любит и на последней даже не присутствовала, а просто отдала работы. В московских книжных магазинах можно купить проиллюстрированные ею книги, их более 15. Последняя книга «Чудеса под Новый год» уже в типографии и скоро появится на прилавках.

На страницах этого выпуска мы помещаем различные работы Виктории Кирдий, чтобы каждый смог найти для себя что-то близкое и понятное.

РЕДАКЦИЯ МВ: Виктория, как литераторы не можем не спросить вас, какую литературу предпочитаете вы, какие читаете книги?

В.К.: Сейчас я мало читаю, книгу за пару месяцев. Очень разные, у меня нет особых пристрастий, могу только сказать, чего я не читаю - стихи, романтику, мелодрамы и весь этот розовый девичий мусор.

РЕДАКЦИЯ МВ: И последний вопрос, точнее два: есть ли у вас авторитеты, и если есть, то кто; и как бы вы охарактеризовали своё творчество одним словом?

В.К.: Нет. Никак

В самом деле, как одним словом можно охарактеризовать огромную творческую Вселенную Виктории Кирдий, где горят звезды, большие и маленькие, вокруг которых вращаются обитаемые планеты, населённые жизнерадостными, удивительно добрыми, наивными и мудрыми персонажами! А Вселенная, как известно, безгранична и имеет тенденцию расширяться.

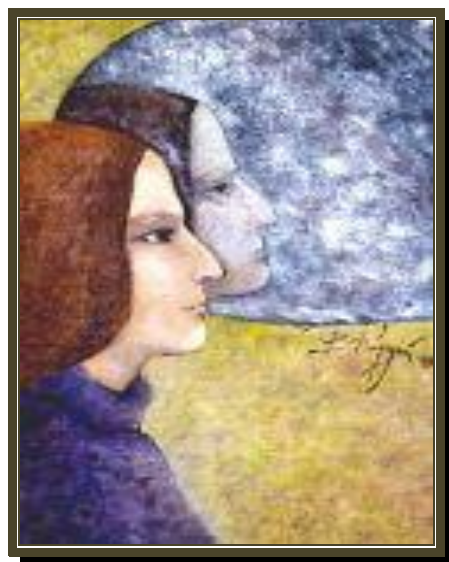
Итак, Виктория Кирдий. Смотрите, знакомьтесь, удивляйтесь и получайте удовольствие!

Курящая.
Масло

Платон.
Масло

У зеркала.
Масло

ПРОЗА

Михаил Лысенко (Омск)

ПАСТА

Москва. 20.07.2013. 17:40

До отпуска – сорок минут! Последние сорок минут в офисе - и я свободен! Ур-р-а-а! Лето начинается! Коллеги, пока! Не завидуйте чужому счастью.

Огромным усилием воли я подавил желание выключить комп.

Ещё раз: билет, путёвка, инструкции, страховка, кредитная карта, валюта. Багаж упакован, такси в аэропорт на завтра заказано.

Год ожидания и отказов в удовольствиях должен завершиться фейерверком радости и праздника. Лето, Италия, море и dolce vita.

Трудно. Трудно бывшему детдомовцу скрывать доходы, не соизмеримые с доходами простого научного сотрудника НИИ макро- и микрокосмоса. Взглянул на коллег, опять на часы. Медленно двигались стрелки: тик-так, тик-так...

Римини. 21.07.2013. 14:23

Аэропорт Римини встретил меня палящим солнцем. Получив багаж, вышел из здания и оглядел парковку. Несколько приятных на вид автобусов, пара-тройка такси и чёрный «мерседес» дона Антонелли. Из машины никто не выходил, а сквозь зеркальные стекла ничего не было видно. Встречи сейчас не будет. Просто уважаемый мафиозо убедился, что я прибыл, нахожусь в безопасности и за мной нет хвоста.

Забыл сообщить: на мафию я работаю уже лет двенадцать. Ох! Уберите сарказм с лица. Он не идёт вам. Конечно, странно. Парню двадцать пять лет и... двенадцать лет работы на мафию!

Москва. 24.06.2001. 14:40

Тринадцатилетним пацаном я, как и многие детдомовцы, промышлял кражами, мошенничеством и тому подобным. Территории жёстко делились, и мы с «коллегами» зубами и кулаками заняли аэропорт Домодедово. Там и познакомился с доном Антонелли, попутно сняв дорогие часы с волосатых лап двух его телохранителей и перстень с вензелем с толстого пальца самого дона.

Устроили мнимую бучу в зале ожидания, где Люська изображала малолетнюю жертву, которую мы с Саньком бросились защищать.

Люська орала, что бугай в чёрном костюме её лапал. Санёк с криком: «Козёл! Не трожь мою сестрёнку», - кинулся на бугая, как хомячок на КамАЗ. Визгливая тётка закричала: «Милиция!». Бугай-телохранитель, приспособленный крушить всятку стальную

мускулатуру, хватать голыми руками лезвия ножей и пресекать туловищем полёт пули, направленной в сердце босса, растерянно стоял, не пытаясь отбиться от муравьиных ударов малолетнего Санька. Второй бодигард медленно принимал решение. Так медленно, что толстому охраняемому итальянскому туловищу пришлось самому подняться, чтобы погасить неприятный и неуместный инцидент. Остальное – ловкость рук.

Всё внезапно прекратилось ещё до прихода двух дежурных сержантов. Наша тройка разбежалась, а жирный итальянец вздохнул и взглядом посадил на места своих охранников.

Валюту из лопатника я поделил поровну между членами команды. Нашли нас уже ночью люди Хмурого, нашего куратора из воров, праздношующими в недрах пакгаузов удачную охоту. Я и близнецы Люська с Саньком потягивали хохляцкое «Ситро», закусывая копчёной колбасой, мечтали о море, солнце и лёгкой жизни. Нас просто схватили в охапку, посадили в огромный «Ленд Крузер» и повезли в сторону Москвы. Где-то на трассе остановились. Дверь внедорожника открылась, и в салоне появился Хмурый собственной персоной. Если вор в законе снисходит до общения с мелким шкетом, значит, шкет влез во что-то серьёзное. Я достал шёлковый платок, который когда-то принадлежал одному из обворованных телохранителей, и вытер взмокший лоб. Хмурый поманил пальцем. Виновато волоча ноги, я поплёлся за ним.

На обочине стоял белый BMW. Задняя правая дверь приоткрылась, и Хмурый подтолкнул меня к ней. Взобравшись на заднее сидение, разглядел у противоположной двери давешнего толстяка.

Он, глядя на меня, что-то пробормотал, как я понял, по-итальянски.

- Где перстень? – перевёл бородатый худой очкарик с переднего пассажирского сидения.

Понимая, что отпираться не следует, я достал из закров куртки украденные перстень, двое котлов и протянул на грязной ладони крутому дядьке. На шикарные часы я посмотрел с тоскливой лаской. То, что это не просто богатый фраер, сообразил раньше.

- Ты знаешь, что это за перстень? – тихо проговорил итальянский дядька. Весь разговор вёлся через переводчика и, чтобы не путаться, я передам его как «тет-а-тет».

Воспитанный на мафиозных фильмах о молодой Америке, а не на Тимуре с его командой, я кивнул.

- Ты шустрый, наглый и понятливый малый. Как тебя зовут?

Я ответил.

- Чувствую, толк из тебя выйдет, Славик. Как с наркотой?

Я сообщил, что ни я, ни моя команда не пьём, не курим, а к дури и близко не подходим.

Мафиозо посмотрел внимательно.

- Ты можешь быть мне полезен, сможешь зарабатывать, выполняя кое-какие поручения. Присмотреть кое за кем, передать пакет, письмецо. Это не наркотики и вообще не криминал. Наука и технологии – вот на чём делаются деньги, мальчик. Если согласен, то бросай вокзальный промысел, хорошо учишься, поступай в институт. А часики оставь себе, Слава.

Я, как всякий разумный пацан, понимал - долго такая жизнь не длится. На кичу загремишь, подрежут конкуренты или клиент почки отобьёт. В общем, мы сговорились. Перстень я не целовал, не по понятиям. Дон сказал, что со мной свяжутся, назвав пароль: «Паста».

* * *

Первым делом моим (конечно, и Санька с Люськой) была слежка за пожилой дамой, жившей в коммуналке на юго-западе. Работала она в закрытой структуре. Только через два года я узнал, что у неё выкупили чертежи и технологию вакуумных штанов. Это половина космического скафандра, которая использовалась для восстановления кровообращения в нижних конечностях космонавтов после длительного пребывания в невесомости. Теперь клиники дона Антонелли в США, Италии и Швейцарии процветают, используя запатентованные уже в Штатах достижения отечественной космической отрасли. У нас они помогли избранным. Ну как тут не выдвинуть тезис о полезности мафии!

За эти двенадцать лет я и мои друзья выучились, купили пусть не шикарные, но приличные квартирki. Деньгами не сорили, не светились зря. Задания от дона были сложными и простыми, длительными и короткими, но всегда высокооплачиваемыми. С посредником встречался только я, да и то редко. Были закладки, почтовые ящики, тайнички. Основы конспирации, оперативного наблюдения, использования спецтехники, тактику внедрения, общения, контактов, необходимые основы психологии я изучал самостоятельно. Конечно, по рекомендуемым посредником учебникам и литературе. Молодой ум впитывал нужное как губка. Я тут же практиковался, внедряя теорию в жизнь.

Римини. 21.07.2013. 16:04

Итак! Италия, Римини, лето. И... тайна дона Антонелли, в которую он должен скоро посвятить меня. Для этого я, собственно, и прибыл. Посредник не сообщил деталей перед отъездом. Просто сказал, что боссу понадобятся мои знания учёного-физика.

К сожалению, насладиться пляжами и солнцем сразу не удастся. Личный самолёт дона Антонелли ждал меня на взлётной полосе. Взойдя по трапу в салон, я увидел развалившегося в кресле самого дона и знакомых мне, слегка постаревших бодигардов. Антонелли указал кресло напротив, куда я с удовольствием уселся.

- Как дела, сынок? Двенадцать лет не виделись. Вижу, мой давний первый урок не пропал даром. Теперь я могу сравнивать. Того наглого воришку и тебя нынешнего. И если в этом есть моя «вина», мне есть чем гордиться. Согласись, Слава, что сотрудничество наше было успешным и выгодным не только для меня, - сливовые итальянские глаза вопросительно уставились на меня.

Я кивнул.

- При этом мы оба ни во что не вляпались. А теперь, сынок, мы переходим к новому этапу сотрудничества. И у меня голова кружится от перспектив. Мне нужны твои мозги физика, чтобы разобраться в одной игрушке, которую предлагают приобрести мои новые партнёры. - Это не обычная сделка, Слава. И мы летим на встречу с необычными партнёрами. Кстати, что ты знаешь об энергии вакуума?

- О! Мне становится интересно, уважаемый дон Антонелли. Немного теории?

- Совсем немного, сынок. И зови меня просто – Джимми.

- Так вот, Джимми. Физический вакуум – реально существующая природная среда, с наинизшим энергетическим состоянием. Он содержит виртуальные электроны с отрицательной энергией и приблизительно равные им по числу позитроны с положительной энергией при полном отсутствии реального, привычного для нас вещества. Частицы спонтанно рождаются и аннигилируют, не покидая вакуумную ячейку. И только под действием сверхсильного гравитационного поля чёрной дыры изменяется геометрия пространства-времени, что даёт возможность частицам даже без увеличения собственной

Московский BAZAR, № 9 (11) 2013 г.

энергии покинуть своё виртуальное гнездо и проникнуть в реальное пространство-время. Позитрон устремляется к чёрной дыре и скрывается за горизонтом событий, а электрон с отрицательной энергией (массой) движется в пространство. Наше с вами пространство. Физический вакуум ассоциируют с тёмной энергией, равномерно заполняющей мировое пространство и составляющей восемьдесят пять процентов всей массы Вселенной.

- Не нужно о тёмной энергии, Слава. Нас интересует только освобождающийся поток электронов. Чистая энергия.

Я с уважением посмотрел на дона Антонелли. Видимо, шеф кое-что прочёл.

- Что ты скажешь, Слава, о том, что уже изобретён генератор этой энергии. И не размером с чёрную дыру, а компактный.

- Невозможно, Джимми! Нет на Земле таких технологий. Нет, даже теоретически.

- А кто сказал – на Земле, сынок.

Я уставился на собеседника. Нельзя заподозрить такого человека в неразумном подходе к делам. Сама деятельность дона Антонелли подразумевала трезвый и взвешенный подход.

- Я не ослышался, Джимми?!

- Нет, Слава. Мы совершим посадку, и ты увидишь и познакомишься с моими новыми партнёрами и их устройством. Постарайся не сильно удивляться.

Пустыня Калахари. 21.07.2013. 20:17

Мы приземлились на импровизированном аэродроме в одном из районов пустыни Калахари. Сойдя с трапа самолёта, я даже сквозь встречный поток слепящего солнца увидел палатку военного образца, где расположились люди дона. Метрах в восьмистах от них находился чёрный шар диаметром около ста метров. Был он совершенно чёрным. Это не образное выражение. Я сообщаю об этом как физик об оптическом явлении.

Я и дон Антонелли двинулись пешком прямо к этому шару.

- Как они выглядят, Джимми? – мне было интересно, но как-то не по себе.

Он пожал плечами:

- Не знаю, сынок. Это вторая встреча. Я общался только с посредником, а он вполне человек, внешне, по крайней мере.

Когда мы приблизились к шару на расстояние около восьмидесяти метров, у меня в голове появилось: «Не приближаться».

Мы остановились. Это были не слова, не образ в сознании. Просто я понял. И судя по тому, как на меня посмотрел дон, с ним происходило то же самое. Я подумал: «С кем нам придётся общаться и как они выглядят?».

Тут же получил ответ:

- Вы уже видите меня. И общаетесь.

Я был разочарован. И не слегка. Это не очень походило на встречу двух цивилизаций. Если вы понимаете меня. На протяжении веков человечество думало и фантазировало по данному поводу. Создавались какие-то образы вроде серых человечков, насекомо- или ящерицеобразных существ, а то и аморфных медуз. Характер встреч тоже был уложен в трафареты. Или враждебные (война миров), или дружеские.

Здесь же должна была состояться именно «мафиозная» сделка. Иначе почему посредник вышел на дона Антонелли? Почему встреча проводится скрыто, в пустыне, вдалеке от официальных кругов и человеческих глаз?

Владение генератором энергии из физического вакуума - это владение миром. Энергия из ничего. Из «безграничного ничего» - безграничное количество энергии.

Внезапно, ниоткуда, перед нами появился человек. Толстый мужчина, внешне как две капли воды похожий на дона Антонелли.

- Мне кажется, так нам будет легче общаться, - произнёс он голосом своего двойника. Дона передёрнуло, и его двойник тут же трансформировался в худощавого мужчину средних лет.

- Так лучше? – улыбнулся он и протянул ладонь, над которой парил серебристый цилиндрок размером с сигару с красной кнопкой в торцевой части.

- Возьми, - сказал дон Антонелли.

Я держал в руке совершенно необыкновенную вещь и не ощущал этого.

- И как он работает?

- Это туннель, проводник между вашим миром и нашим. Он будет генерировать для вас поток электронов в том объёме и такой мощности, которые способен будет выдержать подключённый к нему приёмник, автоматически к нему подстраиваясь.

- Скажите мне... э-э-э...

- Себастьян, - подсказал посредник, - зовите меня Себастьян.

- Скажите мне, Себастьян, а что взамен? Или это – подарок вашей высокоразвитой цивилизации?

- Взамен? Представьте себе мир, лишённый вещества, в котором существует разум, множество разумов, на энергетическом уровне. Это мой мир. Мир без ощущений, запахов, вкусов, музыки, чувств, любви, радости и горя, слёз и смеха, прикосновений, наконец. - Нет вещества - нет тела. Не имея рук, мы не можем созидать. Объединив усилия миллиардов разумов, мы миллионы лет, по кварку, создавали этот прибор. А это, - он указал на шар, – облачный замок *fata Morgana*. И это тело, в котором я как представитель нахожусь, – мираж. Миллиарды разумов ждут результатов нашей встречи. Нам нужна материя. Совсем немного. Взамен - разум, которому нет равных. А это – и технологии, и научные данные, которые принесут в ваш мир всеобщее благосостояние и расцвет.

- Господи! – вскричал дон Антонио. Взгляд его стал сумасшедшим. - Господи! Это всё станет моим. Я стану властелином мира. Мы согласны! Сделка состоялась.

Он выхватил из моей руки цилиндрок.

- Как его запустить?

- Нажмите кнопку, - сказал Себастьян. И взгляд его мне не понравился.

- И какое количество материи вам необходимо, хотя бы изначально? - спросил я. – И каким образом мы будем переправлять материю в ваш мир?

- Прибор этот с обратной связью, - ухмыляясь, произнёс Себастьян, глядя, как дон Антонио вдавливая свой толстый палец в красную кнопку. - И с этого вот момента материя уже утекает в наш мир. А по поводу количества? Хм! Нам нужна ВСЯ ВАША ВСЕЛЕННАЯ.

Я с ужасом наблюдал, как палец дона Антонио, затем рука и он весь втягивались тонкой струйкой в стержень. Уже понимая, что случилось непоправимое, я побежал, затем остановился, осознавая бессмысленность любых действий. Поток нашего мира всё быстрее направлялся в стержень-тоннель. Песок, камни, воздух, палатки... Он всё расширялся и убыстрялся, затягивая в себя всё. Весь наш мир.

Затем всё исчезло...

Московский BAZAR, № 9 (11) 2013 г.

Москва. 20.07.2013. 18:10

- Славка! Проснись! Отпуск проспишь, - пробивался сквозь сон Люськин голос.

Я оторвал голову от клавиатуры, ошалело глядя на свою коллегу-подругу. Сон отступал вместе с пережитым ужасом.

- Всё, Славик, собирайся. Ты, надеюсь, не раздумал брать меня с собой в Италию? - спросила она.

Я ласково смотрел на неё, наблюдая, как она щебечет, перебирая билеты, путёвки и прочие вещи.

- Кстати, Слава. Звонил дон Антонелли. Сказал, что встретит нас в Римини. У него к тебе дело. И что-то там про пасту.

Забыл сообщить: на мафию я работаю уже лет двенадцать...

КРАЖА

Утро понедельника было тяжёлым и мутным. Не потому, что погода, а потому, что так на Руси повелось. Потому, что вечер воскресенья был проведён по всем канонам и стандартам.

...Вчера, после поездки с семьёй на дачу, он поставил свой старенький желтопузый «москвич» в гараж, что в четырехстах метрах от дома. Почистил карбюратор, протёр стекла, осмотрел резину и остался доволен. Ещё поедем, красotka. Красотке было под двадцать, но служила верно, потому как хозяин её любил и холил. Хозяин – сорокашестилетний Сергей Петрович, крепкий, кряжистый мужик, работал на местном машиностроительном заводе слесарем. Был уважаем за опыт, стаж, прямоту характера и речи, за то, что не избегал товарищей. Мог помочь, мог выпить со своими. Золотые руки поддерживали жизнь в старом «москвиче». Мыли, лечили, а при случае и реанимировали. Машина отвечала взаимностью. На ней молодой Сергей подъезжал к женской общаге машиностроительного, ухаживая за своей Люсей на зависть её подругам. На ней повзрослевший Сергей Петрович забирал свою Люсю из роддома, и «москвич» мягко вёз малюсенькое создание, сопящее на руках не окрепшей ещё после родов, счастливой и серьёзной супруги. Эта же машина терпела неопытные «начала вождения» уже подростка, сына Егора.

В дверь гаража просунулась рыжая шевелюра Никиты, молодого соседа по гаражу.

- Петрович! Все в сборе. Стол накрыт. С тебя червонец.

Петрович вымыл руки, вышел из гаража, прикрыл ворота, скрепив их в петлях медной проволокой, и направился в гараж напротив.

В гараже у Никиты за импровизированным столиком сидели трое, включая хозяина гаража.

Роберт, врач-терапевт, азербайджанец лет пятидесяти, был сухощав, высок, и красив. С умным лицом он рассказывал в эту минуту какую-то байку про медсестёр-вампириш. Напротив на скамеечке сидел Вася Крылов, жадно слушая.

- И чо, Роберт? Сначала секс по полной, а потом кровь пьют? Так это лучше, чем Дракула. Бабы всё-таки, да ещё молоденькие.

Крылов - гаишник на пенсии. Пенсия подарила ему новенькую BMW X5 и кое-что ещё. На эти «кое-что» он и прикупил соседний гараж, где быстро сдружился с соседями, помогая решать вопросы регистрации.

Пиршество началось и, как водится, продолжилось до полуночи. Травили байки, обсудили новенькую BMW, послали Никиту за добавкой. Было хорошо. Никто не думал о завтра. Но всё хорошее, как обычно, кончается....

Дома Петрович бесшумно разделся и юркнул в гостиную на диван. Все спали. И слава богу.

Ночью снились медицинские сёстры в халатиках на голое тело. С кровавыми ртами они, дико хохоча, приближались к Петровичу. Люся махала скалкой, расправляясь с молодыми развратницами и приближаясь к нему. Он пытался бежать, но, по традициям сна, двигался медленно, как сквозь воду. Спас крик петуха. Это будильник разрывал пространство, терзал уши и душу. Придавленный тяжёлой ладонью, будильник смолк.

Петрович лежал ещё несколько секунд. Хотелось пить и не хотелось вставать. Кроме похмелья, тревожила какая-то ещё не совсем оформившаяся мысль. Эта тревога поплелась с ним вместе в ванную, а затем на кухню. Ел нехотя. Люся грозно помолчала, затем спросила:

- За рулём, надеюсь, не пил? И сколько раз я говорила... сыну какой пример... дружки гаражные...

И тут его как токомшибануло. Гараж! Он не запер гараж! Сразу вспомнилось, как Вася вчера рассказывал о непойманной шайке, что орудовала в этом районе. И что у Васи замки – израильские, защищённые от любых проникновений. И что наши аборигены из «урок», обломают зубы об эти запоры.

Петрович вскочил, уронив стул. Люся сразу примолкла, испугано подумав, чтохватила через край с обличающей речью.

Через две минуты Сергей Петрович уже мчался в сторону гаражного кооператива. «Мчался» - сказано, конечно, очень громко. Похмельная одышка терзала лёгкие. Ноги были ватными и тяжёлыми. Сердце колотилось как теннисный мячик – от ракетки к ракетке.

Уже подбегая, он увидел две патрульных машины с «мигалками» и людей в форме недалеко от ворот собственного гаража. Остановился, боясь двинуться дальше.

- Ласточка моя. Да как же я без тебя?

При этом, думал он о своём «москвиче» не как о транспортном средстве, а будто о душе родной, друге любимом. Утраченном навеки.

У патрульной машины стоял Вася Крылов и что-то спрашивал у старшины милиции. Лицо у Васи было необычайно бледным и непривычно жалким. Ворота Васиного гаража были нараспашку, а внутри оказалось сиротливо пусто. Новенькая BMW – исчезла. Израильские запоры оказались без повреждений. Каким образом наши криминальные умельцы смогли обойти заграничные секреты, казалось неразрешимой загадкой.

Петрович нехотя и медленно стал переводить прицел взгляда на собственный гараж. Ворота были закрыты. Калитка же была чуть приоткрыта. Подойдя, он резко распахнул её.

Его «ласточка», его «красавица» стояла на своём месте. Сергей Петрович осмотрел её всю, осмотрел гараж: ничего не тронуто.

Петрович сморщился, смахивая счастливую слезу. Вышел и ещё раз взглянул на ворота.

В петлях вместо замка торчала медная проволока, а через все ворота мелом на чёрном выделялась надпись:

НЕ СМОГЛИ ВСКРЫТЬ – СЛОЖНЫЙ ЗАМОК!

Петровичу, почему-то стало и легко, и грустно. Жалко стало Васю Крылова, жалко евреев, которые работали над конструкцией сложнейшего замка и оказались бессильны перед нашим автокриминалом. Пожалел он медсестер из сна, которым досталось от его Люси. Жалко стало и Люсю, которая забыла уже, что такое в выходные дни пойти в кино или театр. Задумался Сергей, что жизнь его уже много лет течёт однообразно, не меняясь, не

Московский BAZAR, № 9 (11) 2013 г.

будоража разум, душу и тело. И не старик он вовсе, а мужчина в расцвете сил. И что пора силы эти выпускать за ворота.

Надо только проволоку снять с петель.

Виктория Кирдий. Ветер в голове.

Масло

ПРОЗА

Людмила Рогочая

(ст. Кущёвская, Краснодарский край)

ИЩУ ПРИСТАНИЩЕ

Иллюстрации Евгении Евтушевой

I

Полуденное солнце на макушке лета. Оно везде. Солнцем пронизан каждый листочек, каждая травинка. А воздух такой густой и вязкий, что дрожит тело.

Высокий сутулый мужчина с удочками и мальчик лет четырёх устало перешли широкий луг и вступили на крайнюю улицу посёлка. Навстречу им из всех дворов выглядывали белые и сиреневые шапочки флоксов, вокруг которых трепетали прозрачные крылышки стрекоз. Малыш нёс детское ведёрко, в нём плескалось несколько рыбёшек. Его отец, с васильковыми глазами и острым носом, чем-то похожий на журавля, шёл неровно, стараясь приладиться к шагам ребёнка. К тому же он всё время смотрел по сторонам, словно озираясь, и первым здоровался со всеми встречными, ловя их взгляды и ожидая вопроса, который, как правило, следовал:

– Сын?

– Сын, – гордо отвечал мужчина и тут же поспешно добавлял: – Вот, с рыбалки идём.

Михаил Селезнёв пребывал в блаженном состоянии гармонии и счастья. Младший в многодетной, бедной и крикливой семье, он так и не повзрослел. Женитьба на девочке, почти школьнице, придала ему уверенности. Жена боготворила его. С ней он чувствовал себя сильным и умным. Детскость проявлялась только вот в этой наивной гордости. Он гордился маленьким домиком, подаренным на свадьбу бабушкой невесты, сыном, женой.

Михаил работал слесарем в механическом цехе небольшого ремонтно-механического завода. Зарплата была невелика. Но его жена Татьяна подрабатывала дворником в школе. Держали птицу, в степи сажали картофель. В общем, не голодали. А ещё от Таниного дедушки остались инструменты для резьбы по дереву. Михаил попробовал их в деле, и ему это очень понравилось. Он переоборудовал гараж в мастерскую и часами там священнодействовал. Михаил любил дерево. Оно – не то что металл – дышит, живёт, пахнет. Особенно ему нравились мягкие породы: белая липа, розовая ольха, золотистая берёза... На полочках сушились и ждали своего часа дощечки, бруски, поленца, капы. Перед тем как сесть за работу, он любовно раскладывал на специальном верстачке резцы, стамески, скребки, пробовал их заточку, правил затупившийся инструмент. Но главный праздник начинался тогда, когда Михаил

приступал к работе: срезал первую стружку с расчерченной доски, – и приподнятое настроение держалось много дней до самой полировки изделия. Наконец он последний раз касался пальцами открытого им таинственного рисунка древесины. Готово! И сердце поёт и заново переживает все моменты творчества.

Работа в цехе Михаилу не нравилась: слишком шумно. И сам он как-то не вписался в коллектив. Вот он идёт утром на РМЗ, высокий и нескладный, один, с неизменным потёртым чемоданчиком, куда Татьяна ежедневно укладывала ему обед.

Посторонних всегда поражала походка Михаила: странная, заносчивая и в то же время робкая. Он пыжился изо всех сил, пытаясь показать, что у него всё как у людей. Но сам не был уверен в этом и боялся, что вот-вот его счастье кончится, как будто оно ему досталось по ошибке.

Внутренняя обеспокоенность проявлялась и в поведении. Михаил будто всегда был готов услужить, предложить помощь, согласиться с чужим мнением... Эта готовность вызывала неприязнь и раздражение товарищей. Они его не любили, чувствовали в нём какую-то фальшь, ненатуральность. Михаил думал, что это связано с его нежеланием разделять с мужиками компанию, выпивать после получки. Он пересилил себя и однажды в день зарплаты, отойдя от кассы, опустил трёшку в кепку бригадира. У ребят от удивления глаза округлились. Кто-то даже присвистнул.

– Ого! Вот это да! Мишка запил, – пошутил его напарник Юрка.

Захмелев, Михаил почувствовал такую раскованность, повод похвастаться сыном, женой, своим уютным домиком, что у него появилось желание вновь и вновь возвращаться в это приятное состояние. В следующий раз он сам уже бегал за водкой для бригады и громко кричал: «Наливай!»

Пьяный Михаил оказался не только раскованным, хвастливым, но и агрессивным. Таня, когда увидела первый раз мужа выпивши, испугалась. Он открыл дверь ногой, чего никогда раньше не делал, стукнул кулаком по столу и приказал подать ужин. Глаза его были дурные, с бегающими злыми огоньками. В этот вечер он впервые повысил голос на жену и сына. Таня не посмела ему возражать и послушно выполняла все требования.

Отношение товарищей к нему, однако, не изменилось. Они по-прежнему не принимали Михаила в свою компанию, так что, кроме выпивки в получку и производственных дел, их ничего с ним не связывало.

По утрам после пьянки Михаил болел, но остановиться уже не мог. У него появились «друзья», которых он находил у пивнушек и винных магазинов. Таня не впускала их в дом, боялась, что напугают сына Серёжу. Нельзя сказать, что Михаил не хотел бросить пить. Он несколько раз пытался это сделать, но не получалось, жизнь его двоилась: во хмелю и в трезвости. Вскоре оставаться трезвым стало невыносимо. Слишком тяжело было переносить уговоры жены, умоляющий взгляд сына. И он стал пить постоянно.

Так продолжалось несколько лет. На заводе недолго удивлялись переменам, произошедшим с Михаилом. Он шёл по многими накатанной дорожке: прогуливал, опаздывал, являлся на смену пьяным. Начальство выносило ему выговоры, грозило увольнением, но, помня безупречное прошлое рабочего, надеялось на его исправление. Хотя наступили новые капиталистические времена, и никто пьяницу не перевоспитывал и не брал на поруки. Михаил просто опускался: из наладчиков его перевели в слесари, затем – в чернорабочие. Однажды на завод явилась высокая комиссия. Она проверяла деятельность предприятия «на предмет изыскания внутренних резервов экономии» и наткнулась в механическом цехе на чьи-то длинные ноги в стоптанных ботинках, которые высывались из-за короба с железными опилками. Заинтересовавшись владельцем ног, комиссия обнаружила мертвеца пьяного Михаила. Начальника цеха наказали, а рабочего уволили по соответствующей статье.

Михаил стал наниматься копать огороды, переносить тяжести, и все полученные деньги пропивал с новыми друзьями. В те дни, когда у него не было денег, потихоньку от жены продавал свои прежние поделки, инструменты. Те самые резцы и стамесочки, которые так любил. Воровал и кур из своего же курятника.

Таня не знала, что делать. Она часто плакала и мучилась от головных болей. Её зарплаты не хватало на жизнь, и она бралась за стирку чужого белья, убирала соседские огороды. На оплату детского садика тоже не было денег. И она всюду таскала за собой Серёжу. Мальчик очень изменился, стал дерзить и покрикивать на мать.

В тот памятный вечер Михаил пришёл сильно выпивши, но, как всегда, ему не хватило ещё ста граммов. Не обращая внимания на жену и сына, которые сидели на крылечке в ожидании его, нетвёрдой походкой направился в гараж. Там, в аптечке, у него была припрятана чекушка водки. Вдруг он заметил, как жена, опередив его, заскочила в гараж. В открытые ворота Михаил увидел, что она взяла из аптечки бутылку и с силой стукнула ею о верстак. Послышался звон разбитого стекла. Всё существо Михаила наполнилось яростью и гневом. Жена что-то говорила, о чём-то умоляла – он ничего не слышал и не понимал. Главная мысль дрелью сверлила пьяную башку: его лишили необходимого ему целительного средства. Михаил изо всей силы схватил жену за руки и рванул на себя. Под ноги к нему бросился Серёжа.

– Папа! – отчаянно закричал он, цепляясь за штанину отцовских брюк. – Не надо! Не трогай маму!

Мальчик отвлекал его: он стоял на пути, мешая свершиться возмездию. Отец оттолкнул ребёнка ногой. Тот затих. Тогда Михаил посмотрел на жену. Она стояла как каменная, не сопротивляясь. Глаза её были наполнены ужасом и устремлены куда-то в сторону. Михаил злобно проследил за её взглядом и увидел сына, неподвижно лежащего около металлического ящика с инструментами. Мальчик неестественно выпрямился, и из его виска тянулась тоненькая ниточка вишнёвой крови.

Ярость Михаила возросла. Сын! Что с ним? Виновата она, только она! Её надо наказать! Трясаясь от гнева и ненависти, пьяный возбуждённым взглядом окинул пространство вокруг себя. Рядом с ним на стенке в аккуратном ряду инструментов висел топор. Одной рукой он выхватил его из гнезда, другой продолжал держать жену. Она пронзительно закричала и бросилась к сыну, Михаил не удержал её и в сердцах бросил ей вслед топор. Татьяна упала. Обессиленный Селезнёв опустился на колени. Как тихо. Волнения позади. Хочется спать. Он упал лицом на пол и уснул.

II

Утром Михаила разбудил гул голосов. Он, приоткрыв веки и скосив глаз, увидел стену гаража и чьи-то ноги. Ему хотелось встать, но не было сил. Тело всё затекло, и невыносимо болела голова. Да ещё этот, хотя и привычный, привкус во рту. «Подлечиться бы» – мелькнула мысль.

Собравшись с силами, Михаил приподнялся на локте и увидел, что люди в белых халатах укладывают на носилки Таню.

– Что случилось? – обеспокоенно, заплетающимся языком спросил Михаил. Но перед ним возникла фигура участкового, который, вместо того чтобы ответить на вопрос, строго приказал:

– Вставай, Селезнёв. Отвоевался, – и, не выдержав, с ненавистью добавил: – Садист.

А вокруг толпились соседи, лица их были искажены гневом и негодованием. Они что-то говорили, но из-за головной боли разобрать их слова было невозможно.

«Что я мог такого сделать? Почему Танюшку унесли? И где Серёжа?» – пытался вспомнить или понять Михаил, но плохо соображал. С трудом встав на ноги, он осмотрелся. Люди перед ним расступились, и он увидел, что пол в гараже залит кровью. Страшная догадка зародилась в его голове. И тут раздался сигнал милицейской машины. Но Михаил больше ничего не видел и не слышал. Его как кто-то толкнул в грудь. Он упал плашмя на спину, неестественно выгнулся и забился в судорогах. Ноги и руки его крючило. Безумные глаза лезли из орбит. Из рта шла пена.

Очнулся Михаил на койке в узкой, как пенал, комнате с зарешёченными окнами. Он был один. Всё тело ныло. «Где я? В больнице? В тюрьме?» – пронеслись мысли и наткнулись на глухую стену. Воспалённый мозг пытался преодолеть это препятствие. Наконец он, исхитрившись, пробил завесу и увидел, словно на картинке, расширенные глаза Танюшки, тонущие в кровавом озере.

И снова начался припадок. Хорошо, что предусмотрительные санитары привязали больного к кровати, ножки которой были крепко привинчены к полу.

Много раз приступы овладевали им. Как только Михаил мысленно приближался к событиям того утреннего кошмара, когда он увидел жену на носилках и кровь в гараже, его начинало колотить и трясти. Раз, когда пациент лежал спокойно, без приступов, один из «сердобольных» санитаров психбольницы сообщил ему о смерти сына и тяжёлом ранении жены. Его опять затрясло, а потом он впал в кому.

По результатам психиатрической экспертизы Михаила признали невменяемым на момент совершения преступления и освободили от судебной ответственности. Ему назначили курс лечения и перевели в общую палату.

Ночью в эту же палату привезли нового больного. Тот был пьян, дико смеялся и не мог остановиться. Мужики спросили его:

– Что ты смеёшься?

– Сказать вам, всё равно не поверите, – сквозь смех проговорил он. – Я повесился. – И он захохотал ещё громче.

Один из больных покрутил пальцем у виска:

– Всё понятно. Белка!

– Да правда, ребята, – и сквозь смех пояснил: – Жена меня уж очень достала, и я решил её напугать. В туалете привязал за трубу верёвку, чтобы, когда она придёт, изобразить, будто я повесился. Перед этим, как водится, принял на грудь. Слышу вроде

её шаги на площадке: встал на унитаз и петлю на шею надел. И вдруг поскользнулся – и готово. Хорошо, что ей приспичило в туалет. Вот сняли с верёвки – и сюда. Думают, что крыша поехала... – Тут уж смеяться стали все.

Утром висельника осмотрел врач и отправил домой. В палате шло бурное обсуждение случая, все развлекались, веселились, но Селезнёву казалось, что это не смешно, а скорее, печально. Из-за глупой шутки мужик мог отправиться на тот свет. И вообще, Михаил часто погружался в уныние. Временами целые дни и недели выпадали из его жизни, особенно когда болезнь обострялась. Исчерпав общую для всех алкоголиков методику лечения, врачи прописали ему сильнодействующее лекарство. Приступы прекратились. Но, вместе с тем, он физически ослабел, стал каким-то равнодушным. Все события, которые происходили вокруг и даже с ним, казались отстранёнными и не трогали Михаила. Как будто ему показывали фильм в замедленной съёмке. Все действия ему представлялись процессами. Вот он задумал протянуть руку за кружкой с водой, вот он начал её протягивать, протягивает, готовит пальцы для захвата кружки, берёт её... И мысли были такими же долгими и неопределёнными.

Он вспоминал жену и сына, но как-то издалека. А после двух курсов лечения прошлое казалось всё менее значительным, а важными стали сиюминутные дела: обед, укол, игра в домино. Соседями Михаила по палате были алкоголики и наркоманы. Они смеялись и издевались друг над другом и над настоящими больными (сумасшедшими или умственно отсталыми). Михаил непроизвольно присоединился к ним.

Психбольница находилась на окраине райцентра. Территория её была огорожена высоким железным забором и представляла собой пыльный двор, который называли «парк», с пожухлой травой и редкими островками дикой сирени. Корпуса располагались беспорядочно по всей территории парка. От асфальтированной площадки у главного корпуса к другим корпусам шли разбитые тысячами ног дорожки с ямами и колдобинами. По периметру площадки стояли покорёженные скамейки с забетонированными железными ножками, а в центре площадки цвела сорняками овальная клумба. К одному из корпусов делали двухэтажную пристройку.

Как-то вечером хронический алкоголик Тимофей собрал слабоумных парней и, представляясь прорабом, дал им задание перенести кирпичи из-под навеса на помост лесов, где-то на уровень второго этажа. Те с удовольствием начали работу, а все товарищи Тимофея, и Михаил в том числе, злорадно наблюдали за ними и ждали развязки. Наконец, перегруженные доски проломились и рухнули вместе с кирпичами и больными. Пострадавших забрали санитары. Алкоголики же, испугавшись наказания, разбежались по парку.

Вообще Михаилу нравилось наблюдать за больными, особенно с тихим помешательством. Вот один всё время жуёт обслюнявленный носок, другой прыгает на одной ножке через канаву. Он падает, но, поднявшись, снова принимается за своё дело. Михаилу было любопытно знать, о чём больные думают, совершая глупые поступки. Ему казалось, что он-то всегда знает, что разумно, а что нет. Его же болезнь – это просто защита от большого горя, которое он перенёс. И, конечно, сравнивать его с этими дураками никак нельзя. А над слабоумными смеются все. Вон рабочие-строители дивились доверчивости больных, а потом сами стали придумывать разные шутки над ними.

В больнице половина всех пациентов была алкоголиками. Спиртное, как известно, им противопоказано. Но они могли в любое время его добыть. Чаще всего через рабочих, которые почти не отличались от больных, так как тоже страдали этим массовым

заболеванием. Однажды рабочие маялись желанием выпить. И тут их позвали грузить рубероид. У склада стояла машина, рядом мастер. Мастер очень торопился и даже держался за дверку кабины МАЗа, готовый отъехать сразу же после погрузки. Один из рабочих увидел Витька-Бамбулу, умственно отсталого силача. Он отвёл его в сторону и таинственным шёпотом спросил:

- Витёк! А слабо тебе перебросить рубероид через грузовик?
 - Почему слабо? Наоборот, я могу и дальше. Вон до дерева.
 - До дерева не надо. Перебросишь через кузов. А мы тебе сигарет купим.
- И рабочий с трудовым энтузиазмом подбежал к мастеру:
- Мы сейчас, быстренько. Нам Витёк поможет. Он такой сильный.

Когда все начали забрасывать рулоны в кузов, хитрец незаметно отделился от бригады и зашёл за машину. Витёк точно перебрасывал рубероид через кузов, а рабочий ловко оттаскивал его в кустарник. Не прошло и десяти минут, как грузовик отъехал от склада гружёный, а на украденный рубероид тут же нашёлся покупатель. Через час машина вернулась. Из неё выскочил пылающий гневом мастер. Первым, кого он увидел, был довольный Витёк, сидевший на корточках у стенки склада и мусоливший во рту окурочок «Примы».

- Ты куда дел рубероид? – накинулся на него мастер.

Витёк недоумённо посмотрел на мужчину.

– Тьфу, больной! Это ж надо – шесть рулонов стырили, а? Где эти придурки? – и он бросился искать загулявшую бригаду.

В этот день половина палаты Михаила валялась пьяной. Мужики разжились у рабочих спиртным и провели испытание. Было плохо, но они радовались, что в связи с длительным лечением не утратили навыки питья.

Но не каждый день коту масленица. Иногда досуг сводился к тому, что целыми днями пациенты проблемной палаты неприкаянно бродили по территории больницы. Когда им надоедало «прикалываться» над психами или слоняться без дела, они забивали козла, резались в карты или рассказывали истории из своей жизни.

Лёшка Ивлев, чья койка стояла рядом с кроватью Михаила, был шофёром. Он в пьяном виде совершил наезд на пешехода и, вместо того чтобы честно понести наказание, косил под психа, периодически вскрывая себе вены. В больнице ему слегка подлечили нервы, и скоро Алексей должен был предстать перед судом. Он ничего другого не мог придумать, как опять резать вены, и носился с этой идеей уже неделю.

После обеда Михаил лежал в кустах сирени, отдыхая, и вдруг услышал знакомые голоса. Неподалёку от него разговаривали двое. Он узнал по голосам Лёшку и алкаша Тимоху. Лёшка возбуждённо и громко шептал:

- Ну, прошу тебя! Что тебе стоит? Чиркни и всё тут.

– Нет, не могу, – решительно отвечал Тимоха, – я крови боюсь, и руки у меня трясутся.

- Тимох! Ты представляешь, что я скоро сяду на нары? И прощай, молодость!

- Нет, нет! Не проси!

- Ну, гад, смотри!

После небольшой паузы Тимка истошно заорал и побежал к корпусу, наверное, за медсестрой. Михаил боязливо подошёл к Лёшке и увидел сначала его бледное откиннутое назад лицо, а затем левую руку, которую тот держал между согнутыми коленями. Из порезанной вены на землю ручейком стекала кровь, быстро образуя

красную лужицу. Селезнёв с ужасом заметил в ней глаза жены с застывшим взглядом и тут же плюхнулся на землю и забился в припадке.

И вот он снова лежит привязанный к койке, отдыхая от приступа и стараясь не думать о прошлом. Вдруг раздались голоса. Приподняв голову с подушки, он оглядел палату. Никого. Но он явственно различает два голоса. Да, два голоса, и они спорят.

Один голос говорит:

– Давить его, гниду, надо.

Другой, тоненький, возражает:

– Он страдает. А это искупление.

– Если б страдал, то покался. Он даже не чувствует себя виноватым.

Михаил с ужасом понял, что голоса звучат в его голове, совершенно самостоятельно и независимо от него. Он испугался, зарычал и хотел обхватить голову руками, но они были крепко вместе с телом прибинтованы к койке. Тогда он от беспомощности громко по-волчьи завыл. Пришла дежурная медсестра и сделала ему инъекцию снотворного. Сон сделал своё дело, и голоса прекратились. Но с тех пор Михаил задумался. Ему стало жутко. Лечащий врач объяснил странное явление побочным действием лекарств, но это не успокоило больного. Он, пересиливая себя, начал мысленно возвращаться всё дальше в прошлое и наконец нашёл свой самый первый поступок, который привёл его сюда, лишил сына, а может быть, жены. Та первая трёшка, которую он опустил в кепку бригадира...

В больнице давно жил один свихнувшийся дьячок. Он почти всегда был тихим, ходил по палатам и что-то проповедовал. Михаил никогда не вникал в смысл его слов. Они ему казались бредом. Но после того как его начали осаждать голоса, он стал прислушиваться к проповедям Паисия, так звали дьячка. Говорят, что раньше были такие сумасшедшие, юродивые, которые могли предсказать будущее или помочь людям в решении их проблем. Но разве можно было что-нибудь понять из бормотания этого лохматого дурачка Паисия? Он говорил быстро и гнусаво по-старославянски, вроде того: «и преходящий и ему грядущий вопияху, глаголяще осанна, благословлен грядый во имя Господне». Для Михаила это была филькина грамота. Но однажды он увидел Паисия беснующимся. И вместе со слюной дьячок выплёвывал слова, которые Михаил мог бы отнести к себе:

– Покайся, чадо! – вопил Паисий, дёргаясь и подпрыгивая. – Покайся! Простятся грехи твои. Обратися, пока приемлет Господь!

Михаил потом несколько раз подходил к дьячку, пытаясь поговорить с ним. Но Паисий бессмысленно бормотал какие-то молитвы, не воспринимая окружающее. Лишь однажды, словно придя в себя, он прошептал, глядя на Михаила: «Иди в монастырь».

Из палаты почти всех выписали. Лёшку подлечили и под конвоем увели, двоих алкоголиков перевели на амбулаторное лечение. Тимоха умер: добыв пол-литра самогона, запил им лекарства, тут же упал и через секунду был мёртв. Всё лицо, шея, спина вдоль позвоночника моментально побагровели и стали сплошным кровоподтёком. «Инсульт», – равнодушно отметил врач, накрывая простынёй проспиртованное тело Тимохи. У Михаила давно не было рецидива, и его тоже готовили к выписке. Он очень надеялся, что Таня жива, и он её увидит.

Июльским днём Михаил оказался за воротами психушки. Никто его не ждал, не встречал, но он не оставлял надежды вернуться домой. Ему казалось, что всё ещё можно исправить. Таня поймёт его и простит. Он ведь уже не пьёт... А сын? Ну, это же произошло случайно! Михаил не хотел! И потом, зачем надо было лезть под руку? Он,

хотя и был тогда пьян, знал, что без причины не поднял бы руку на своих домашних. Он ведь так их любил! Виновата только водка. Но теперь, когда он завязал, всё будет по-другому.

Летнее солнце стояло в зените. Михаил шёл по своей улице и вспоминал былые времена – такой же знойный полдень, запах реки, сиреневые шапочки флоксов, и как они с Серёжей возвращаются с рыбалки. А дома Танюша ждёт их с обедом, весёлая, молодая, со счастливой улыбкой на лице. Он шёл и плакал, плакал по утраченному счастью...

Никто в посёлке его не узнал: за последние годы пьянства и пребывания в психушке Селезнёв сильно изменился внешне. Его нельзя уже было назвать молодым. На лице появились грубые морщины, глаза запали, нос вытянулся, а его тощая сутулая фигура стала напоминать вопросительный знак.

Ему показалось, что из их калитки выглядывает жена, и он побежал... Но это была чужая женщина, назвавшаяся новой хозяйкой дома. От неё-то Михаил и узнал, что Серёжу похоронили соседи, а Татьяна долго лежала в больнице. Потом, выписавшись, оформила развод, продала дом и уехала к родственникам.

Уныло побрёл Михаил к автостанции. Присев на скамейку у входа в кассовый зал, он начал раздумывать, куда бы ему, бездомному, податься. Две сестры его жили на Украине, то есть за границей, имели большие семьи и малые доходы. Старший брат как завербовался на север лет пятнадцать назад, так и выпал из жизни Михаила. Другой брат долго был в колонии, а теперь, как и он, тоже где-нибудь ходит-бродит, если не сидит за решёткой. Так что нет места на земле, где бы Михаила ждали. «Может быть, сходить в монастырь? Паисий хоть и дурачок, но подал стоящую идею. Глядишь, там надумят, научат, как жить дальше», – и он направился к автокассе.

III

Когда Михаил вышел из автобуса на базарную площадь одного среднерусского города, неподвижная тишина поразила его. Всё вокруг казалось застывшим, как на картине. Рабочий день закончился, и лишь одинокие силуэты, неспешно передвигающиеся по противоположной стороне площади, говорили о том, что город обитаем. Белокаменный монастырский посёлок стоял на пологом берегу тихой реки. Он притаился в низине, словно не желая высовываться и раскрывать свои тайны первому встречному. Мягкое вечернее солнце заливало белые стены ровным розовым светом.

Михаил спустился по обрывистой тропинке к речке и пошёл вдоль берега. Перейдя через деревянные мостки и миновав дорожку, извивавшуюся среди огородов, где чернели фигурки монахов, через узкую арку он попал во внутренний двор, в конце которого возвышался строгий величественный собор. К Михаилу подошёл молодой монах со светлым лицом и книгой в руке и спросил:

– Что вы хотите?

– Я хочу стать монахом, – неожиданно для себя ответил Михаил и запоздало перекрестился слева направо.

Юноша улыбнулся:

– Не так сразу и не так просто. Но милости просим в нашу обитель.

Он провёл Михаила в длинный каменный дом для гостей и определил в просто обставленную комнатку.

Войдя в неё, юноша истово перекрестился на икону, зажёл потухшую лампаду и пояснил:

– Это келья для паломников. Здесь вам будет удобно. Скоро служба, и не опаздывайте, – предупредил он.

Селезнёв присел на жёсткую койку и начал разбирать свою дорожную сумку.

И вдруг раздался чистый звон колокола. У него кольнуло сердце. А звон постепенно обрастал другими голосами и подголосками, рос, ширился и звал. Михаил и не успел подумать, как ноги сами вывели во двор; к храму спешили люди: монахи, паломники, городские жители. Увлекаемый этим потоком, Михаил вошёл в собор.

Открыв рот, он смотрел на православное величие. Никогда ему не доводилось бывать даже в сельской церквушке, а тут...

Какая-то старуха стукнула его по спине кулаком:

– Шапку сними, нехристь.

Он снял свою кепчонку.

– Лоб перекрести, ирод, – шипела всё та же старуха.

Михаил хотел перекреститься, но мешала зажатая в кулаке кепка. Он перехватил её в левую руку и ткнул двумя пальцами в лоб.

– Да что ты делаешь, окаянный? – старуха схватила его руку, сложила ему пальцы и стала учить креститься.

Служба была долгая, Михаил ничего не понимал. И хотя он приглядывался к действиям окружающих, однако сам всё делал невпопад. И тут люди опустили на колени. Пока Михаил недоумевал, все та же «учительница» слегка ударила его по ногам, он непроизвольно упал на колени и стал стучаться, как все, головой об пол. Присутствие на службе Михаилу показалось очень утомительным. Он устал. Однако люди выходили из храма умиротворённые, со счастливыми глазами и какими-то загадочными улыбками на губах.

«Что-то всё-таки есть в этой вере, – думал Михаил, лёжа на жёсткой монастырской койке, – может быть, я когда-нибудь пойму её, научусь верить в Бога и смогу так же радоваться». С этой обнадеживающей мыслью он спокойно уснул.

Селезнёву трудно было войти в течение жизни монастыря. Конечно, он мог бы как гость оставаться только наблюдателем. Но, сделав в первый день такое ответственное заявление, он считал, что должен подчиниться порядкам, царившим в обители.

Самым тяжёлым делом стала для него церковная служба. Богослужений было много, по несколько раз на дню, кроме того, молитвы перед едой, перед работой, перед сном... Но постепенно он втягивался в новую жизнь. Особенно он не разбирался, кто настоящий монах, кто послушник, а кто просто живёт при монастыре, потому что молились и работали все и в трапезной ели все одну и ту же пищу. Говорили мало – постились много, и это было для него тоже трудным.

Михаила занимало монастырское хозяйство. Он помогал на скотном дворе и на огороде. Но чаще всего пропадал в столярной мастерской, где так знакомо пахло деревом, лаком, пол был покрыт золотистыми стружками и жёлтыми опилками. Он брал в руки рубанок и старательно обстругивал доски для нехитрой монастырской мебели или зачищал наждачной бумагой готовые табуретки. Заглядывал Михаил и к богомазам, и на кухню. Его длинный нос можно было видеть в самых неожиданных уголках монастыря.

Однажды он спустился в подвал, который располагался под кельями монахов и там, в углу овощехранилища, обнаружил маленькую и низкую потайную дверь. Петли на

ней заржавели, доски отсырели и разбухли. И хотя замка не было, Михаил долго и безуспешно пытался её открыть. За этим занятием его застал строгий пожилой келарь, спустившийся в подвал за картофелем. Он сильно рассердился, хотя и не показал виду, и велел Михаилу удалиться. На вопрос, что это за дверь, ни келарь, ни кто-либо другой из монастыря не ответили. О том, что эта дверь действительно потайная, Михаил узнал вне стен монастыря от старух, которые вечно вились вокруг обители и многое могли порассказать. Оказывается, в восемнадцатом веке монахи под речным дном прорыли подземный ход в женский монастырь, находившийся тогда на другом берегу реки. Когда ход обнаружили, женскую обитель убрали подальше от греха, а в мужском монастыре запретили об этом событии даже упоминать. Эта история не отвернула Михаила от желания остаться в монастыре, а наоборот, даже утвердила его в принятом решении: «Монахи такие же люди, как все. А притворяются, что им женщины не нужны. Никто не безгрешен. И здесь жить можно».

Исправно посещая богослужения, Михаил поднаторел в молитвах и формулах обращения, правда, глубоко не вникая в суть веры, воспринимая её поверхностно. Преобразился и внешний его облик: он отрастил усы и бородку, длинные редкие волосы уже заплетал в косичку, носил тёмную одежду. И, на первый взгляд, вид у Михаила был елейный, боголепный. К тому же он крестился по любому поводу, истово бил поклоны и шептал:

– Господи, спаси и помилуй! Господи, прости грехи наши тяжкие!

И тут, в обители, Михаил близко ни с кем не сошёлся, оставаясь таким же одиноким, как всегда. Он порой замечал, что его присутствие не очень радовало монахов. Они были доброжелательны, приветливы, но какая-то неведомая сила мешала сближению братии с ним. Несмотря на это, жизнь в монастыре Михаилу понравилась. Раньше при слове «монастырь» у него возникало представление о пристанище убогих, калек, психов. Но все обитатели монастыря были здоровы, румяны, спокойны. Скромная улыбка, простота, чистота, покаянная непрестанная молитва, вселяющая благодать в их сердца, создавали настроение душевного покоя и радости.

Михаил уже несколько раз говел и исповедовался. И теперь ждал встречи с игуменом монастыря для важного разговора о своём будущем. Наконец, молодой инок проводил его в келью к настоятелю.

У окна стоял невысокого роста тоненький аккуратный старичок в монашеской одежде и в камилавке. На его лице, бело-пергаментном, сливающимся с седыми волосами, лучезарно светились выцветшие, почти прозрачные серые глаза. От старца веяло покоем и мудростью. Михаил перекрестился на иконы, смиренно преклонил перед игуменом колени и боязливо прошептал заготовленную фразу:

– Отче, благослови на послушание.

Игумен пригласил его сесть на стул напротив себя и доброжелательно спросил:

– Что тебя привело сюда?

Михаил изложил версию своего грехопадения и изобразил жестокое раскаяние.

– Сын мой, – тихо и проникновенно заговорил игумен. – Знаешь ли ты, что иноческая жизнь явление благодатное, гармоничное? Творец почтил наше

богоподобное естество. Чувствующему влечение к ангельской жизни предстоит долго испытывать себя, поначалу ещё живя в миру, но не по-мирски, а затем в подвиге послушничества в монастырских стенах. Послушник, выполняя возложенные на него обязанности, исправно посещая богослужения, читая монашеское молитвенное правило, знакомится с укладом монастырской жизни и просит у Господа и Божьей Матери укрепления сил и решимости служить им. Служить в безбрачии, отречении от всякого имущества и в совершенном послушании. Это три обета, которые приносят при пострижении в монахи. Ты же, сын мой, не готов к послушанию, и до иночества тебе очень далеко. И дело не в преступлении твоём. Веруй в Бога, молись Ему, веди богоугодный образ жизни, и Он тебя простит. Дело в том, что ты не искренен на пути твоём, ты не принял Бога душой. Отрекись от суетности, пьянства, ханжества. Поживи в миру и, для начала, послужи Господу нашему, творя богоугодные дела. Сейчас много строится и возрождается храмов на Руси. Вот и послужи Творцу на их строительстве. На это я и благословляю тебя.

Настоятель перекрестил Михаила и дал поцеловать руку. Селезнёв поблагодарил игумена и вышел из кельи, но решением его остался недоволен. Он-то думал, что тот обрадуется и сразу зачислит его в послушники. Однако, поразмыслив, Михаил всё же стал готовиться к «ангельскому» роду жизни в миру.

Перво-наперво надо было выбрать строящийся храм. Один послушник посоветовал пойти в монастырскую библиотеку к отцу Фёдору. В библиотеке всю боковую стену занимала огромная карта России, утыканная куполками с крестами. Особенно густо они собрались внизу карты, на юге страны. Отец Фёдор рекомендовал Михаилу отправиться на Кубань, поближе к теплу. Да и люди там живут не так бедно, как на севере, поэтому храмы сооружаются довольно быстро.

Выбрав место служения, Михаил занялся экипировкой. Он выпросил у ризничего какой-то чёрный балахон и колпак, чтобы быть похожим на монаха. Служитель собора подарил ему большой медный крест. Из берёзовой доски Михаил смастерил сундучок для пожертвований, украсив его резьбой с евангельскими сюжетами. Свою дорожную сумку он обменял у одного паломника на солдатский заплечный мешок и, уложив в него смену нижнего белья, евангелие и псалтырь, позаимствованные из кельи, а также несколько простых иконок, купленных в киоске, закончил подготовку к путешествию.

Итак, Михаил был готов начать своё служение: надел балахон и крест, подпоясался грубой сучёной верёвкой, взгромоздил на голову чёрный колпак. На улице было ещё холодно, и ему пришлось надеть сверху синюю болоньевую куртку. Вид получился довольно смешной. Но в зеркале себя Михаил не видел и, вскинув на плечо мешок, вышел из своей кельи. Никто не бросился его провожать. Было немного обидно: вроде идёт человек на подвиг, а без напутствия.

Через главные ворота Михаил сразу попал на городскую площадь и, остановившись у стен собора, размышлял, каким способом ему добраться до строящегося храма. Хотя выбор у него был небогатый. Денег мало, только на электричку до ближайшего города. Конечно, по пути он соберёт средства на дорогу... Но всё-таки

хотелось идти пешком, так надёжней. Однако, как оказалось, время Михаил выбрал неудачно.

IV

Было начало апреля, вовсю пригревало весеннее солнышко, звенела капель, бежали ручьи, но в то же время началась распутица, грязь несусветная, половодье, по ночам заморозки. Идти было очень трудно. Михаил одолел с десяток километров и вышел к реке. Кружево тёмных крон леса, подступившего к самой воде, отражалось в высокой зеркальной глади, образуя сплошной ажурный паранет. Посередине реки медленно плыли круглобокие льдины. «Недельки две где-нибудь пересидеть бы», – подумал Михаил и с надеждой посмотрел на городок на том берегу реки. Под весенним солнцем на синем небе танцевали золотые купола стройного собора и нескольких церквей. Туже затянув верёвку на поясе, Михаил бодро направился по мосту в сторону города. У первой же церкви он остановился. Вымыв в луже грязные сапоги и, перекрестившись, вошёл в храм. Службы не было, но в храме находилось много людей, тут же был пожилой священник. Селезнёв подошёл к нему под благословение, затем, описав своё положение, попросил приюта недельки на две, пока не просохнут дороги. Батюшка благосклонно отнёсся к просьбе Михаила и сам отвёл его в церковный домик, в котором располагались бухгалтерия и кухня, где пекли просфоры. Не дожидаясь пока его покормят, изголодавшийся в дороге Михаил зашёл на кухню и поставил на плиту чайник. Затем достал из пакета варёную колбасу, хлеб и прямо так, не нарезая, стал с жадностью есть.

В двери заглянул священник, явившийся пригласить Михаила к обеду. Странная картина предстала перед ним: за столом сидит странник с набитым ртом, в одной руке его зажат батон колбасы, в другой хлеб. И это в Великий пост! Батюшка от гнева лишился дара речи, а гость от неожиданности подавился куском. Тут бы богомольцу конец. Но батюшка пришёл в себя, стукнул гостя кулаком по спине, а потом ниже. И стучал так до самой калитки. А потом вернулся в дом, взял его пожитки и перекинул через забор.

Михаил подумал, что лучше б не заходил в город, а остановился в какой-нибудь деревне, где нет церкви. Он бесцельно шёл по центральной улице города, запруженной машинами и спешащими по своим делам людьми, пока не вышел к рынку. У входа толпились и гомонили частники со штучным товаром, торговцы различной снедью и нищие. У каждого были и особые слова, которые он выкрикивал, стараясь выделиться из общей массы: «горячие пирожки», «билеты спортлото» перебивались возгласами «подайте Христа ради на пропитание, лечение, дорогу, бедному инвалиду, погорельцу, беженцу», отчего создавался такой гвалт, что от него закладывало уши.

У Михаила мелькнула мысль тоже собрать немного денег. Когда-то же надо начинать? Уж лучше здесь, где он не один такой. Он волновался и немного стеснялся, долго думал, как лучше сказать: «подайте» или «жертвуйте». Решил, что второе более обязывающее. Наконец, набравшись духу, повесил на шею сундучок, вытащил поверх куртки блестящий крест и смешался с толпой. Он мелко крестился и скороговоркой, сначала тихо, потом всё громче призывал народ: «Жертвуйте на строительство Божьего храма!». Подошла сгорбленная маленькая старушка и так долго развязывала узелочек с деньгами, что её чуть не затолкали. Наконец старушка, перекрестившись, опустила в сундучок монетку. Михаил, вдохновлённый почином, тут же выкрикнул: «Милость ваша откроет дорогу в рай!», – чем привлёк внимание многих людей. В сундучок стали

опускать и бумажки, даже крупного достоинства. Михаилу надоело говорить одно и то же. Он вспомнил давно услышанную где-то фразу, как ему показалось, вполне подходящую, и прокричал:

– Возведём дом Отца нашего Господа!

Откуда ни возьмись, рядом появились конкуренты с жертвенными кружками и, больно сунув Михаила кулаками под бока, угрожающе зарычали:

– Проваливай отсюда, пугало огородное!

Михаил, струхнув, решил, что для первого опыта достаточно, и отправился к киоску. Там на всякий случай купил православный календарь, где указаны все праздники и посты, потом подумал и спросил карту России. Карты не было, но киоскёрша предложила атлас автомобильных дорог. Михаил купил: «Какая разница? Города и сёла же обозначены!»

Пересыпав деньги из сундучка в карман, он положил календарь и атлас в мешок и, повесив его на плечо, зашагал вдоль трассы в южном направлении. Пройдя километров семь, Михаил увидел поворот с указателем «дер. Ново-Сергиевка 0,5 км» и свернул. Помесив грязь с полкилометра, он оказался в центре Ново-Сергиевки, подошёл к магазину и, крестясь, обратился к группе о чем-то оживлённо споривших женщин:

– Здравствуйте, православные. Да хранит вас Господь!

– И ты здравствуй, божий человек! – ответили вразнобой бабы.

– Нельзя ли к кому стать на квартиру дней на десять?

– Почему же нельзя? – кокетливо воскликнула одна из женщин, круглая, как кадушка. – Можешь ко мне становиться. Только я баба шалая, неблагочестивая.

– А мне без разницы, – нарочито игриво подхватил разговор Михаил, – лишь бы были кровать и стол.

Женщина ему не понравилась. Её мясистое лицо с заплывшими наглыми глазами и большим ртом, сверкавшим десятком металлических зубов, плотоядно выглядывало из зелёной бочки старого пальто, перетянутого, как обручем, поясом в самом широком месте, подразумевавшем талию. Оглядев будущего постояльца с головы до ног, она назвалась Галой и сразу потребовала аванс. Все собранные деньги находились у Михаила в кармане хлопчатобумажных рабочих брюк под рясой. Чтобы отсчитать аванс, ему пришлось посередине улицы задиравать длинные полы и вытаскивать из кармана мятые бумажки. Гала выхватила деньги из рук Михаила, быстро пересчитала и засунула в свою необъятную пазуху.

С горем пополам он выдержал у неё на квартире неделю. Хорошо ещё, что комната имела отдельный выход на веранду. Но и через стену все ночи напролёт доносились пьяные крики, музыка и шум драк. Как только у хозяйки заканчивалась водка, она барабанила кулаками в дверь комнаты постояльца и требовала плату за сутки.

Лишь только немного просохло, Михаил двинулся в путь. На улице уже вовсю бурлила весна, распускаясь нежными листочками сирени под обманчивым апрельским солнцем. Был канун Пасхи, и наш странник надеялся в праздничную неделю собрать побольше милостыни и пожертвований, чтобы компенсировать средства, затраченные на постой.

Пасху Михаил провёл в уютном тихом городке. Памятуя прошлое посещение церкви, он не стал представляться батюшке, а занял место в длинном ряду нищих на паперти. Подавали ему щедро. Помогала одежда и богомольные ужимки. Михаил умильно всех благодарил, поминая Иисуса Христа, Деву Марию и всех святых, благословлял и обещал молиться за здоровье подающего. Когда в церкви иссякал поток молящихся, он

отправлялся на местное кладбище и собирал там с могил крашенные яйца, куличи и сладости. На паперти он познакомился с одноглазым стариком-нищим, которого все называли Палычем. Михаил так давно не беседовал ни с кем запросто, по-товарищески, что разомлел и разоткровенничался со стариком о своей жизни и цели путешествия. Палыч, слушая внимательно и заинтересованно, поддакивал и сочувствовал ему. Михаил приоткрыл крышку сундучка, уже доверху наполненного деньгами, и с удовлетворением заявил:

– Вот это будет моим искуплением греха. На эти деньги возведут стены Божьего храма.

Палыч, увидев бумажки солидного достоинства, сверкнул острым глазом и осуждающе воскликнул:

– Да как ты можешь таскать такие деньги при себе!? Сдавал бы в банк. А приехал бы на место, перевёл на расчётный счёт церкви. Ведь украсть могут!

– Я осторожный, не украдут. А с банком возни много.

– Ну, как знаешь, – покачал головой дед, – люди разные бывают, – и предложил: – Поночуй-ка у меня. Всё безопаснее.

Михаил, когда шёл к Палычу, думал увидеть нищенское жилище. Но они остановились перед большим кирпичным домом с железными воротами.

– Тут я и живу. Заходи, – пригласил старик. – Дома никого нет. Мои гости у брата.

Дом был новый, с просторными светлыми комнатами, паркетным полом, дорогой мебелью. А когда Палыч вышел из ванной комнаты в махровом халате и бархатных шлёпанцах, сел в мягкое кресло и включил видик, Михаил окончательно расстроился.

«Живут же люди, – думал он, – а я, несчастный, мотаюсь по белу свету, нет ни семьи, ни дома». Он жалел себя и как будто забыл, что у него всё это было, было в той, первой жизни. Видно, Господь даёт только один шанс быть счастливым.

После Красной горки Михаил собрался идти дальше. С вечера он пересчитал деньги и, убедившись, что сумма вышла приличная, завязал купюры в тряпочку, а монеты высыпал в полиэтиленовый пакет и вместе с запасами продовольствия уложил в свой мешок. Наутро приветливый и ласковый хозяин проводил гостя за окраину города, надавав советов, как идти и где останавливаться.

Нежная весенняя травка радовала глаз ярким цветом. То там, то сям вдоль просёлочной дороги желтели головки одуванчиков. Тёплое солнце заставило Михаила скинуть куртку. Вид у него стал более приличный. Он срезал себе из молодой ольхи посох, повесил на грудь поверх креста опустевший сундучок и уверенно зашагал по весенним просёлкам. Пройдя не без пользы несколько деревень, Михаил достиг берега Оки. Сидя на прибрежном холме в тени цветущей калины, он вдыхал её нежный аромат. Лениво бродили в голове мысли: «Как хорошо сидеть вот так на зелёной травке, смотреть на успокаивающее течение реки, на небесную лазурь, луговые цветы и ничего не делать».

Однако захотелось есть. Михаил достал из мешка сало, солёные огурцы и хлеб. Откусив кусочек сала, почувствовал, что разболелись зубы. Придётся всё-таки идти в какой-нибудь город или большое село. С горем пополам утолив голод, путник определил по карте ближайший райцентр и поспешил туда.

Крупное село, расположенное на высоком берегу реки, встретило Михаила многолюдьем, шумом торговли, скоплением автомашин. Он нашёл поликлинику, но без полиса медицинского страхования там его не приняли. Пришлось обращаться к частнику, за деньги. Врач сразу же удалил ему два зуба и посоветовал полечить

остальные. Селезнёв согласился. Вдруг зубная боль схватит где-нибудь в чистом поле? Что тогда делать? Но на время лечения, на несколько дней, ему нужен был ночлег. На улице спать ещё прохладно, и Михаил пошёл по объявлению в один дом. Его приветливо встретила хозяйка, ласковая старушка, накормила, напоила чаем и заговорила до изнеможения. Наконец Михаил остался в комнате один. Желая переложить вновь собранные деньги из сундучка в тряпочку, посчитать и заодно приготовить себе на лечение зубов, засунул руку в мешок и попытался нащупать пачку купюр. Но на обычном месте, за книгами, её не было. Тогда он вытряхнул на кровать всё содержимое мешка. Пакет с монетами и тряпка, в которую он заворачивал деньги, были, а самих денег – нет.

И тогда перед его глазами всплыло приторно-сладкое, заботливое лицо Палыча, и острый взгляд, стрельнувший в переполненный пожертвованиями сундучок. Михаил сильно разозлился и не мог успокоиться до тех пор, пока не придумал, как носить деньги в потайном месте, на себе. Тогда он попросил у старушки иголку и нитки и из двух рукавов своей старой фланелевой рубашки сшил широкий пояс, такой, чтобы в него пролезла рука. Аккуратно уложил туда купюры и, закрепив оба конца булавками, приметал пояс к штанам.

– Так-то надёжней будет, ишь какой, сам столько насобирай, – бормотал он, укладываясь спать.

V

Лето было в самом разгаре. Звенящий насекомыми зной, воздух, налитый запахами трав, безоблачная синь над головой, разорванная слепящим солнечным диском, благословенная тень деревьев... Михаил шёл лесной стороной, заходя в почти обезлюдившие деревеньки и рассказывая о чудесах, якобы произошедших с ним, когда он уверовал в Бога. За время путешествия у него таких историй скопилось немало, потому что после его рассказа находился ещё кто-то с подобной байкой, – Михаил запоминал её и уже в другом месте выдавал за свою. Он заметил, что чем беднее люди живут, тем скорее они готовы поверить в чудо. Их души распаиваются, и тут уж пища и ночлег ему обеспечены. А люди жили действительно бедно: колхозы развалились, молодёжь уехала, остались одни старики; так без света, без воды, без магазинов и живут, и существуют, как сто лет назад, а может быть, и хуже. И жертвования на храм, конечно, были скудные, зато Михаил здесь себя чувствовал уважаемым человеком, значительной фигурой.

Пока он спал после обеда на лесной опушке в тени раскидистой липы, неподалёку в деревеньке на дюжину дворов произошло печальное событие: скончалась баба Дуня – предводительница женской половины деревни. Немногочисленное мужское население выкопало могилку, выпило четверть самогону и отключилось. Теперь нужны были ещё сутки, чтобы копачи проспались и захоронили старуху. А на покойнице уже начали сказываться последствия жары. Гроб с ней бабы всей деревней кое-как выволокли на улицу и сели на лавку возле калитки, подальше от покойной. Сидят, разговаривают, ждут сами не знают чего. В это время старик Андрон, по немощи отстранённый от копания могилы, пас свою козу. Она у него была норовистая да блудливая. Всё больше предпочитала пастись на чужих огородах. Дед пока доковыляет за ней, смотрит – Манька уже соседской капусткой полакомиться успела, и нет её. Ещё любила коза щипать травку на кладбище. И на этот раз она пришла на привычное место и угодила в свежевырытую яму. Андрон в поисках проказницы ходил по всей деревне. Нету козы, как сгинула.

Поплёлся к кладбищу и слышит: блеет его Манька. Подошёл дед к могиле, заглянул в неё, закружилась старая голова – и он загремел в яму к своей козе. Стали кричать в два голоса.

Смеркалось, когда Михаил проходил мимо кладбища к деревне. Слышит голос:

– Спасите! Помогите!

Несмело он подошёл к могиле и осторожно спросил:

– Эй, кто там?

– Мил человек, вытащи! Будь другом.

Михаил подумал: «Вот хорошо, ужин и ночлег мне обеспечены», – и нагнулся над ямой. Тьма. Ничего не видно. Всё же протянул руку. А старик решил: «Сначала я подам ему козу, а потом уж сам вылезу».

Как увидел Михаил, что из мрака могилы рогатая морда показалась, да ещё и говорит человеческим голосом, – обомлел. Глаза вылезли из орбит, застыли; ноги пятятся назад, но не слушаются, стали ватные, а тело холодным потом покрылось и начало трястись от страха, и волосы на голове и бороде щекотно зашевелились. Он раскрывает рот, чтобы закричать, а не может: губы не раздвигаются. И чувствует он, как душа тошнотворно опускается вниз к животу.

Тут морда исчезла и опять голос раздался:

– Ну, что ты? Иди сюда!

Михаил будто очнулся, душераздирающе закричал, развернулся и побежал. В полумраке не заметил под ногами могильной плиты, споткнулся и упал ничком на землю. Опять вернулась старая болезнь. Он долго корчился и бился о землю. Хорошо, что земля была мягкая и обошлось без травм.

Пришёл в себя, когда была уже глубокая ночь. Звёзды в небе ясные-ясные, а над самой головой Полярная звезда светит, да так ярко, что аж слепит. И вдруг слышит Михаил голос:

– Болезнь – это божья кара ему за греховные страсти: гнев, зависть, неверие, пьянство.

Другой голос:

– Он не пьёт.

– Корни остались: тщеславие и озлобление за неудавшуюся жизнь.

– Неправда, он добрый.

– Не может быть добрым человек, носящий гнев в сердце. Это привело к убийству.

– Так он раскаялся.

– Раскаяние у него ложное.

– Он старается.

– Тщеславие не даст ему раскаяния и отпущения грехов. И сейчас он совершает грех, грех лицемерия.

Михаил лежал тихо и не шевелился. Снова пришли эти жуткие голоса. Было страшно, но он попытался осмыслить диалог: ясно лишь то, что один голос защищает его от другого. «Это, наверное, мой ангел, – подумал Михаил. – Может быть, правда, есть Бог, есть Дьявол и ангелы... Так кто же нападает на моего ангела? Бог или Дьявол? Дьявол, точно. Я же видел его морду». Он устал от приступа и процесса мышления. Голоса тоже умолкли, и Михаил уснул.

Проснулся он на заре от холода. Свежий утренний ветерок трепал волосы и щекотал высокими росистыми травами лицо. Михаил с трудом приподнялся: от неудобного лежания на земле затекла спина, ныли ноги и руки.

Он сидел, как нахохлившийся ворон, среди могил и крестов и думал о своей несложившейся жизни. Он же старается поступать как все. Но выходит не так, невпопад... И мало что голоса в голове гудят, ещё и дьявол стал являться...

Его размышления прервал странный звук: то ли хрюканье, то ли храп. Он прислушался. Звук шёл из свежевырытой могилы. Михаил тяжело встал и, с опаской заглянув в яму, увидел там скорчившегося деда, лежавшего в обнимку с пегой козой. В душе Селезнёва зашевелились сомнения: «Может, мне почудилось все ночью, или я принял за дьявола эту козу?»

– Эй, старик! – крикнул повеселевший Михаил. – Наверх хочешь?

Дед разлепил глаза и радостно расплылся в беззубой улыбке.

– Ага!

Михаил нагнулся над могилой и протянул руку:

– Давай сюда!

– Нет! Сначала Маньку.

Михаил вытащил сопротивлявшуюся козу, и она тут же сорвалась с места и скрылась из виду. Продрогший дед уцепился за балахон Михаила и не выпускал его из рук, пока не дошли до деревни. И всю дорогу он благодарил Бога за то, что тот прислал ему спасителя. Хотя вид у «спасителя» был отнюдь не ангельский: лохматые волосы, всклокоченная борода, длинный нос и запавшие голодные глаза.

Когда Андрон и Михаил приблизились к калитке бабы Дуни, они увидели утреннюю церемонию вытрезвления мужиков. Их били по щекам и поливали из вёдер холодной водой. Но, заметив Михаила в монашеском наряде, оставили пьяниц в покое и дружно заголосили:

– Батюшка! Тебя сам Бог послал! Слава тебе, Иисусе Христе, что не дал рабу Твою Евдокею без слова Божьего в землю зарыть! Она была у нас самая набожная в деревне. Святой отец, прочитай хоть канон за Евдокею. Больше уж ничего не успеешь. Вон как распухла покойница!

Отговариваться Михаил не стал. А бабки вынесли из горницы тусклую икону в старинном окладе, мягкие свечки, наладили лампадку, поставили все это на тумбочку с подветренной стороны избы. Михаил достал свой Псалтырь, открыл на каноне за умерших и, запинаясь, начал читать, время от времени крестясь и приговаривая: «Аллилуйя, аллилуйя, аллилуйя! Слава тебе, Боже! Господи, помилуй!» и прочее.

Если честно сказать, читать по-старославянски он не умел. Некоторые слова были ему знакомы – и тогда он произносил их громко, другие, незнакомые, он додумывал и говорил потише, слов под титлами он вообще не разумел и пропускал. Хорошо, что всё небольшое население деревни было занято подготовкой к поминкам, и рядом с ним сидели только две глухие бабки. И то одна пожевала губы и недовольно спросила:

– А что ты, батюшка, не поёшь? Дунька, когда канон за умерших читала, завсегда пела.

Михаил поднял глаза от книги и, перекрестившись, скромно ответил на вопрос вопросом:

– Миряне, вы же просили Псалтырь читать, а не отпевание служить?

Как бы то ни было, бабу Дуню закопали, и к полудню вся деревня валялась под столом, а по столу ходили куры и лазали кошки, доедая хлеб и лапшу.

Михаил без разрешения (спрашивать-то всё равно было не у кого!) набрал в пакет хлеба, луку, огурцов и покинул пьяную деревню.

VI

Была уже поздняя осень, когда Михаил добрался до верховьев Дона. Осень стояла чудная. Чёрные сетки лесов венчались золотыми коронами ещё не опавшей листвы, а внизу стелилось разноцветное узорное покрывало. Михаил шёл по опушке леса, загребая ногами вороха шуршащих листьев, под которыми пряталось несметное количество грибов, но не замечал их. Его беспокоило лишь то, что вот-вот начнутся дожди, потом морозы, а он ещё не определился, где будет зимовать. Ему мнилось очень тёплая, сытная церквушка или комнатка в доме скромной работающей вдовы, а может быть, какой-нибудь монастырь с обильными припасами.

Но вот уже ноябрь на исходе, а ничего подходящего для себя Михаил не нашёл. Будто с холодами на улице остудились и сердца людей – они стали менее гостеприимными и хлебосольными, не вызвали у Михаила желания остановиться у них на длительный срок.

Наконец, под Лебедянью он попал в старинное село. В центре его на берегу широкой тёмной речки стояла церковь – покосившийся деревянный дом с иконой и крестом над крыльцом. К храму тянулись немногочисленные прихожанки. Михаил, перекрестившись на икону у входа, чинно вошёл внутрь. Воскресная служба уже началась.

Батюшка был рыхлый, толстопузый и с красным носом. Таких попов изображали раньше на карикатурах. Да и правда, он был какой-то карикатурный. Живот свисал почти до колен. Руки были короткие, а пальцы-обрубки не могли сложиться в троеперстие. Он так и крестился раскоряченной щепотью. Поверхность его лица и шеи напоминала барханы, наплывающие один на другой. Третий подбородок нависал над ризой и колыбался особенно выразительно.

Михаил подумал, что такой упитанный батюшка может служить только в благополучном приходе, где хорошие доходы и обильные трапезы. Ну, а что мало молящихся в церкви, можно объяснить погодой, будним днём, отсутствием церковного праздника и так далее...

– С чем пожаловал странник-богомолец? – подошёл поп после службы с вопросом к Михаилу, поджидавшему его у выхода из церкви.

– Направлен я, отче, игуменом Н-ского монастыря на строительство храма. Иду пеши, неся Слово Божие и собирая пожертвования. – Потом немного помолчал и неуверенно добавил: – Ищу пристанище на зиму.

– Что, наш храм тебе приглянулся? – лениво спросил поп и сплюнул: – Дрянь храм: крыша течёт, печка дымит, перекладывать надо. Пол в алтаре провалился. И за какие грехи меня архиерей сюда сослал?

Догадаться об этом было нетрудно: нос и брюхо батюшки говорили о пьянстве и чревоугодии.

– Приход бедный, я один, – продолжал поп, – едва управляюсь.

– Я не за так, буду помогать вам, чем смогу, – с готовностью воскликнул Михаил.

– Это как водится, – всё так же лениво проговорил поп, но из складочек кожи выглянули его живые хитрые глазки. – Будешь мне прислуживать в церкви, сторожевать и печку топить, а жить тебе можно здесь, – и указал на боковой вход в малый придел. – С питанием определимся позже: у меня пока нельзя, – смутился вдруг батюшка, но скоро нашёлся, – попадья уехала к матери. Временно.

Он кинул ключи от придела Михаилу и, довольный, понёс свой живот вдоль улицы, шаркая глубокими калошами по подмёрзшему тротуару.

Напрасно батюшка плевал на свой храм. Дом был тёплый с толстыми саманными стенами, ошелёванный досками и с уютной лежанкой у печки.

Отец Борис быстро скинул все обязанности, кроме богослужения, на Михаила. Тот записывал в бухгалтерскую книгу требы, собирал записочки с именами во здравие и за упокой, носил за попом кадило, продавал свечки... Отец Борис пытался научить его ещё и петь вторым голосом.

На службах батюшке подпевала пожилая женщина с тонким дребезжащим голосом. Однажды Михаил наблюдал такую картину: после очередного «аллилуйя» отец Борис зазыркал очами на бедную тётку, потом схватил её за узел платка на подбородке и, приподняв кверху её красное задыхающееся лицо, пропел с молитвенной интонацией:

– Куда-а тянешь, бя-я-ядь?

Эта сцена произвела на Михаила такое впечатление, что его и без того слабые музыкальные способности парализовало и занятия по вокалу прекратились.

Проживание при церкви и работа со священником в паре, настоящим священником – батюшка окончил духовную семинарию в Киеве, – очень помогли Михаилу. Он значительно вырос. Хотя изменение не было глубинным и касалось только внешних проявлений. У батюшки он заимствовал вальяжные манеры, солидную поступь, кроме того, он изучил ход службы, церковные правила, некоторые специальные термины. Правда, когда Михаил оставался один, он терялся, становился суетливым и неуверенным, как будто утрачивал опору. К тому же он вынужден был выносить косые взгляды церковного старосты и двух-трех активных старух, которые с появлением Михаила почувствовали себя не такими нужными, как прежде. Они ревниво следили за каждым шагом нового помощника, прилюдно ему делали язвительные замечания или наушничали батюшке. А тот с приходом Михаила совсем расслабился и стал пить ещё больше, запойно. Попадья загостилась у матери, и Михаил предчувствовал, что до весны он её так и не увидит. А между тем приближались большие праздники: Рождество и Крещение.

После Нового года священник взял себя в руки, строго постился и Рождество выдюжил. Оно получилось светлым и радостным. Во время службы тенор отца Бориса торжественно звенел в переполненном храме. Михаил остался доволен и собой. Всё у него получалось правильно и вовремя, можно даже сказать, профессионально. И это несмотря на то, что в Сочельник он получил сапогом по голове: Михаил шёл по улице, и какая-то из девиц перебросила через забор свой старый «башмачок» сорок третьего размера. На лбу вздулась шишка, но Михаил прикрыл её колпаком так, что была она почти не заметна.

Попа хватило и на праздничную обедню, хотя к концу службы он еле стоял на ногах. А вот дальше болезнь прогрессировала. Батюшка пропускал заутрени, обедни и вечерни одну за другой. Михаила же посылал ходить по дворам колядовать, посеять и просто побираться. Не раз и сам пытался составить ему компанию.

– Ну, хочешь, я с тобой пойду? – хватался поп за гармошку и тут же падал на свой пухлый живот, затем неуклюже полз к дивану, с трудом взбирался на него и крестил Михаила, пьяно приговаривая: – Блаславляю ты, сыне! Будь наглее! Принеси водки. Половину пирогов и сала можешь оставить себе, – и засыпал.

Михаил следовал рекомендациям своего наставника. И обнаглел до того, что ходил по дворам с двумя сумками: одна – для продуктов, а другая – с трёхлитровой банкой: в неё он выливал содержимое стаканов, которые ему подносили.

Возвращаясь с обхода, Селезнёв ставил перед батюшкой банку с розовым напитком – коктейлем из водки, самогона и вина, – а на старинное мельхиоровое блюдо вываливал из сумки половину продуктов и шёл к себе в каморку.

На Крещение отец Борис кое-как отслужил праздничную службу, а на водосвятие идти не смог: отказали ноги. Он уснул, пав ниц тут же, на выходе из церкви. Михаил считал своим долгом завершить праздничную церемонию. Переступив через попа, он прошёл в ризницу с надеждой найти какое-нибудь торжественное одеяние. Но там было пусто. Он даже не обнаружил стихаря. Тогда Михаил взял из алтаря большой крест, кадило и организовал шествие с иконою и хоругвью. Сам шёл впереди в неизменном своём наряде, высокий, сутулый. Его маленькая головка с жидкой косицей тонула в колпаке, из-под которого торчала только острая борода. Руку с кадилом он выбрасывал далеко вперёд, будто боксировал невидимого противника, отчаянно махал крестом, бормоча все, какие знал, молитвы. Группа старушек пела сама по себе не то псалмы, не то песни. Всё это священнодействие не вызывало благоговения у окружающих. Из толпы верующих слышались ропот и смешки. Михаил довёл церемонию до конца, окунув крест в воду заранее приготовленной проруби. Стоял настоящий крещенский мороз. Но прорубь сделали огромную, целый пруд. Со всех сторон её обступили и верующие, и неверующие жители села: кто с бутылкой, кто с бидоном, а кто и с ведром. Михаил стоял у основания водного креста и вещал:

– Братья и сестры! Совершите омовение в святой воде Иордана. Крещенская вода смывает все болезни и грехи. Кто искупается в проруби, тот не будет болеть никогда.

Селяне же только расплёскивали воду из своих сосудов, а в реку не лезли. Михаил услышал ехидный голос сзади:

– Сам купайся! Покажи народу пример, – и вдруг ощутил лёгкий толчок в спину. Ноги его стронулись с места и заскользили прямо к проруби. Все вокруг засмеялись. А Михаила обожгла ледяная вода и он, смешно бултыхаясь, с зажатыми в руках кадилом и крестом, заорал на все святилище:

– Какого черта! Вытащите меня!

Его с трудом вытянули на скользкий лёд и под руки отвели к чьему-то «москвичу». Дома Михаил натёрся, как мог, водкой и залез под одеяло. К утру у него начался жар, все кости ломило, болели голова и грудь. На Богоявление вести службу и освящать воду было некому: батюшка и его помощник болели. У Михаила участковый доктор нашёл воспаление лёгких и прописал таблетки и уколы. Батюшка, протрезвев, сам колол гентамицин в костлявые ягодицы Михаила и ворчал:

– Сделал посмешищем наш клир! – под клиром он подразумевал себя и Михаила.
– Позорник! И толку от тебя никакого. Все равно печку сам топлю. Ещё и тебя, дармоеда, кормлю, – поп боялся, что в епархии узнают, что он допустил до службы непосвящённого человека, и злился. У него уже было несколько предупреждений различного характера.

Больного пришёл навестить церковный староста. Он принёс майонезную баночку мёда и язвительно спросил:

– Что же ты, святой отец, заболел? Грехов, что ли, много?

Михаил отвернулся к стенке. Ему не то что было стыдно, а просто неприятно. Он всегда избегал прямых вопросов и ответов, делая вид, что не слышит собеседника.

Дней через десять Михаилу стало легче, но вставать с постели он не спешил. На люди показываться было неудобно, и он решил притворяться больным, пока не потеплеет. А там и в путь!

Но поп уже в открытую гнал Михаила из храма:

– Позорище! – говорил он. – Стыд и срам! Аз пью, емь грешен, но аз каюсь ежедневно, ежечасно. А ты фарисей, провокатор, межеумок. Тебя и близко нельзя подпускать к святому храму, к церкви. Ещё и нечистого поминал!

Поп, видно, считал, что его отборная матерщина – сладостная музыка по сравнению с выражениями Михаила. А какими фамилиями называл он своего служку!? Даже мысленно произнести их – страшный грех. Но тот все терпел и поглядывал в окошко. Он ждал весны.

VII

Последние дни февраля стали просто невыносимыми. Батюшка посадил Михаила на голодный паек. Пшённую кашу с постным маслом наш притворщик уже не мог зрить. Хотелось мяса, на худой конец, сала.

Каждый приход отца Бориса превращался в перебранку, в которой оба заходили все дальше и дальше, поскольку склонность Михаила к подражательству делала его похожим на батюшку. А как известно, одноименные заряды отталкиваются.

Погода стояла самая неприятная. Днём за окном шёл мокрый снег, который только разжижал уличную грязь, а ночью мороз её сковывал, превращая в острые скользкие кочки. Трогаться с места в такую погоду не было возможности. Михаил скучал и злился на попа, на себя, на саму жизнь.

На Масленой неделе село гуляло и объедалось блинами. Сиделец не выдержал и вышел на улицу. Он стоял у входа в церковь в своей нелепой куртке поверх балахона и в сапогах на босу ногу – весь запас носков истлел за время путешествия. Было прохладно, и Михаил, для приличия постучав сапогами у входа, вошёл в церковь. Батюшка прибавал к амвону оторвавшуюся доску и был трезв.

– Оклемался? – раздражённо спросил он и понёс Михаила... Самыми нейтральными выражениями были «дармод», «паразит» и «монастырская вошь».

Селезнёв не нашёл что ответить и молча покинул храм. Хотелось есть, и он пошёл по селу. Никто не проявлял внимания к божьему человеку, наоборот, при встрече с ним люди начинали смеяться и показывать на него пальцем.

Только на Широкую Масленицу удалось Михаилу наесться до отвала. Батюшка, верный христианскому долгу, попросил у него прощения и взял с собой в гости к родственникам на отделение бывшего совхоза, где Михаила никто не знал. Но халва пошла ему не впрок. Всю ночь он бегал в нужное место. Истощённый поносом Михаил вошёл в Великий пост. Батюшка после Прощёного воскресенья вернулся к своей идее – выжить квартиранта, люди в открытую смеялись над его крещенским подвигом – и Михаил засобирался.

К середине марта появились первые признаки весны, и Михаил, повесив на плечо мешок, а на грудь – сундучок, холодным весенним утром вышел на просёлочную дорогу и зашагал вперёд. По обочине трассы Москва – Баку он быстро шёл в южном направлении. Ему хотелось скорее прибыть в конечный пункт назначения. Напрямик же идти было нельзя: только вдоль трассы дорога была проходима. На автостанциях по пути следования богомолец собирал деньги на храм и запасался продуктами и водой.

Московский BAZAR, № 9 (11) 2013 г.

Иногда, если хорошо подавали, он задерживался на сутки-двое и с удовлетворением заполнял свой денежный пояс. Дней через десять потеплело, земля просохла, и Михаил, свернув с трассы, пошёл напрямую. На его пути лежали уже донские станицы и хутора. Что интересно, здесь изменилось отношение людей к Михаилу, а может быть, сами люди. Он не мог понять причины, отчего его не пускают на ночлег, гонят от дворов, спускают на него собак. Подойдёт к калитке хуторского двора, крикнет:

– Эй, хозяйшка!

На крыльце появится ядрёная казачка.

– Чего надо? – спросит, не трогаясь с места.

Не будет же Михаил кричать за тридцать метров «покорми», «пусти ночевать». Это ведь дело деликатное, доверительности требует, поэтому он скажет:

– Выйди на минутку, поговорить надо.

А она в ответ:

– Не о чем мне с тобой разговаривать. Много здесь погорельцев-богомольцев ходит, – и захлопнет дверь.

Почти в каждой станице хоть маленькая церквушка есть. Но зачастую и там Михаил не находил приветов.

Пришёл как-то он в одну станицу. Храм каменный, богатый, но, по обычаю, закрыт на замок. Странник пошёл в административное здание – никого, в служебное помещение – там просвирня, чёрная, худая, как головёшка.

– Чего надо? – говорит.

– Почему храм закрыт? – спрашивает Михаил.

– Службы нету.

– А может, я помолиться хочу.

– Подожди обедни!

– Я сейчас хочу!

– Ладно. Свечек купишь – открою.

– Почём свечки?

– Пять рублёв. Десять купишь – открою. А меньше – проходи мимо.

Совершенно беспомощным почувствовал себя Михаил. А просторы вольные, широкие. Легко идётся, легко дышится. Впереди синее пруд, обрамлённый зелёным бархатом молодой травки, деревянная будка на берегу, остатки костра, котелок с ухой... И так забило его сердце, нахлынули воспоминания, что он невольно остановился. Вдруг слышит сзади:

– Руки вверх! Кто такой?

– Не видите, божий странник, – с поднятыми руками Михаил повернулся на голос.

Перед ним стояли два парня в камуфляже и с автоматами.

– Ты, сволота, нарушил границы частного владения и понесёшь наказание, – сказал один, тот, что помоложе.

– Да. Мы тебя сейчас наказывать будем, – сказал второй и задумался. Наверное, о способе наказания.

Михаил застыл – ни живой, ни мёртвый... но тот спросил, показывая автоматом на сундучок:

– Что это у тебя!

– Пожертвования, – пролепетал Михаил.

– Давай сюда!

Теряясь от страха, он протянул парням сундучок. Второй брезгливо взял его и вытряхнул содержимое на землю.

– Негусто, – заметил первый и, презрительно разворошив носком ботинка мелкие бумажки и монеты, процедил сквозь зубы:

– Ты, попик, вали отсюда. Чтоб через пять минут скрылся за горизонтом.

Михаил бежал, как давно не бегал, может быть, даже с детства. За полосой сонных акаций он остановился отдышаться. Погони не было. Присел на толстую корягу и ощупал пояс: сундучка нет, но основные деньги при нём. Как это он хорошо придумал – сшить пояс! «Хлебные места, хлебные места, – размышлял он, – а корку хлеба у них не выпросишь, да ещё норовят последнее отобрать».

После простоватых полупьяных мужиков России казаки казались Михаилу злыми и хитрыми. Но и жили они совершенно иначе. Дома в станицах стоят крепкие, сияющие яркой синей краской. Много новых кирпичных строений. Почти в каждом дворе – мотоцикл или машина, перед дворами – трактора, прицепы. Подойдёт Михаил к хозяину, затеет разговор о еде или ночлеге, а казак в ответ:

– Это твои проблемы. И вообще, что ты шастаешь без дела? Перенеси мне пару тонн угля в сарай, накормлю и на перину уложу, – и хитро ухмыльнётся.

На хуторах днём не увидишь пьяных. Все заняты делом. Колхозы развалились, а люди как работали с рассвета и дотемна, так и работают. Мало что ли дел на базу и на огороде?

Миновать Ростов-на-Дону Михаилу не удалось. Огромный шумный город, забитый машинами, автобусами, трамваями, людьми... Он сначала хотел посетить несколько ростовских храмов, но потом отказался от этой затеи. Ростов оглушил его, и, чтобы не потеряться в нём, Михаил решил добраться прямо до железнодорожного вокзала и выехать из города на электричке. Он вышел из автобуса на конечной остановке. Железнодорожный вокзал оказался напротив. Михаил, не задерживаясь, устремился прямо к нему, надеясь собрать немного денег до прихода пригородного поезда на перроне. По дороге его остановил симпатичный парень в скромном костюме. В руках он держал веером какие-то бумажки.

– Возьмите билетик! – обратился он к Михаилу. – Это бесприигрышная благотворительная лотерея, и совершенно бесплатно. Возьмите, не пожалеете, – приставал он.

Парень был так назойлив, что Михаил взял один билет.

– А вот пойдём к столику и узнаем, святой отец, что вы выиграли, – с этими бодрими словами парень увлёк Михаила за собой к невысокому складному столу, рядом с которым стояла миловидная женщина. Она взяла из рук богомольца билет, посмотрела на него и торжественно заявила:

– А ведь знаете, вы выиграли холодильник. Можете получить выигрыш, – и указала на большой картонный ящик, стоявший у стенки ближайшего павильона.

Тут к столику подвели ещё одного мужчину с билетиком.

– Простите, минуточку, – извинилась женщина перед Михаилом и глянула в билет мужчины. – Как странно! – воскликнула она. – Вы тоже выиграли холодильник. Да, у вас один и тот же номер! – приглядевшись к билетам, женщина слегка задумалась:

– Что же нам делать?

Вдруг её словно осенила какая-то идея, и она заговорщицки предложила счастливчикам:

– Давайте сделаем так. Кто из вас больше на стол положит денег, того и холодильник.

Михаил непонимающе посмотрел на женщину.

– Ну, как аукцион! Знаете?

– А зачем мне холодильник? Что я с ним буду делать? – Михаил никак не мог сориентироваться в необычной для него обстановке.

– Господи! – воскликнула женщина. – Если он вам не нужен, вы можете его продать. Чуть дешевле предложите, и у вас с руками оторвут. Или хотите, мы выиграш отдадим деньгами?

– Да уж лучше деньгами, – пробурчал Михаил.

– Вот видите, для этого и нужен аукцион.

Мужчина, который пришёл вторым, вероятно, был более понятливым, он открыл кошелек и выложил на стол пятьдесят тысяч. Михаил, чтобы долго не стоять, выложил сто тысяч. Его соперник вынул миллион. Тогда Михаилу пришлось лезть в свой тайник. Он долго возился с булавкой, стараясь делать это незаметно, и кое-как вытащил пачку пятисоток. Вскоре Селезнёв вошёл в азарт. Столик окружили зрители и болельщики. Они подзадоривали игроков. На кону было уже много денег. «Наверное, миллионов двадцать», – подумал Михаил и вдруг заметил, что его сопернику передали пачку купюр.

– Что здесь происходит? – громко возмутился он. – Это нечестно. Я сам видел...

Но два качка уже подхватили его под руки и буквально понесли над землёй прочь от столика.

– Тикай отсюда, – шипели они, – вякнешь, костей не соберёшь.

Михаил сидел на перроне вокзала и приходил в себя.

– Это ж надо, обмишулился. Надули, как дитя. Там же все заодно были, – догадался наконец он. – Господи! А я им почти все деньги отдал. Сам отдал!

Подошла тихорецкая электричка. Михаил сел в первый вагон и, когда поезд тронулся, пошёл по вагонам с молитвами и байками восполнять утраченные средства.

Был выходной день. Вагоны, переполненные народом, медленно ползли на юг. Поезд останавливался на каждом переезде и полустанке, но пассажиров не убывало.

VIII

Селезнев дошёл до последнего вагона электрички. Результатом его неутомимой работы была настолько мизерная сумма в сравнении с той, которую он потерял, что Михаил опять расстроился и решил выйти на первой же остановке. Электричка стояла две минуты, так что он едва успел выпрыгнуть из последнего вагона на гравийную насыпь: платформа закончилась метрах в десяти от места его приземления. Железнодорожная станция находилась в нескольких километрах от большой станицы, в которую Михаил решил не заходить. Он открыл атлас и, ногтем проведя линию до места назначения, пришёл к выводу, что по трассе полтысячи километров пути, а напрямую в два раза короче.

Было начало мая. На Кубани это разгар весны, торжество, праздник, цветение садов, птичий перезвон, травы и цветы свежие, крепкие, и озимые стоят, будто солдатики, радуя крестьянский глаз. Воздух терпкий, ароматный. Тёплый ветерок ласкает лицо, волосы, и хочется петь. А люди, весёлые, деловитые и трудолюбивые, как

муравьи, дружно копошатся на своих полях, огородах, дачах: кто досаживает картофель, а у кого уже идёт прополка. И разговоры всё только о земле, о севе, о всходах.

Наученный горьким опытом Михаил уже не просил поесть и переночевать, а предлагал помощь. И всегда находились те, кому были нужны рабочие руки. После работы его сытно кормили и оставляли ночевать. Зачастую это были одинокие женщины, вдовы. Весной требовалось много мужской силы в хозяйстве. В некоторых полузаброшенных хуторах Михаил был прямо-таки нарасхват. Он почувствовал свою нужность и, как это бывает у не очень умных людей, загордился. Может быть поэтому, а может быть, виновата весна или забывчивое время, но у Михаила проснулись мужские желания. Конечно, он был не уверен в себе, но попробовать был бы не прочь.

Однажды Михаил поправил душ у одной бойкой одинокой женщины лет сорока. И немного он сделал. Как сам понимал, не заработал даже обеда, но женщина оставила его на ночь. Он принял это за добрый знак. Вечером хозяйка готовила ужин, а Михаил думал о том, что нигде не кормят мужчин так сытно и обильно, как здесь, на Кубани. Он сидел на порожке хаты, а казачка накрывала на стол во дворе под грушей, то и дело выбегая из летней кухни с тарелками.

На столе уже стояла запотевшая бутылка самогонки, жарко светились румяные пирожки с печёнкой, белела сметаной большая пиала, горкой были навалены на тарелку домашние колбаски, на блюде лежала вынутая из борща утка в звёздочках моркови и в лентах капусты. Михаил обалдел, а женщина уважительно сказала:

– Вы пока мойте руки, а я на стол подам.

Михаил гремел умывальником, а сам думал: «Ну и едят же казаки! На столе навалом жратвы, а она ещё чего-то собирается подавать. Конечно, будешь крепким и весёлым от такой-то пищи. И мужская сила не пропадёт». А хозяйка поставила на стол тарелки с дымящимся борщом, положила в них по две ложки сметаны и, налив по полному стограммовому стаканчику самогона, пригласила работника к столу.

– Ну, приятного аппетита, Михаил Михайлович, кушайте на здоровье, – умильно сказала она и, опрокинув стаканчик, стала с удовольствием закусывать борщом. Михаил от выпивки отказался.

Хозяйка уговаривать его не стала, но заметила:

– Я тоже не пью. Так, пропускаю для аппетита по стаканчику перед едой.

Борщ был удивительно наваристый. И не только из-за жирной утки. Хозяйка сказала, что заталкивает борщ салом. Перед тем как отставить кастрюлю с борщом с огня, в него кладут старое сало, растёртое с луком. Это и придаёт кубанскому борщу особый вкус.

Опустошив тарелку, Михаил почувствовал себя сытым, а казачка уже разломала пополам утку и всю заднюю часть положила ему в тарелку. Михаил не отказался. Обсасывая последнюю косточку, он вдруг вспомнил, что сегодня пост.

«Согрешил», – мелькнуло у него в голове. А меж тем назревал второй грех. Михаил смущался и краснел, не зная, как выразить своё желание, потому что имел только супружеский опыт близости с женщинами. Подготовительная работа шла полночи. Временами Михаилу казалось, что женщина всё понимает и издевается над ним. Наконец, они пришли к согласию, но, увы, он не смог реализовать своей потенции.

На рассвете, когда выгоняли коров в стадо, хуторяне увидели потрясающую картину: богомolec, примелькавшийся за неделю пребывания на хуторе, совершенно голый бежал по улице; в руках он держал мешок и охапку одежды, которая, свисая, прикрывала причинное место. Он бежал, петляя от дерева к дереву, стараясь

укрываться за раскидистыми вишнями, росшими вдоль хат. А за ним в одной сорочке посередине улицы неслась со скалкой разъярённая казачка, у которой он работал накануне, и орала во всё горло:

– Жирненького захотелось?! А ты отработай! Поганный мерин! Холощёный хряк! А туда же, куда и люди!

Выбежав за околицу, Михаил оделся. Сапоги остались на хуторе, но, благо, земля была уже тёплая. Не сверяясь с картой, на которой, кстати, этот хутор не был обозначен, он пошёл куда глаза глядят. Он шёл и думал о том, что Бог наказал его за несоблюдение поста половым бессилием.

Под ногами стали попадаться шампиньоны. Несколько осклизлых грибов застряли между пальцами. Михаил сообразил, что вышел к ферме. Действительно, вскоре он остановился перед стенами длинного корпуса, бывшего когда-то МТФ. Крышу селяне уже сняли, да и кирпичные стены тоже местами были разобраны. Вокруг поднимался молодой бурьян, постепенно заглушая прошлогодние высохшие стволы бодяков. Михаил вошёл в здание: всё, что можно было снять и унести, отсутствовало. Разор и запустение царили вокруг. Михаил вышел наружу и отправился к лесополосе, вдоль которой шла просёлочная дорога. По пути он собирал в полиэтиленовый пакет шампиньоны, предвкушая, как разведёт костерок и поджарит на нем грибы.

Вдруг со стороны фермы выскочили две здоровые собаки и устремились к нему. Селезнёв пустился бежать. Огромные псы не лаяли, а рычали. Михаил взметнулся на дерево и посмотрел вниз. Собак была уже целая свора. Худые, голодные, они щёлкали, как волки, зубами – видно, одичавшие сторожевые псы с фермы. От страха он влез на дерево очень высоко и даже не заметил, что это акация. Теперь же колючки со всех сторон впивались в тело, и тонкий ствол опасно прогнулся. Михаил завопил:

– Спасите! Помогите! – однако надежды на то, что его услышат, не было. Оставалось ждать, что кто-нибудь будет проезжать мимо и спасёт богомольца. Собаки разбрелись по округе, но совсем не уходили, а время от времени подходили к акации и щёлкали зубами.

Только к вечеру Михаил услышал звук мотора и заорал. Остановились «жигули», из открытого окна выглянула молодая круглая физиономия:

– Что орёшь?

– Соб-баки!

– Нечего шастать по чужой территории. Это моё фермерское хозяйство. Понял? Ну, ладно уж, вывезу. Прыгай!

– Боюсь.

Парень выставил из кабины ружьё и пальнул вверх. Свора разбежалась.

Михаил, обдирая кожу на руках и ногах, слез с акации и сел в машину. Водитель посмотрел на грязные, исцарапанные босые ноги Михаила и спросил:

– Бомжуешь? Зря. Этой весной в посадке нашли десятка два «подснежников». И это только в нашем районе. Не боишься такого конца?

– Да не бомж я, – начал оправдываться Михаил, – иду строить церковь.

– Зачем же идти? Ходить сейчас опасно. Садись на автобус и езжай. Хочешь, денег дам на дорогу?

– У меня есть.

– Ну и езжай. Я тебя к автостанции подброшу.

Михаил согласно кивнул головой.

На автостанции, купив билет только на утро следующего дня – более раннего рейса не было – он отправился к ларькам приобрести себе что-нибудь из обуви. Взял без примерки дешёвые сандалии и носки, помыл у колонки ноги, обулся и пошёл опять на автостанцию.

В восемь часов вечера здание закрыли, и Селезнёв вместе с другими пассажирами расположился на ночлег на улице. Улёгшись на скамейку и положив под голову заплечный мешок, он задремал. Среди ночи его разбудил милиционер с проверкой документов. Больше уснуть Михаил не смог. В голову лезли разные думы и мечты о будущей жизни.

Перед рассветом приехали на узике омовцы. Они тоже проверили документы и учинили настоящий допрос: кто? откуда? куда? У Михаила были только паспорт и выглядевшая не очень убедительно справка из психушки. Если б не специфическая одежда и русское «чо», его бы забрали, как это сделали с двумя чернявыми мужиками.

Утром Михаил купил у торговки горячих пирожков и сел в автобус. Он был рад, что его путешествие подходит к концу и он, наконец, определится к месту.

IX

Через три часа Михаила высадили на нужной остановке. До станицы идти пешком несколько километров. Все остальные пассажиры, вышедшие с ним, или остались ждать попутки, или уже обогнали его. А Михаил шёл не спеша, обозревая окрестности. Было начало лета, а природа как будто его уже отпраздновала и стала скучной и пыльной. По обочинам дороги пожухли травы, листья на деревьях побледнели, словно выцвели. Михаил усвоил, что признак многочисленных рек, речушек и родников – криниц, как тут говорят, – это камыши. Но как часто он обманывался, не найдя в камышовых зарослях и капельки воды!

Вот и сейчас показалась густая линия камышей. Михаил подошёл ближе и увидел, к своей радости, широкую ленту спокойной реки с прозрачной водой, под которой стелились зелёные косы водорослей. Он решил отметить пройденный отрезок жизни купанием и стиркой. Сняв с себя одежду и достав из мешка кусок хозяйственного мыла, по скользкому илистому берегу среди камышей Михаил подобрался к воде. Выстирав всё: нижнее бельё, рубашку, брюки, суконный балахон и даже колпак, – он разложил их на траве сушиться, а сам полез в воду. Вымыл голову, старой майкой потёр тело, а потом долго плавал и кувырчался, как в далёком детстве в своей тихой речке с песчаными берегами. И эти действия впервые за долгие годы жизни были естественными, честными и очень приятными. Он никогда не осознавал, да и сейчас не осознал, насколько много он притворялся, лицемерил, жил не свою жизнь. Он жил, как ребёнок, который хватается всё поверхностно, внешне, не различая, что хорошо и что плохо, черпая из окружающего мира лишь то, что он видит глазами, стараясь быть на кого-то похожим, чтобы было всё, как у взрослых. А сейчас ему просто хорошо. Он чувствовал себя пацаном – Мишкой Селезнёвым.

Потом он долго лежал на жёсткой траве, глядя в синее небо и следя за пушистыми облаками, медленно плывущими по небосводу и образующими причудливые формы; и художественное воображение, которое, несомненно, у него было, искало в этих формах знакомые предметы, как в детстве.

Солнце вышло в зенит и стало заметно припекать. Михаил перебрался в тень под плакучую иву и уснул. Его разбудила шумная компания ребят, подъехавших к реке на

велосипедах и с удочками. Михаил засобирался. Надел на себя одежду – та высохла, только сукно оставалось ещё влажноватым, – перекинул через плечо мешок и пошёл к станице. Видно, он показался мальчишкам смешным, потому что услышал за спиной смех и выкрики:

– Чучело! Чучело!

Войдя в станицу, Михаил сразу увидел храм. Его возводили на высоком берегу речной излучины. Место было выбрано очень удачно. Почти с трёх сторон строящийся храм обвивала синяя лента реки, в чистой глади которой купались белые облака. Дома станицы располагались ниже и на некотором отдалении от церкви, будто почтительно отступали перед величием Божьего Храма. Стены уже подняли. Несколько человек работало наверху, на крыше. Подойдя ближе, Михаил увидел, что стройка огорожена временным забором. Через ворота он вошёл на её территорию и заметил двух стариков, перетаскивавших к забору остатки кирпича. Михаил на всякий случай перекрестился на стены храма и спросил, где найти священника.

– Он уже ушёл в старую церковь. Вас проводить? – отозвался один из стариков.

Другой старик, внимательно оглядев фигуру Михаила, крикнул на местном наречии:

– Мытька, подь до мэнэ!

Откуда-то вылез мальчик лет десяти.

– Проводы цёго чорныця до церкви.

Старая церковь находилась неподалёку, в таком же доме, в каком Михаил зимовал, только была в гораздо худшем состоянии. Перекрестившись, он вошёл в храм и замер: почти весь иконостас состоял из тёмных икон старинной работы, и все глаза скорбных ликов святых смотрели на него. То ли свет так падал, то ли так богомазами были выписаны глаза, только строгие взгляды пронзали Михаила насквозь, и он ощутил беспредельный стыд, будто заглянул в свою грешную душу.

Из ризницы вышел батюшка, ещё не старый, крепкий, по-военному подтянутый мужчина с загорелым лицом и завязанными в пучок русыми волосами. На нём были синие джинсы и такая же футболка.

– Отец Владимир, – представился он и крепко пожал Михаилу руку.

– Михаил. Я к вам на строительство. Но вижу, что уже опоздал.

– Ничего, работы ещё много. А пойдёте-ка ко мне отобедаем. Там и поговорим.

Михаил с радостью принял приглашение священника. Дом и двор его ничем не отличались от других подворий станицы. Только, может быть, большей чистотой. Их встретила матушка Ирина – моложавая женщина с искристым взглядом карих глаз. Она была какая-то вся мягонькая, кругленькая, с плавными движениями полных белых рук. Приветливо поздоровалась, ласково пригласила к столу. У Михаила задрожала тонкая струнка в груди после первых же слов матушки. В её выговоре он узнал своё, родное. Внешне она была не похожа на Таню, но это круглое «о», почти переходящее в «у», так обволакивало и успокаивало, что впервые за много лет он почувствовал себя своим. Ему вдруг страшно захотелось открыть душу, освободиться от греховного гнёта и зажечь заново. Но почему-то он начал разговор об иконах в храме.

– О, это длинная история! – заинтересованно откликнулся отец Владимир. – Представляете, это иконы из первого храма, построенного здесь почти двести лет назад, некоторые из них были привезены казаками ещё с их родины, из Запорожской Сечи. Новая церковь, что строится, будет уже четвёртая, куда их перенесут. Первая сгорела при пожаре в девятнадцатом веке – тогда большинство икон спасли; вторую,

кирпичную, разрушили в тридцатых годах; тогда некоторые иконы старые и те, что писали позже по заказу, станичники успели вынести и спрятать. Тот храм, что вы видели, был освящён и открыт в семидесятых. Вот тогда и были по дворам собраны иконы. Есть надежда, что эти драгоценные лики займут своё место и в новом храме. Когда-нибудь я расскажу вам подробнее историю каждой иконы.

Это было интересно, но Михаил упустил момент для откровения и сказал просто и незатейливо, как всё в этом понравившемся ему доме:

– Я иду из N-ского монастыря. Игумен отказал мне в послушничестве и велел послужить в миру на строительстве храма. Я долго шёл, собирал пожертвования, но, к сожалению, обстоятельства не дали мне донести сюда все собранные средства. Осталась лишь малая толика, – и он протянул батюшке заранее подготовленную и завернутую в газетку пачку денег. – Но я пришёл, чтобы выполнять любую, какую вы скажете, работу.

Батюшка сердечно поблагодарил его и посетовал, что строительство идёт не так споро, как ему бы хотелось. Денег недостаточно, рабочие берут дорого, а бесплатно трудятся на возведении храма только беспомощные старики, убогие или пьяницы, от которых мало проку. Отец Владимир и служит в старом храме, и строит новый.

– Я и прораб, и архитектор, и рабочий. Поэтому ваша помощь ох как кстати! – закончил он свою мысль.

Обед был очень вкусный. Кроме взрослых за столом находились ещё три мальчика от трёх до десяти лет. Двое из них удивили Михаила тем, что были черноглазыми, совершенно не похожими на своих родителей. Дети вели себя чинно и скромно. Михаила умилил малыш, который, произнося молитву, очень сосредоточенно крестился маленькими непослушными пальчиками.

После обеда батюшка отправился по делам, а Михаилу предложил устраиваться либо у него, либо во временном вагончике для строителей. Он пустует. Кровельщики и отделочники, что сейчас трудятся на храме, местные, и ходят ночевать домой.

Михаил поселился в вагончике и начал свою созидательную деятельность. Работал он в двух направлениях: в отсутствие отца Владимира давал указания и распоряжения, не всегда логичные, чем вызывал недовольство строителей, а при этом ещё и поучал.

– Брось сигарку, – кричал он плотнику. – Ты в Божьем Храме! Доски-то выглади, выглади рубаночком!

В свободное от руководства стройкой время Михаил ходил по дворам и божьим словом требовал жертвований, пугая тех, кто не давал, карой небесной. Люди давали деньги, но неохотно: их раздражала назойливость Селезнева. За глаза, с лёгкой руки мальчишек, многие называли его чучелом. Одет он был всё в тот же выгоревший на солнце балахон, из-под которого выглядывали клетчатая фланелевая рубашка с вытертым воротничком и синие сатиновые штаны. Зимой обувал сапоги, летом – сандалии, и всё на босу ногу. Колпак тоже выгорел и приобрёл желтоватый оттенок, как и волосы его владельца. Они ещё больше поредели, на лбу образовались залысины, и косичка стала тоненькой, как мышинный хвостик. Лицо Михаила сильно постарело и сморщилось. Принято думать, что морщины на лице, их глубина и расположение зависят от характера человека. Бывают добрые и злые морщины, весёлые, грустные, хитрые, лукавые, сердитые... У Михаила они складывались хаотично, противоречиво. И оттого, что морщины не имели никакой закономерности, лицо у Михаила получилось странным, непонятным. К тому же нос стал нависать над тонкими губами, глаза провалились, а шея покрылась кольцевыми морщинами. За несколько лет из молодого

тридцатипятилетнего мужчины он превратился в скучного неряшливого старика. Однако за эти годы Селезнёв научился, запрятав неуверенность внутрь, изрекать общеизвестные истины с твёрдостью мессии. Прошли те времена, когда он не той рукой крестился. Нахватавшись евангельской мудрости, Михаил так и сыпал изречениями от Матфея, Иоанна Златоуста, Апостолов. И людям, которые не знали его в прошлом, он казался глубоко верующим человеком, блюстителем Божьих заповедей, знатоком Священного писания. Не ведая того, что вера приходит иначе и пронизывает всю сущность человека, Михаил считал, что достиг желаемого и счастлив, но иногда, глядя на радостные, просветлённые лица верующих, выходящих после службы из храма, начинал сомневаться в том, что он верит в Бога. Для него Бог был только Слово.

Самым трудным стало общение с отцом Владимиром. Батюшка притягивал Михаила таинственным внутренним светом. Он был другой, и поэтому не понятен. Рядом со священником Михаил казался сам себе маленьким и незначительным и, чтобы не создавать неудобные для себя ситуации, стал его избегать.

Вокруг стройки кормилось довольно пёстрое общество. Профессионалов, специалистов, чей труд дорого ценился, приглашали только на серьёзные работы. Остальное делали добровольные помощники, а ещё пьяницы, наркоманы, которым батюшке приходилось платить подённо, а суп и компот на общественных началах готовили им богомольные старушки. Михаил, обедая вместе с этими опустившимися людьми, которых батюшка ещё надеялся обратить в веру, вынужден был вступать с ними в какие-то отношения. Он их, в основном, поучал – те люто его ненавидели.

Была среди них одна пара, жившая в старой хатке на территории стройки с самого начала. Супруги Катя и Витя считали себя старожилами и почти хозяевами. Михаил заметил, что они торгуют стройматериалами или меняют их на выпивку. Обычно это были гвозди, рамы, доски. К вечеру супруги напивались до поросычьего визга, иногда даже засыпали, не дойдя до хаты, и валялись там, где их застала отключка. Михаил стал за ними следить, несколько раз ловил за руку и стыдил. Один раз, когда он не вытерпел и рассказал об их действиях батюшке, Катя и Витя поймали его в обеденное время в безлюдном уголке стройплощадки, повалили на землю и отколотили. Вдруг на их глазах Михаил выгнулся дугой и забился в судорогах, ритмично стелая. Глаза безумно уставились на них. Потом у него изо рта пошла пена.

Супруги испугались и позвали народ. Люди окружили больного и гадали, что же это такое:

- Да он припадочный.
- Эпилепсия.
- Нет, юродивый.
- Белая горячка.
- Он не пьёт, ослы!

И тут раздалось слово, которое подхватили все:

- Святой! Святой! Святой!

Так пьяницы, вместо того чтобы отомстить Михаилу, принесли ему славу святого. Однако, твёрдо решив Михаила выжить, они продолжали делать ему гадости. А однажды за завтраком незаметно подсыпали ему в компот какой-то жёлтый порошок.

Через некоторое время Михаил почувствовал внутренний подъём и силу, а потом душу начало переполнять блаженное счастье. Ему казалось, что он достиг совершенства. Хотелось возвыситься над всеми, над миром, взлететь. Он в упоении полез на колокольню. Душевное ликование Селезнёв связывал с Богом: «Вот она вера,

настоящая вера, наконец, я почувствовал её». Душа его пела и поднималась по крутой лестнице вместе с ним, нет, опережая его. Забравшись на самый верх, Михаил посмотрел на синее небо и отчётливо услышал знакомые голоса:

– Он счастлив.

– Да. Он думает, что святой.

– И хорошо. Он прошёл все испытания и достиг совершенства. Теперь Господь призывает его.

Михаил глянул вниз, на землю. Был базарный день. Мимо церкви шли и ехали с базара и на базар люди. Вот старуха толкает детскую коляску с капустой. Идёт компания подростков. А вот баба едет на подводе, запряжённой ослом.

«Букашки, муравьи, – презрительно шептал Михаил. – Я оставляю вас копошиться в дерьме». Он поднял глаза вверх и увидел, как разверзлись небеса, из них выглянул Иисус Христос и поманил к себе рукой.

– Я иду к тебе, Господи! – Михаил возвёл к нему руки, переступил через выступы на колокольне и по-ле-тел...

Он упал на осла. Осёл сдох, но «святой» выжил. Его отвезли в станичную больницу и положили в травматологию.

Х

Больных в отделении было немного, да и медперсонала тоже: все копали картошку. Михаил выздоравливал. В результате необъяснимого падения с колокольни у него оказалась серьёзно сломана нога и вывихнуто плечо. Других видимых последствий не было, если не считать гематомы в голове, которую выявил специальный аппарат, кажется, его называли томограф. На этот томограф «скорая» возила его в Краснодар. Врачи обещали, что со временем гематома рассосётся, нога срастётся, хотя и будет немного короче, а плечо ему вправили в первый же день при поступлении в больницу, так что отделался Михаил сравнительно легко.

Пострадавшего навещали. Несколько раз приходила матушка, приносила разные вкусности и жалела Михаила. Ещё приходили какие-то старушки, которых Михаил знал в лицо, но не помнил имён. Они участливо расспрашивали его о здоровье, оставляли на тумбочке нехитрые домашние припасы и сообщали последние новости. От них он узнал, что храм почти готов, остались некоторые внутренние работы, роспись стен. Заказали колокол. Деньгами помогли газовики и казачье общество. Пропали Катя с Витей. Пропали в тот же день, когда случилось несчастье с Михаилом. Он с интересом слушал посетителей и радовался, что кому-то нужен.

Отец Владимир был очень занят и пришёл только однажды. Михаил лежал на спине, вытянувшись во весь рост. Кровать ему была коротка, и ноги высывались сквозь прутья спинки. Глаза его были открыты, но больной не сразу среагировал на приход посетителя. Всё время пребывания в больнице Михаил мучительно вспоминал, как он оказался на недостроенной колокольне и почему оттуда упал. В памяти осталось только впечатление счастья.

Батюшка кашлянул. Михаил смущённо поздоровался. Отец Владимир присел напротив на пустующую койку. Сначала разговор не клеился. Михаил односложно отвечал на его вопросы и думал о том, что он будет говорить, когда батюшка спросит, что он делал на колокольне. Но тот тактично умалчивал о событиях, предшествующих падению. Тогда разговор стал более непринуждённым. Михаила давно интересовало,

Московский BAZAR, № 9 (11) 2013 г.

как такой видный, физически крепкий, с военной выправкой мужчина попал в священники, и он спросил отца Владимира об этом.

– Я услышал голос...

Брови от удивления поползли вверх – Михаил весь превратился в слух. Он-то думал, что только с ним такое случалось.

– Служил я, знаете ли, на подводной лодке, офицером, – продолжал священник. – Однажды лодка потерпела аварию и долго не могла подняться на поверхность. Капитан принимал, конечно, все меры для спасения людей. Даже весь запас кислорода приказал отдать аварийной команде. А мы ждали. Казалось, очень долго ждали – спасения или конца. И уже начал ощущаться недостаток кислорода, как я услышал голос: *«Кому ты служишь?»* Я посмотрел на ребят. Слышат ли это они? Все тяжело дышали, глаза полуприкрыты. Похоже, что обращаются именно ко мне. Но я даже не очень удивился. Знаете, при кислородном голодании бывают галлюцинации, и зрительные, и слуховые. А голос снова: *«Ты должен служить Богу!»* Думаю: «Какой там служить? Видно, пришёл мой последний час». *«В Боге твоё спасение»*. Голос тёплый, мягкий, как колыбельная. В мыслях моих, отрывистых, прыгающих, промелькнула печальная ирония: «Только и остаётся уповать на Бога». И опять: *«В Боге твоё спасение»*. Кровь подступала к вискам. Задыхаюсь уже. Тут такое отчаяние охватило меня: «Кто знает? Может, правду люди говорят, что в последнюю минуту жизни Господь человеку является. Если вдруг живой останусь – брошу море, поступлю в духовную семинарию». И только это в голове промелькнуло, как чувствую, начала лодка подниматься. Починили ребята неисправность, и все мы живы остались. Но слово я сдержал. Сразу же подал в отставку и начал готовиться к служению Господу.

Батюшка немного помолчал, как бы дав Михаилу время переварить сказанное, потом, откровение за откровение, спросил:

– А как ты уверовал в Бога?

Михаил набрался смелости и, как взрослый мужчина, сказал то, о чём неоднократно думал:

– Я и не уверовал вовсе. Я сам не знаю. Молюсь, а не верю, ну, не так верю, как другие.

– Это ничего не значит, – успокоил его отец Владимир. – Бог в каждую душу по-разному приходит. Ты был не готов принять Его, и веры не было. А сейчас, мне кажется, уже готов.

– Не знаю. Не понимаю, как живу после того, что я совершил. Я ведь сына убил. Не хотел, но убил.

И будто открылась клетка, в которой сидела взаперти душа Михаила. Начал он рассказывать свою жизнь отцу Владимиру, и не так, как в монастыре на исповеди, когда приукрашивал и оправдывал свои поступки. Нет. Он говорил о своём падении: пьянстве, гневе, зависти, притворстве, о том, что повидал, когда шёл сюда, о людях, встретившихся на его пути... Рассказывал о жене своей, которую любил, о счастье, что у него было, и которое он сам сгубил.

Речь Михаила была непоследовательна. Он перескакивал с одного на другое, стараясь высказать все, что накопилось в его душе, и впервые пытаясь дать оценку своим действиям и поступкам. Это было взросление – болезненное, но необходимое ему.

Батюшка успокаивающе гладил его по руке:

– Вот и хорошо. Теперь тебе легче. Кайся, молись, и Бог простит. А вылечишься, найдёшь жену и попросишь у неё прощенья.

В палату вернулся сосед Михаила по койке. Отец Владимир засобирався и на прощанье сказал:

– Выздоровливай, Михаил. Мы тебя ждём.

Перед самой выпиской неожиданно в больницу явился бомж Грач. Михаил не знал, почему его так прозвали: то ли по фамилии, то ли за жгучую брюнетную внешность, а может быть, за то, что всё лето он где-то гулял, а к осени заявлялся к отцу Владимиру на содержание. Грач пришёл вроде бы проведать, но разговаривал с Михаилом зло. Между прочим, он сообщил выздоравливающему новость – неожиданную, но чрезвычайно приятную для него:

– Заседал церковный совет и решил тебя оставить при храме, да ещё и выделить комнату в административном здании. За что, спрашивается? Подумаешь, деньги собирал?! За стройкой наблюдал?! Святой, бля, выискался! Тут люди побольше твоего сделали, а им: «Вот построим приют для бездомных...» А на хрена мне этот приют?! – и, не попрощавшись, Грач выскочил из палаты.

«Господи! Неужели окончилась моя неудалая жизнь, и я теперь кому-то нужен? Да я всё буду для церкви делать. Чернорабочим стану. А весной цветы посажу во дворе. Розы, пионы, а ещё флоксы», – он не заметил, как очистились, изменились его мысли. Они теперь только о том, что он может сделать для людей, для церкви.

Забирать Михаила приехал батюшка на своей старенькой «копейке». Он повёз Михаила к себе домой. Матушка испекла пирогов с капустой, наварила киселя с малиной. Вот так и сидели в кухне, ели пироги, запивали киселём и беседовали.

Расшумелись дети. Батюшка вышел, и Михаил слышал, как он спокойно и ласково убеждал их в чём-то. Когда отец Владимир вернулся на кухню, в его глазах ещё сиял свет отцовской любви.

Михаил, может быть, не совсем тактично заметил:

– Ребята на вас не похожи.

На что батюшка совершенно просто ответил:

– Они неродные нам. После службы на подложке у меня, как оказалось, развилось бесплодие. Матушка, а с нею мы поженились перед моим распределением сюда, выходила нам по разным комиссиям сыночка из детского дома, а двоих малышей мы подобрали на вокзале. Родители их погибли при бомбёжке в Грозном, оттуда они выехали с дальними родственниками. Те вывели их из поезда и оставили на перроне. Тоже была морока с усыновлением. Ну, теперь законные, Владимировичи, – улыбнулся священник. – Они помогают мне служить Богу, не позволяют остудиться душе.

В свою очередь батюшка спросил Михаила о его планах. Они были неопределёнными.

Отец Владимир посоветовал Михаилу поговеть и исповедаться – осуществить церковное таинство покаяния. Поскольку Михаил совершил грехи против ближних и против собственной души, поститься надо как можно больше, столько, на сколько хватит сил.

– Но главное, конечно, не пост и исповедание, – убеждал батюшка его, – главное желание и стремление освободиться от пленяющих тебя страстей, открыть глаза на самого себя. Читай молитву не спеша, как бы по слогам, чтобы ум успевал помещаться в слова, а душа открывалась добру.

Михаил был согласен со всем, о чём говорил батюшка. Ему было тепло и уютно в этом доме, уходить не хотелось. Однако вечерело. «Пора и честь знать», – подумал Михаил и засобирался. Но священник его остановил.

– А теперь – сюрприз! Пойдём к новому храму. И матушку с собой захватим.

Втроём они вошли в церковный двор. В стороне от храма стояло новое двухэтажное кирпичное здание церковной администрации. Зашли с торца. Три ступеньки крылечка вели к зелёной свежевыкрашенной двери. Батюшка отомкнул дверь ключом и торжественно вложил его в руку Михаила. Они вошли в светлую квадратную комнату с окнами на реку. В комнате была вся необходимая мебель и даже вещи Михаила, на стуле примостился его походный мешок. На окнах висели белые занавесочки.

– Это была идея матушки. Она тут и потрудилась. Нравится?

У Михаила не было слов, чтобы выразить свою радость. А душа ликовала: «Дом, мой дом! Господи, до чего же хорошо!»

– Вот, по решению церковного совета. Живи! А работу мы тебе посильную определим. Ты ведь будешь оформлять инвалидность?

Но Михаил не слышал вопроса. В ответ он только шептал:

– Спасибо, спасибо.

Батюшка с матушкой тихонько вышли.

Наутро Михаил с палочкой, хромая, прошёлся по территории храма.

– Ты бы отдыхал, Михайлович, – уважительно обратилась к нему одна из старушек, собирающих строительный мусор.

– На том свете отдохну, – бодро откликнулся Михаил и хозяйским взглядом оглядел новостройку.

Врата храма были распахнуты. Михаил, перекрестившись, вошёл внутрь. Стены были уже расписаны.

– Немного тускловато, – заметил Михаил.

– Нет, это не так, – возразил подошедший отец Владимир. – Осень, на улице хмуро и в храме тускло. А вот сейчас мы включим свет...

Священник щёлкнул несколькими выключателями, и храм озарился светом, ожил, заиграл красками.

– Вот, делаем иконостас. Думаю, как лучше разместить старые иконы, чтобы не терялись в общей массе. Может, что посоветуешь?

Михаил несмело предложил отцу Владимиру:

– Давайте я сделаю для них киоты. Два киота. Рассчитаем размеры... Вы помните, я вам рассказывал, что занимался резьбой по дереву ещё до того... – Он замялся, а батюшка понял мысль Михаила и согласился.

– Попробуем. Это ж сразу несколько проблем тогда мы решаем: выносим старинные иконы отдельно, сохраняем их от дряхления и украшаем интерьер храма... Замечательная мысль! Что тебе для этого надо?

– Материал и инструменты.

– Материал я добуду. Ты только скажи какой. А за инструментами поедem в ближайшие дни в Краснодар.

Михаил задумал сделать на дверках киота плоскорельефную резьбу, просчитал виды и количество ножичков, резачков, стамесок – выходило пятьдесят-шестьдесят штук. Через два дня отец Владимир и Михаил привезли все необходимые инструменты, а

Михаил сделал упор – приготовил рабочее место. Но прежде чем приступить к работе, попросил батюшку об исповеди.

XI

Священник проговорил слова Святого Евангелия: «Аще отпускаете человекам согрешения их, отпустить и вам Отец наш Небесный», и они приступили к таинству исповеди и покаяния...

Когда Михаил вышел из храма с внутренней решимостью никогда не возвращаться к исповеданным грехам, он нёс в себе знак совершённого покаяния – чувство лёгкости, чистоты, неизъяснимой радости. Ему казалось, что теперь грех так же невозможен, как только что далека была радость очищения. С этим чувством он приступил к работе.

Киоты – это застеклённые шкафчики для икон. Михаил решил сделать их высокими и с помощью морилки придать им оттенок, соответствующий цвету икон. Рассчитав все поверхности, Михаил нарисовал эскизы и перевёл их на доски. Всё! В течение трёх месяцев, то есть почти всю зиму, никто не беспокоил его. Никакие посторонние дела, прежние мысли не отвлекали его от процесса творчества. Как на чистой доске он сделал первую надрубку, так же с чистой доски началась и его новая жизнь. Тщательно, кропотливо он обрабатывал каждую деталь киотов, особенно долго возился с досками для дверок, края которых украшал ажурной накладной резьбой. Затем Михаил отшлифовал каждую форму орнамента отдельно, подчеркнув природный рисунок, усилил цвет древесины ореховой морилкой, а потом нанёс три слоя лака. Получился цвет – «под старину».

Скоро должны были освящать церковь, приближался храмовый праздник. Батюшка уже несколько раз заглядывал в мастерскую, но Михаил отрицательно качал головой. И только тогда, когда собрал и застеклил готовые киоты, он официально пригласил батюшку и матушку посмотреть и оценить.

Они стояли в изумлении в дверях мастерской, не в силах что-нибудь сказать. Потом батюшка восхищённо прошептал:

– Красота! Благолепие!

А матушка несмело дополнила:

– Видно, сам Господь помогал вам, Михаил Михайлович!

Когда киоты поставили в церковь и поместили в них старинные образа, ещё до освящения храма начали стекаться верующие, чтобы посмотреть на казачьи иконы и на работу Михаила, как на чудо.

– Мастер! Настоящий мастер! – слышал он восхищённый шелест голосов вокруг киотов.

На освящение храма приехало много гостей, священники всех соседних храмов и даже сам митрополит. После освящения состоялась праздничная служба – литургия. Такой торжественной и красивой службы Михаил никогда не видел. Голоса священников и певчих заполняли всё пространство храма, вселяя в сердца верующих надежду и радость. После службы, когда прихожане и гости разошлись, митрополит со своими ближними подошёл к киотам со старинными иконами. Михаил затаил дыхание. Он понял, что речь зашла и о нём, потому что отец Владимир оглядел храм, заметив Михаила, подозвал его и представил владыке:

– Вот наш мастер, Михаил Михайлович Селезнёв. Благословите его, Ваше Преосвященство. Ему это очень нужно.

Московский BAZAR, № 9 (11) 2013 г.

Вернувшись из храма, Михаил привычно перекрестился на образ Спаса. Да нет, не привычно. Внутренняя потребность опустила его на колени. Он встретился взглядом с Иисусом Христом и обратился к нему с молитвой. Слёзы радости и счастья застилали ему глаза, а он истово молился и понимал, что Бог простил его.

Виктория Кирдий. Обнимая.

Акварель

ПРОЗА

Владимир Борисов
(МОССАЛИТ, Москва)

КАПИТАН МИШКА

1.

Небольшие розовато-коричневые котлеты с недовольным ворчаньем купались в раскалённом масле, исходили прозрачным соком. Рядом с плитой, на столе под пёстрой клеёнкой, стояло глубокое блюдо с уже остывающими котлетами. Сквозь приоткрытое поддувало печки было видно, как на серых бугорках золы весело резвились отблески пламени, бушевавшего в топке.

- Мама, закрой поддувало - котлеты горят. Ты что, разве не чувствуешь? - закричал Мишка и проснулся.

Тяжёлый махорочный дым сизыми слоями повис под потолком. Парнишка поморщился и нехотя выпростался из-под старого облезлого и необычайно тяжёлого дедовского тулупа. На соседней кровати заворочалась сестра, и Мишка, торопливо сбросив с Наташки стёганое ватное одеяло, поспешил посадить девушку на горшок. Тяжёлая, горячая со сна, она обняла брата за шею и что-то залепетала ему прямо в ухо, на своём никому не понятном языке.

- Да ладно уж тебе, разболталась. Все ухо мне обслюнявила. Писай давай скорее. Чуешь, пол какой студёный. Печка со вчерашнего дня, небось, не топлена. Опять родичи гужуются. Наверняка дрова соседям пропилили... Алкашня. А в лесу ещё снег кругом, холодно ночами, как без дров-то теперь? Опять мне сучья пилить придётся.

Сестра помочилась и вновь забралась на кровать. Ночная сорочка сбилась, и сквозь обремканный разрез стала видна вполне уже развитая грудь.

- Прикройся, Наташка. Похоже, чужие в доме, пялиться ещё начнут.

Мишка поправил сорочку на груди старшей сестры, с трудом натянув тесноватые побитые молюю носки на свои скоро озябшие ступни, и пошёл на кухню.

В доме опять пили, а значит, про завтрак, впрочем, как и про обед и ужин, можно забыть. Мать в окружении мужиков сидела за столом в телогрейке, стёганных ватных штанах и ярко-розовых тапках на босу ногу. На столе начатая бутылка самогона, небрежно укупоренная бумажной пробкой, несколько мутных залапанных стаканов наполненных по зарубку, да блеклый пучок солёной черемши.

- Приснились, значит, котлетки-то, - мелькнуло в голове у парнишки, и он даже зажмурился от огорчения.

- А вот и мой младшенький, - обрадовано проговорил отец и обессиленно махнул рукой с потухшим окурком.

- Двенадцать на Медовый Спас исполнится.

- Одиннадцать, - коротко поправил отца Мишка и, зачерпнув кружкой из оцинкованного ведра тепловатой несвежей воды, напился.

- Там ещё дочь где-то. Но она с рождения слегка не в себе... Идиотка, одним словом. Мужик всхлипнул обиженно и, торопливо глотая, выцедил стакан самогона.

- Бывает... - согласно закивали его товарищи и тоже потянулись к стаканам.

Мать промолчала. Впрочем, похоже, что она просто спала.

- А ты что, Мишка, не в школе? Прогуливаешь, мать твою за ногу? - решил покуражиться отец, обычно строгий на людях.

- А кто сапоги мои пропил? - огрызнулся мальчишка, набрасывая на худощавое тельце чью-то блестящую от мазута телогрейку. - Сам пропил, а в чем мне до школы эти самые шесть километров пройти не подумал. В валенках по лужам особенно не походишь.

Мишка всерьёз рассердился, натянул чьи-то кособокие пимы и, хлопыстнув дверью, вышел во двор до ветру.

А на дворе вовсю уже хозяйничала весна. Слабая и робкая в тайге, где по оврагам и глубоким колдобинам все ещё лежит тяжёлый и мокрый снег, здесь, на солнышке, среди построек, она расположилась основательно. Высокое крыльцо, крашенное темным суриком, даже на вид тёплым, курилось сероватым хрупким парком.

Тяжёлые, мохнатые лапы кедра, росшего прямо за стайкой, сарайчиком для скота, поднялись вверх - верный признак ранней весны. Пахлопряно и терпко.

Мишка поправил штаны и вернулся в дом.

Отец с приятелями куда-то исчезли, лишь мать все также безучастно и тупо смотрела в залапанное стекло кухонного окна.

Мишка пошарил в простывшей печке и в чугушке нашёл с десяток влажных картофелин, отваренных в мундире.

- Да мы с тобой сегодня жируем, Наташка! - крикнул он радостно в душную темноту комнаты, и тут же сестра, громко и протяжно мыча, появилась на пороге кухни. Пацан вздрогнул от неожиданности и, взглянув в большие, широко расставленные глаза сестры, в очередной раз подумал, что, быть может, Наташка и не такая уж и полоумная, а скорее просто придушивается. Быть может, просто-напросто не хочет вступать с матерью и отцом в конфликты, без которых уже давно не обходится ни один божий день.

Мишка пересыпал картошку в большой свёрнутый из старой газеты кулёк, туда же щедро сыпанул крупной соли и, упрятав пакет под телогрейку, поманил за собой сестру.

Наташка одеваться не любила. Вот и сегодня она брыкалась, падала на пол, плакала и стягивала сапоги, с трудом натянутые Мишкой на её полные ноги. Наконец терпение паренька закончилось и он, нарочито медленно достав из-за пазухи одну из картофелин, осмотрел её со всех сторон и, громко сглотив слюну, откусил половину. Без соли, вместе с кожей.

Сестра (вот же странно: дура душой, а все понимает), заметив с каким аппетитом Мишка проглотил кусок картофелины, обиженно замычала, замотала головой и начала одеваться.

Когда Наташка выползла из дома, расхристанная, кое-как одетая, брат её уже открывал ворота сарая, в котором в своё время отец хранил сети, удочки, цепи для бакенов и толстые противно шуршащие листы пенопласта.

Мишка присел на колоду возле сарая и, подставив весеннему солнцу веснушчатое лицо, задумался, как-то уж очень по-взрослому, изредка поглядывая на сестру, сторожко спускающуюся с крыльца.

Как все-таки странно устроено все в этом мире. Ещё лет пять назад река была судоходной, и по ней нет-нет да и проходили баржи, тяжело нагруженные глыбами цветного мрамора, нарубленными где-то аж под самим Красноярском. Небольшие пестро окрашенные пароходики два раза в неделю развозили пассажиров с ярмарки по крупным и крепким сёлам, раскинувшимся по берегу реки. А катера, те вообще без передыху сновали туда и обратно по своим, наверное, очень важным речным делам. В то время отец, весёлый и жизнерадостный мужик, каждый вечер, перебросив через плечо весла, уходил на работу. Уходил, что бы вернуться ранним утром уставшим, в мокрой от пота рубашке, но все таким же весёлым и совершенно трезвым. Мишка иной раз даже самому себе не верит, что было время, когда его отец спиртного в рот не брал.

- Да ты что, паря? – говаривал он сыну, посадив его на своё крепкое твёрдое колено. - Да разве ж можно? У меня работа тверезая... Я, сына, не абы кто, я – бакенщик! От меня иной раз зависит судьба не только груза корабля, но и жизни человеческие. А ты как думал? Вот не зажгу я, к примеру, пару бакенов, и штурман проложит неверный путь, а капитан поведёт по этому пути корабль. А это все: это пробоина, это мель, это смерть. Про деньги я вообще молчу...

Ну, а потом где-то в верховье реки построили плотину и направили воду по спешно вырытому каналу. Зачем, Мишка не знал, как, может быть, не знал и его отец, но вот только река с тех пор сильно обмелела и лишь по её центру ещё оставались кое-где глубокие омуты и затоны.

Как-то под осень, уже уволенный по сокращению, отец шутя показал Мишке на буруны воды, нет-нет да и появляющиеся над ровной и ленивой теперь поверхностью реки.

- Смотри, паря. Вот там, возле острова, живёт пара налимов. Старые и громадные, словно кабаны. Вот бы нам их с тобой, сынок, выловить. На всю зиму бы мяса хватило. Эх...

Отец ушёл, оставив после себя стойкий запах водки вперемешку с одеколоном. Ну а потом он уже и скрываться перестал, запил по-чёрному. Вслед за ним и мать...

Наташка, увидев брата, обрадовалась, поспешила к нему и чуть не споткнулась о пробегающую мимо белую курицу.

- Садись, дурёха, - с показной суровостью проговорил он и усадил её на своё место. - Ходишь, словно слон. И так курей почти не осталось, хорь, скотина, с десяток придушил, а тут ты ещё...

Губы сестры обиженно задрожали, но Мишка сунул ей в руки кулёк с картошкой, и Наташкино настроение разом улучшилось...

- Как же тебе просто живётся, - с завистью вздохнул парнишка и, распахнув вторую створку ворот, вошёл в сарай.

На телеге лежала большая пузатая бочка, выкрашенная темно-коричневой половой краской. В центре её, чуть левее обруча, зияло круглое отверстие, старательно выпиленное лобзиком. Два коротко отпиленных весла, торчали по обе стороны бочки, словно покоцанные крылья стрекозы.

Мишка обошёл вокруг телеги, несколько раз ткнул пальцем в окрашенные бока этого странного сооружения и совершенно серьёзно, словно сестра могла понять его, проговорил, вытирая краску о штаны:

- Эх, как чувствовал: олифы переложил. Жди теперь, когда краска высохнет. - Он приставил небольшую лестницу и с верхней полки достал темно-синий пыльный патефон.

Крутанув несколько раз блеснувшую в полумраке ручку, мальчишка аккуратно опустил иглу на пластинку, нарезанную на мятом рентгеновском снимке. Патефон зашипел сердито,

Московский BAZAR, № 9 (11) 2013 г.

но вскорости шипенье прекратилось, и мужской прокуренный голос грустно и задушевно выдал:

*Он капитан, и родина его Марсель.
Он обожает споры, шумы, драки.
Он курит трубку, пьёт крепчайший эль
И любит девушку из Нагасаки...*

Дальше иглу заело, и мужик монотонно и недовольно зачастил:

- Нагасаки, Нагасаки, Нагасаки, Нагасаки, Нагасаки...

Мишка хлопыстнул кулаком по верстаку, на котором стоял патефон, игла соскочила и песня продолжилась:

*...У ней следы проказы на руках,
У ней татуированные знаки,
И вечерами джигу в кабаках
Танцует девушка из Нагасаки...*

Наташка, услышав пение, привычно радостно замычала, покачивая головой и уминая картофелину за картофелиной.

- Ну, ты и мечешь! - усмехнулся Мишка, а в руках он уже держал округлый кусок толстого оргстекла.

- Сейчас, Наташа, погодь немного. Я вот только иллюминатор вмажу, и пойдём с тобой на реку, лёд смотреть... Сейчас...

Он говорил, а пальцы его ритмично разминали, разогревали кусок застывшей оконной замазки.

Песня кончилась, суровый капитан из Марселя, в очередной раз узнал о гибели любимой девушки из Нагасаки от безжалостного ножа, а парнишка все мял и мял неподатливую сероватую массу.

- Старая совсем замазка. Как камень твёрдая, - оправдываясь, пробурчал он, сердито, вглядываясь в лицо сестры. Та уже съела картошку и теперь слизывала соль с мокрого пальца.

- Да что же ты, соль-то лижешь, словно телёнок? Потом пить захочешь, а напьёшься – в штаны напрудишь...

Он отобрал у сестры разорванные остатки кулька и вновь завёл патефон. Все ту же единственную и бесконечную песенку.

- А что, Наташка, давай ты будешь девушкой из Нагасаки, а я естественно буду капитаном. Согласна?

Сестра сидела на колоде и смеялась, раскачиваясь всем телом.

- Согласна, значит! - рассмеялся и Мишка и начал старательно вмазывать стекло в дырку иллюминатора. - Вот подожди немного, - убеждённо пророчествовал паренёк, тайно любясь своей работой, - вот только лёд сойдёт, как я на своей подводной лодке за налимками к острову и пойду. Вот тогда я вас всех рыбой от пуза накормлю. Вот увидишь, сестрёнка, так и будет. А там, глядишь, и мамка за ум возьмётся, пить бросит или хотя бы закусывать начнёт, а то все водой водку запивает. Вот ей и плохееется, без закуски-то.

Мишка вытер пальцы тряпицей и, шурясь, вышел из сарая на свет.

- Ну, ладно, хорош расслаживаться, пойдём к реке.

Он прикрыл ворота, взял сестру за обмусоленные пальцы и повёл к длинной деревянной лестнице с хилыми перильцами, ведущей к реке.

- Пойдём Наташка, пойдём. На лёд посмотрим. Как бы нам с тобой ледоход не пропустить.

Вдоль берега лёд уже подтаял, и вода, тёмная и студёная, черными ломаными линиями вправо и влево уходила к лохматому таёжному горизонту. Но, вопреки Мишкиным ожиданиям, всю середину реки ещё покрывал лёд, рыхлый и мокрый, тревожно-голубого цвета.

Наташка тут же высвободила руку и, тихо курлыча, начала бродить вдоль воды, выискивая обломки перламутровых беззубок и красивые пёстрые камушки.

После каждой находки над берегом разносился её громкий индейский крик.

Пёстрые сороки от криков этих по первости приходили в расстройство, взлетали над лохматыми гнёздами и, тревожно галдя, кружили над рекой. Позже, правда, они, надо полагать, несколько пообвыкли и лишь иногда, сверкнув чистым глазом, посматривали на блаженную сверху вниз.

Мишка же, сбросив телогрейку, растянулся на тёплых шершавых мостках, прислушивался к таёжному шуму и смотрел на взлохмаченные, какие-то совершенно несерьёзные облака, застывшие в темно-синей смальте апрельского неба.

- Вот хорошо бы залезть в мою подводную лодку, взять с собой патефон да картошки побольше, и плыть, плыть, плыть. Плыть неизвестно куда. А всплыть в таком месте, в такой стране, где все люди добрые и безобидные, как моя Наташка. И чтобы никто там водку не пил, и чтобы у каждого было хотя бы по две пары сапог. И чтобы...

И так хорошо лежалось Мишке на солнышке, так хорошо мечталось, что не заметил он, как уснул. Что уж там снилось мальчишке, неизвестно, но улыбка, широкая и добрая, долго-долго не сходила с его лица. Проснулся парнишка от того, что кто-то неуклюже заворочался рядом с ним.

- Того и гляди рухнешь в воду, - мелькнуло в Мишкиной голове, а руки его уже обхватили и крепко прижали к себе сестру, прикорнувшую рядышком.

- Ох, и горюшко мне с тобой, Наташка, - посетовал он и, привстав на мостках, потянулся до хруста. - Пойдём, что ли, домой, сестрёнка. Пора.

Мишка растормошил спящую девушку и направился к лестнице, когда за его спиной вдруг что-то треснуло, словно молнией поблизости шандарахнуло.

Наташка, присев от страха, зажала ладонями уши, зажмурилась, а после и вообще разревелась, громко и горько.

- Началось! Ты слышишь сестрёнка? Началось! Лёд пошёл!

Мальчишка попытался приподнять, что-то втолковать девушке, но махнул рукой и побежал к реке.

Вдоль ледяного поля пробежала глубокая трещина. Лёд зашевелился, задрожал крупной дрожью. Вода вдруг хлынула поверх льда и тут же пропала, с хлюпаньем просочившись сквозь многочисленные трещины. Сороки и вороны с криками и карканьем заматались над рекой, поливая жидким калом ледяные глыбы.

- Ну, вот и все, Наташа, - Мишка успокаивающе погладил сестрёнку по волосам и, приподняв её за подмышки, повёл по ступенькам вверх. - Вот и ледоход случился. Через пару деньков и лодку мою на воду спустим. Ты-то как, рада, что ли, девушка из Нагасаки?

Наташа загугкала и неловко погладила брата по голове...

2.

В субботу утром на попутном тракторе к ним заехала Мишкина классная руководительница Валентина Ивановна. Полная добрая подслеповатая женщина в годах, с красивой фамилией Лебедушкина. Минут пятнадцать она что-то живо втолковывала Мишкиной матери, сидя перед ней на скрипучем табурете, пока не осознала, что та вовсе и не слушает её, а по обыкновению просто-напросто спит с открытыми глазами. Отчаявшись, Валентина Ивановна вышла во двор и направилась к ученику.

- Что ж ты, Мишка, уроки прогуливаешь? Ведь ты же неглупый парнишка. Неужели на второй год остаться хочешь. Сам знаешь, сейчас годовые контрольные, диктанты, а ты прогуливаешь...

Мальчик стоял перед ней, обутый в расплющенные, дырявые валенки, стоял навтыжку и отчаянно стеснялся и пьяную мать, и отца, тупо и пьяно улыбающегося, по-хозяйски рассевавшегося на крыльце в линялой майке и воняющем мочой трико, и свою сестру, добрую, беззащитную дуру.

- Я... Я обязательно приду в школу, Валентина Ивановна. Честное слово приду. Вот в понедельник и приду.

Он набычился. На глазах, обычно весёлых и радостно-голубых вспыхнули слезы...

- Я приду.

Учительница вздохнула, прошлась безнадёжным взглядом по запущенному двору, потрепала мальчишку по голове и направилась к трактору.

- Приходи Миша. Если получится, обязательно приходи...

3.

Телега с привязанной к ней подводной лодкой наконец-то оказалась прямо возле мостков. Раньше, когда ещё река была полноводной, уже на середине мостков глубина была больше двух метров. Теперь же вода плескалась лишь на самом его краю.

Усадив Наташку на мостик, Мишка вооружился тяжёлой и прочной лагой и, просовывая её конец под задние колеса, он все дальше и дальше загонял телегу в воду.

- Ну, вот и все, кажись, хватит, - решил он наконец и, отбросив лагу, перекатил бочку на доски мостка, после чего, устало отдуваясь, побрёл к берегу, тяжело хлюпая промокшими валенками.

Полуденное солнце кувыркалось высоко в небе, прозрачном и чистом, не обременённом даже облачком, и лишь тёмная точка какой-то хищной птицы кружила и кружила в бесконечном бессмысленном полете.

Раздевшись до трусов, Мишка, как смог, вымазался в солидоле, захватывая его ладонью из высокой жестянки.

- Ты не думай, Наташка, что я с ума двинулся, - дрожащим голосом убеждал он скорее себя, чем сестру. - Мне батя ещё давно рассказывал, что жир или сало в холодной воде лучшее дело. Но сама понимать должна, где я сейчас сала найду? Так что солидол очень даже неплохая ему замена. Да не лезь ты к банке. Это солидол тебе, а не повидло. Не лезь, кому говорят!

Мальчишка прихватил банку и, зябко ступая по прохладному песку, отнёс её к прибрежным кустам, откуда вернулся с остро отточенными вилами, насаженными на короткий крепкий черенок.

Девушка, увидев вилы в руках брата, сжалась в комок, испуганно скукожилась. Глаза её раскрылись шире обыкновенного, наполняясь слезами.

- Ну-ну, - с показной весёлостью улыбнулся Мишка, укладывая вилы внутрь бочки. - Налимы - это тебе не уклейка. Их, моя родная, голыми руками и не взять...Солидная рыба.

Мишка с трудом забрался в свою подводную лодку и прежде чем захлопнуть крышку (явно осознавая всю бесполезность своей просьбы), все ж таки попросил сестру, старательно и неубедительно улыбаясь в сторону:

- Ты, Наташка, того, ты в случае чего мамке-то все Расскажи... Так, мол, и так... Пусть она не шибко ругается. И пусть не пьёт, хватит уже, хватит.

Мальчишка подмигнул сестре и, присев на корточки, закрыл за собой круглую крышку. Черные резиновые полосы, скроенные парнишкой из отцовских калош, противно скрипнули, и люк подводной лодки плотно встал на своё место. В бочке было тесно и душно. Стекло иллюминатора тотчас же запотело, обрубки весел сдавливали бока, а отточенные пики вил оцарапали Мишкино плечо.

- А кто сказал, что у подводников судьба лёгкая? - хмыкнул он и начал резко и методично раскачивать бочку.

Наташа, заметив, что подводную лодку что-то сотрясает и раскачивает, подошла к ней, и, мгновенье подумав, опрокинула бочку в воду.

4.

То, что бочка подтекает, Мишка понял сразу же, как только её вынесло на быстрину. Холодные злые струйки воды со всех сторон, словно осы, жалили голое тело капитана-подводника. Особенно быстро вода просачивалась через иллюминатор и отверстия под весла. Течение все быстрее и безжалостнее вертело полузатопленную бочку. Весла отказывались грести, и Мишка напрасно упирался спиной в глухую перегородку, пытаясь выдавить люк. Бочку вновь крутануло, и мальчишку стошнило. Одно из весел треснуло, застряв меж сучьев тяжёлого, словно камень, чёрного бревна-топляка. Подводную лодку тут же притопило и потащило под ледяное поле, все ещё сохранившееся возле острова. Вода, бесновавшаяся среди крупных валунов, лежащих на дне реки, крутила и вертела бочку, словно решая, куда её забросить, в конце-то концов: под шершавые льдины полуметровой толщины, с глухим гулом наползающие на каменистый берег острова, или чуть левее, туда, где на многие сотни метров спокойная и чистая река, казалось, и думать забыла о своих холодных, ледяных оковах.

...Кто-то наверху, там, где возле распахнутых ворот сарая стоит старая, стянутая металлическим обручем колода, завёл темно-синий пыльный патефон и чей-то хрипловатый, словно прокуренный голос вновь завёл свою бесконечно тоскливую песню.

А внизу, возле обмелевшей реки, на деревянных мостках, покачивая головкой в такт песенке, сидела девушка и ожидала своего брата, капитана Мишку.

ПОЭЗИЯ

Игорь Бурдонов

(МОССАЛИТ, Москва)

ЦВЕТНЫЕ ТЕНИ ДЕРЕВНИ ЛИПОВКА. ИЮЛЬ

В тексте использованы картины автора

Продолжаю воспевать деревню Липовка.
На этот раз делается так.
Беру красивый цветок или траву сорную.
Ставлю лампу и аккуратно обвожу тень ручкой-роллером.
Потом раскрашиваю, добавляю сосуд какой-нибудь на столе.
И всё.
Получаются ЦВЕТНЫЕ ТЕНИ ДЕРЕВНИ ЛИПОВКА.
Дальше анимация, тексты записываю, по возможности, не думая.
Ах да, ещё петь буду.
Хи-хи.

1. Красная роза и Кружка NORTEL

Красная роза – Чёрная тень.

Чёрная роза – Красная тень.

Кружка Northern – Northern – Northern
Telecom.

*Это такая фирма, канадская,
телекоммуникационная.*

Коммуникация – телепортация.

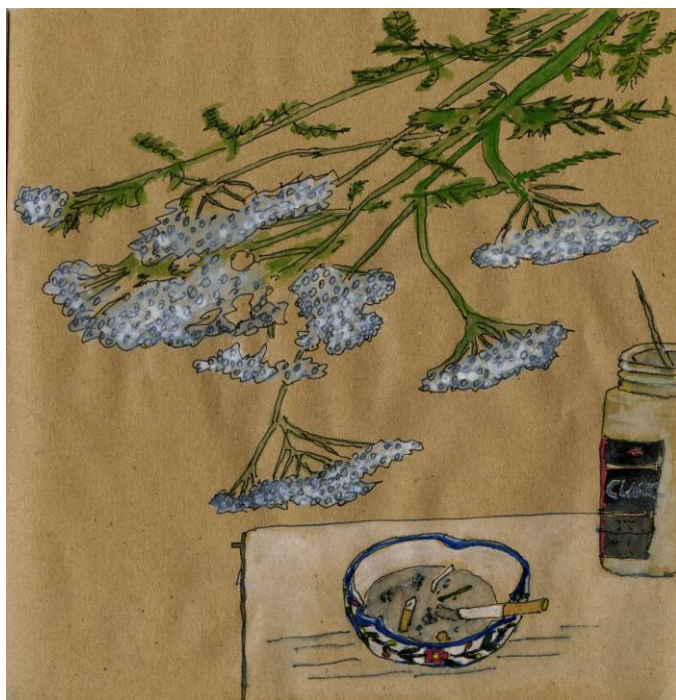
Комму-акация – телекастрация.

Коммуникабельный телекинез.

Телескопический коммунистический

Интер – интер – интер-фейс.

Или междумордие, проще говоря.

2. Тысячелистник и пепельница из Акко

Тысячелистника белая тень.

Невычислимая боль перемен.

Пепельница круглая из города Акко,
Где живут арабы на севере Израиля,
Сделана армянскими, наверно,
мастерами.

А по дну написан цветной и расписной
Иерусалим

– Иерусалим

– Иерусалим.

Белая тень.

3. Иван-чай и бутылка из-под вина «Липовка-Зяблики»

Тень слетает с лепестков Иван-чая

И качает, и качает

Этот сон этих слов:

Липовка – Зяблики – Авалиани

Инаилава – Икилбяз – Аквопил

Липовка – Зяблики – Авалиани

Налей мне тёмного вина,

Бокал в ладонях покачай.

Ты не печалься, Иван-чай,

И не печаль меня.

4. Берёза и солонка

Берёзовая тень, берёзовый плетень,
берёзовая лень, берёзовый олень,
Бе-рёзовый пень, бе-рёзовый день,
Берёзовый трень-брень. И шляпа набекрень.

А ты возьми солонку расписную

И маленькую ложечку резную,

Берёзовые раны аккуратненько присыпь
И запечалься увяданьем. И под берёзою
свиданьем.

И выдави солёную слезу. И обними берёзу-
березу́.

5. Вьюнок, кисти и рюмка

Тонко поют тени вьюнка тенями труб.
Они поют о чём-то постороннем.

А я возьму большую кисть,
Нарисую маленькую рюмку.

И налью три капли лета,
Десять капель летнего света,
Девять нот, улетевших в небо,
Восемь звуков, упавших с неба,
И сорок капель холодной водки.

Чокнусь рюмкой с тенью рюмки
И буду пить, глядя в глаза
Своей тени.

6. Колокольчики и чайник

Коло-коло-колокольчики
Тень бросали на мой чайничек
Сине-голубые динь-дон-дин
На мой белый, на фаянсовый.

Заварил такого чаю я,
Пригласил тебя нечаянно.
Стали вечером чаёвничать,
О высоком говорить.

А на небе фиолетовом
Зазвенели еле слышно
Коло-коло-колозвёздочки
Сине-голубые динь-дон-дин.

7. Куриная слепота и красная ваза

Тень куриной слепоты.

Ну и название, надо ж такое придумать.

Тень куриной слепоты.

А неплохо.

Тень куриной слепоты.

На самом деле, львиный зев. Но тоже.

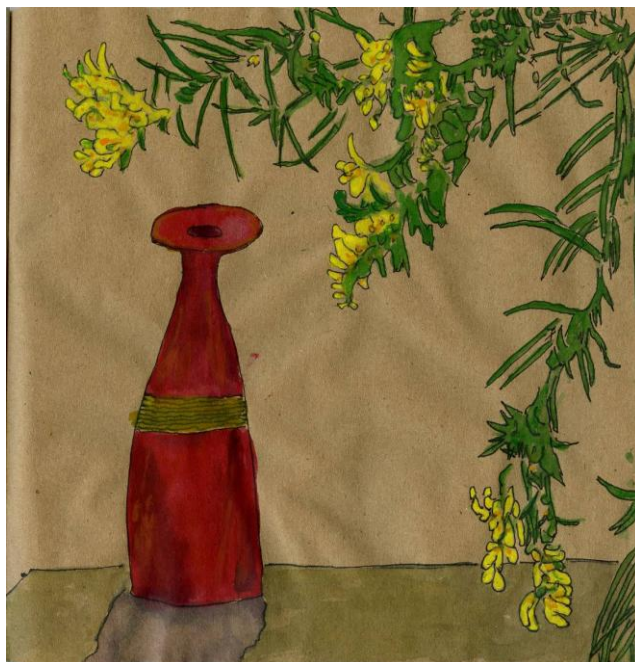
Тень куриной слепоты

Не попала сослепу в красную вазу.

Белая кашка, незабудки и ромашки,
Трава-полынь, чертополох, осока,
три белых облака, что таяли высоко,
и капля, что упала в пыль тропы.

Все они тоже не попали в красную вазу.

Белая кашка, подорожник, сладкий клевер.

8. Синеголовник и кувшин

Над кувшином с маленькою дырочкой в боку
Тень синеголовника зависла на ветру.

А мы его татарником всё время называли.

По-научному татарник – онопордум.

Древнегреческий ослиный ветрогон.

Что бы это значило, ей-богу, не пойму.

Но что-то древнегреческое чудится...

Он колючий, он красивый, он вонючий.

Ну а тень его нежна и ароматна.

И суха, как память о летнем зное...

Он стоит на полочке в кувшине без воды.

Ничего, что дырочка в боку.

Московский BAZAR, № 9 (11) 2013 г.

9. Белая ромашка и лимон в чашке

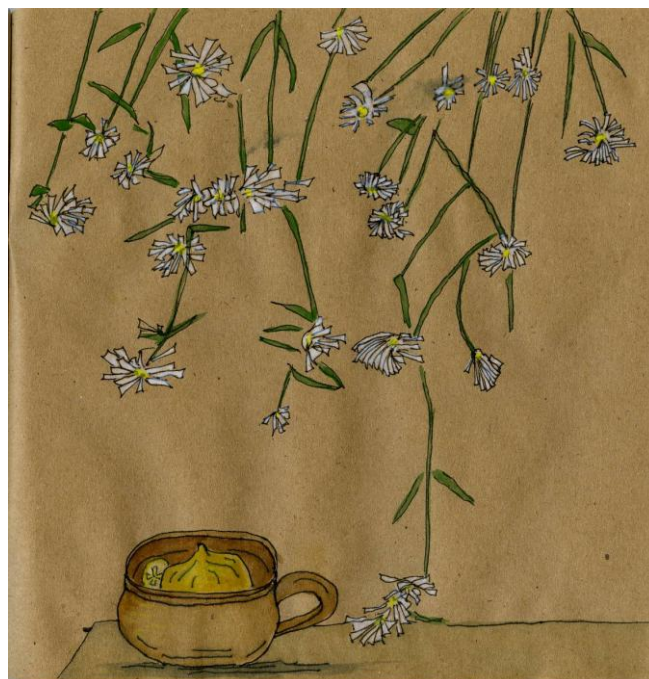
Так и тянутся тени ромашек,
Всё хотят, чтоб на них погадали.

Любит – не любит –
К сердцу прижмёт –
К чёрту пошлёт.

С тени ромашек тихо слетает тень лепестков.
То расцветает, то увядает, чёт или нечет, чья-
то любовь.

К вечеру тени только длиннее,
К вечеру года, к вечеру жизни, к вечеру дня.

Под белой ромашкой в чашке лимон.
Не унываю, чай наливаю,
Чай с лимоном люблю.

10. Малина

Малина, малина, малина в нашем садике
Малиновая тень.

Хороша, ах хороша, да в крапиву одета.

Никто в ротик не берёт ягодку за это.

Малина, малина и я, малиная, иная, иная она.

11. Зверобой в корзинке и спички

Похожа ли тень корзины на тень головы Иоанна,
Кровью которой рождён зверобой, согласно преданью.
Пой, пой, зверобой,
Рождённый молнией птицей, согласно другому преданью.
Пой, пой, зверобой,
Латинский *Hypericum*, что означает цветущий под
вереском.
Пой, пой, зверобой,
Отваживай силу нечистую,
Приваживай суженых девушкам.
Пой, пой, зверобой,
Казахский джерабой, что означает целитель ран.
Пой, пой, зверобой,
О том, как лисички взяли спички и подожгли аэроплан,
Что нарисован на этикетке спичечного коробка.
Пой, пой, зверобой, да не заговаривайся...

12. Полынь и тёрка с красной ручкой

Я возьму побольше тени
У полыни серебристой
И натру её на тёрке
С красной ручкой.
Будет много мелкой тени,
Жгучей, как кайенский перец,
Ароматнее шафрана,
Солонее мелкой соли,
Горше, чем сама полынь.
Я пойду и буду сыпать
и налево и направо.
С этой славною приправой
Станет жизнь ещё вкусней.

13. Осока и русское пиво

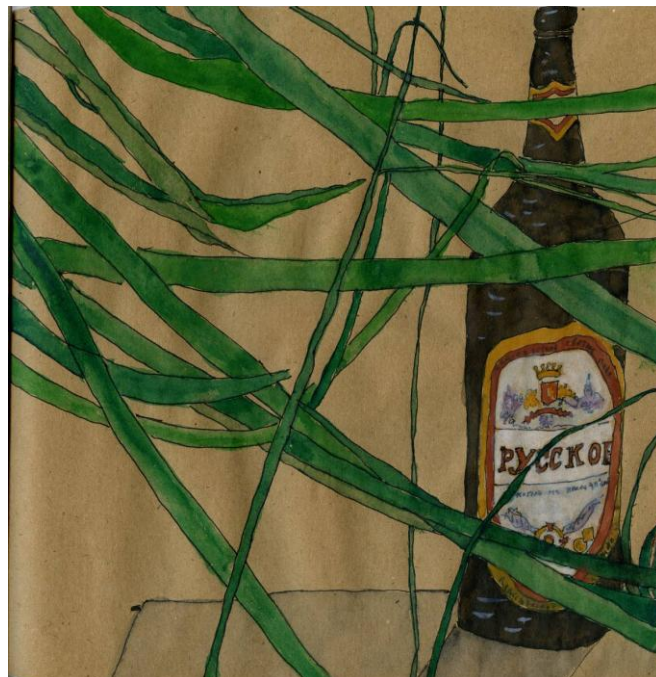
Тень осоки, теньосоки, теньосоки, теносоки,
теносоки над водой.

Требуйте долива пива
Опосля отстоя пены.

Дайте народу пива:

Немецкому народу – немецкое пиво,
Китайскому народу – китайское пиво,
Русскому народу – русское пиво,
Народу Островов Зелёного Мыса –
Пиво Островов Зелёного Мыса.

Теносоки, теносоки...

14. Красная лилия и стакан

Красной лилии хищная тень.

Белый стакан непорочно чист.

Красной лилии кровь и кость.

Белого стакана свет и тень.

Красная лилия увядает.

Белый стакан неизменно свеж.

Красной лилии тает тень.

Белый стакан во веки веков.

Красной лилии больше нет.

Белый стакан стеклянный.

15. Дикий чеснок и керосиновая лампа

Тень, тень, тень – три тени
бросил дикий чеснок.

Запалил бы лампу я керосиновую,
Да фитиль давно уже отгорел,
Да стекло давно уже треснуло-разбилось,
Да и ночи тёмной больше не бывает,
Да и ожиданий больше не осталось,
Да и той печали острота ушла,
Да и потерялась где-то жизнь моя,
Да и керосина в доме нет.

Так что ты прости меня, дикий чеснок.

16. Цикорий и чёрная ваза, оплетённая берестой

Тень цикория, тень цикория,
Голубой такой, утренний цветок.

Эта ваза старая, чёрная, старая,
Туго оплетённая берестой.

Эту бересту не снимай, не снимай.

Эту грамоту не читай, не читай.

Тень цикория, цик-цикория.

Закрывается голубой цветок. Цик-цик.

К вечеру.

Московский BAZAR, № 9 (11) 2013 г.

17. Жёлтая ромашка, пижма и маленькая бутылочка

За жёлтой ромашкой прячется маленькая пустая бутылочка.

Откуда она взялась?

Наверное, с ней связаны какие-то события,
какие-то люди, какое-то
время.

Но я не помню.

Прошлое поросло жёлтой ромашкой и пижмой.

Эта пижма растёт вдоль дороги

Для того, чтобы путник сорвал

И бросал с каждым шагом

Одну за другой – пижминки.

Пиж-пижминка, пиж-пижминка, пиж.

Отмечая пройденный путь, пройденный день,
пройденную жизнь.

18. Тёрн и подстаканник со сценой охоты

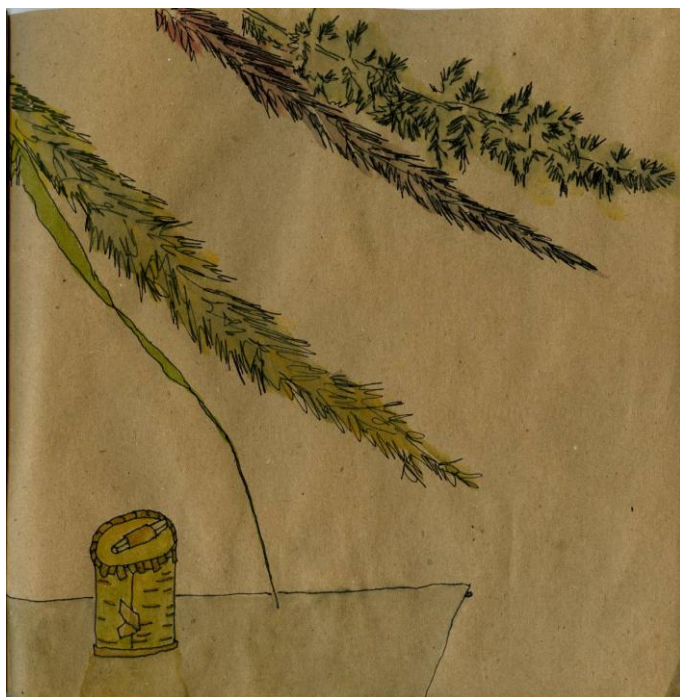
Тень тёрна, тень тёрна, тень тёрна, тень тёрна,
Слива зелена.

А я возьму старинный подстаканник
Со сценою охоты на оленя,
Что сделан мастерами старой Мстёры
Сто лет, наверное, назад.

И буду предаваться сладкой лени,
Добавив сахару в свой чай.

И путешествовать по времени.

Тень тёрна, тень тёрна, тень тёрна, тень...

19. Три травинки и берестяной туюсок

Возьми-ка три травинки, расположи их в ряд,
 Прислушайся, о чём они друг другу говорят.
 Возьми-ка карту памяти и запиши тот звук,
 По правилам искусства и всяческих наук.
 А после положи её под крышку в туюсок,
 И никому ни слова, ни полслова, и молчок.
 Ну, а потом the show опять must go on,
 И каждой ночью снится один и тот же сон,
 Как будто ты травинка под снежной пеленой,
 И только в карте памяти остался голос твой.
 В берестяном туюске, в берестяном туюске, в
 берестяном туюске
 Под крышкой.

Липовка, Куток, июль 2012

ПОЭЗИЯ

Екатерина Каргопольцева (Шарья, Костромская обл.)

Родилась в селе Верхне-Спаское Костромской области. Первые литературные опыты относятся к шестнадцати годам. Окончила филологический факультет Костромского государственного университета им. Н. А. Некрасова. В 2009 г. участвовала в создании Шарьинского литературного объединения «Голос». Регулярно публикуется в газетах, поэтических сборниках, литературных журналах и альманахах Костромы, Москвы, Санкт-Петербурга. В 2011 г. вышел сборник стихотворений «Бессонница».

* * *

Так невесомо и легко
Виденьем сказочного сна
Мой ангел тронул молоко
Чуть запотевшего окна.

И, тонким пальчиком ведя,
Он в отраженьях трёх зеркал
На фоне серого дождя
Мой профиль вдруг нарисовал...

* * *

О, если б кто-нибудь сказал
Мне в откровенном разговоре,
Что равнодушие зеркал
Скрывает множество историй,
То я поверила бы в миг
Тому,

кто вовсе не случайно
В одно мгновение постиг
Давно известную мне тайну...

* * *

Февраль явился в жуткой кутерьме...
Который вечер бешеная вьюга
Визгливо носится в кромешной тьме,
Гоняя снег по замкнутому кругу.

Боясь от страха замертво упасть,
Прозрачный месяц - призрак невесомый -
Глядит с тоской в разинутую пасть
Метели злой,
как псу сторожевому.

* * *

Уставший город...
В сонной полумгле
Тугое эхо гулко пролетело
Вдоль тёмных улиц,
глухо на земле
Сковав кольцом уснувшие пределы.
И через миг, разбившись о гранит
Без крика боли,
замертво упало
В живую воду между серых плит
Разволнованных каналов...

* * *

В слепом кружении ветров
Весна, как путник запоздалый,
Ища себе покой и кров,
В мой дом настойчиво стучала.

Косым дробящимся дождём
Она в пылу, что было силы,
Сорвав с небес гудящий гром,
По стёклам звонко колотила.

Скользя по скатам чёрных крыш
С весёлым рокотом и шумом,
Она сползла в ночную тишь,
Как в темноту пустого трюма.

У неоткрывшихся дверей
Остановилась и уныло
Свет одноногих фонарей
В бурлящих лужах раздвоила.

Провинциалка

Бледных домов колонны и арки,
Лиц незнакомых пустые овалы;
Тихо иду походкой дикарки
Вдоль переулков,
улиц,
кварталов.

Сердце, как будто резиновый мячик,
То, оголтело все мысли сбивая,
В разные стороны бешено скачет,
То ни с того ни с сего замирает...

Муза

Вчера ко мне пришла Она
И по-девичьему картинно
Уселась в кресло у окна
С какой-то книгою старинной.

И мне, поверившей едва
Своим глазам, Она устало
Весь вечер фразы и слова
Из этой книги диктовала.

По строчкам выцветших страниц
Манерно пальчиком водила,
И я - послушная - следила,
К ногам Её упавши ниц.

Но в тяжелой доле ремесла,
Уж если честно, боже правый!
Какую чушь Она несла,
Желая почестей и славы...

Захолустье

К тусклому солнцу в неистовой муке,
Выгнув по ветру худые тела,
Тянут берёзы озябшие руки
В робкой надежде на щедрость тепла.

Тихо,
неслышно от шума и воя,
С частых поклонов лицом покраснев,
Рваный кустарник в плену сухостоя
Молит светило о ранней весне...

Гнев

Горит
под кожей смуглой
в груди,
как сто костров,
комов
квадратно-круглый
завязанных узлов.
Коверкая посменно
движенья
рук и ног,
течёт,
бурлит
по венам
не кровь, а кипяток!

Прости

Никто
не знает наперёд,
Никто
заведомо не знает,
Где радость жизни потеряет
И что взамен приобретёт.

О, только б знать,
что ты мне смог,
Забыв всю боль и унижение,
Простить моё пренебрежение!
Но ты стоишь, угрюм и строг.

Потом припомнится не раз
Наш разговор и этот вечер,
Что оправдаться было нечем
В огне твоих пытливых глаз.

Молчим.
И в гулкой тишине,
Натянутой и громогласной,
Всё стало вдруг предельно ясно
Глядящим врозь
тебе и мне...

Любовь

* * *

Бежала прочь сто тысяч раз,
Три миллиона – проклинала!
Но начиналось всё сначала
При встрече глаз...

И я не смела... Не могла,
В удушьё сладком цепenea,
Понять, откуда ты и где я,
И почему сгустилась мгла?

Овал любимого лица!
И словно к солнечной иконе
Тянулись жаркие ладони
Сомкнуться в таинстве кольца.

Слепыми были зеркала,
Ловили радужные дуги,
Когда, расплавившись друг в друге,
Сгорали мы почти дотла...

Не сочтите слова мои
грубыми или превратными,
Я молчание в жизни
стежью своей не приемлю...
Если плачет мужчина
навзрыд
слезами квадратными,
Разбивая стеклянные грани
о мёрзлую землю,
Значит,
рухнул весь мир в одночасье...
И не приуменьшена
В этой тягостной боли
обида безмолвная.
Боже!!!
Что ж вы сделали,
что наделали,
милая женщина,
Откровением горьким
ожоги оставив на коже!...

Виктория Кирдий. Рыжие.
Масло

ПОЭЗИЯ

Вера Хамидуллина

(Набережные Челны)

* * *

Дикий лес сплошняком, а урочища – сплошь пепелища.
Только папоротник, никогда не цветущий, стеной.
Прошуршит под ногами змея, остальных днём с огнём не отыщешь –
разбежалось зверьё, не желая встречаться со мной.

Я пришёл не за тем, чтоб зловещую скрасить картину,
не за тем, чтоб цветок отыскать. Все легенды – враньё!
Мне б глазком посмотреть, как пронзают лучи паутину
и как в этих лучах, задыхаясь, кричит вороньё.

Если, скажем, лучи в эту темень не смогут добраться,
я искусственным светом софитов взорву этот мрак.
Лес пусть сценою будет, а я в вечной роли паяца
попрошу исполненья желаний, как Ванька-дурак.

Мне знакомый механик собрал на дорожку Perpetuum:
вечный двигатель нужен всем тем, кто трыхтит на износ...
Как кричит вороньё (ё-моё!) о скончании света
и плетут пауки паутины интриг в полный рост!

Вот и солнце пробилось сквозь голые ветви деревьев
или папоротник, всем законам назло, запылал...
Только он – и никто – мне желанья исполнит, наверно,
и поможет добраться туда, где заветный прогал.

Там глаза проглядела и выплакала моя Кукла.
На потеху тряпичной душе принесу, так и быть,
дивный алый цветок, что цветёт вопреки всем наукам,
помогая в дремучести Ванькам да Куклам любить.

* * *

* * *

Из коридора родильного дома
путь начинаем в своё бездорожье.
Он на страницах судьбинного тома
горьких потерь избежать не поможет.

Мы колобродим, плетёмся и рвёмся.
Точно к Вальхалле подводит нас Один:
Бьёмся, как львы, но в конечном сдаёмся;
чаще теряем и реже находим.

И, подобравшись к развилке дорожной,
на интуицию втуне надеясь,
слушаем байки досужих прохожих
о распрекрасных и сказочных весях.

А устремившись в погоню за ветром,
силу его на себе замечая,
тщимся не выпустить шляпу из фетра,
не ощущая, как мысли мельчают.

Ангел дороги – ребёнок наивный!
Верит, что с нами клубок Ариадны,
верит, что жизни дорогой продлим мы...
Сами-то мы... Он в нас верит – и ладно!

Ангел вчера подарил мне своё крыло:
«На, – говорит, – шальная душа, пари!»
Я бы с любым заключила любое пари,
что и с одним взлечу! Только что потом?

Монокрыло – бесполезная, в общем, вещь!
Таинства неба оно не даёт постичь.
Что мне с ним делать? В лопатку впилося,
как клещ,
встану-пойду – принимается пыль мести...

Лебеди, пролетая, курлычут вслед,
будто жалеют, подранка видят во мне.
Сколько крыло мне доставит хлопот и бед,
Видно, им, сердобольным, видней извне.

Ангел и я горюем на берегу –
Лодки, и те бесполезны с одним веслом...
Ангел, ты знаешь, я без крыла смогу!
Мне и бескрылой с крылатым тобой везло!

* * *

Демон, облокотившись на подоконник, плачет.
Чуть дребезжат от ветра стёкла в оконной раме.
Снег за окном кружится. Птица на заднем плане
кружится над рябиной, с ветки на ветку скачет.

Плачет беззвучно Демон, кутается в халатик.
Не до пейзажа точно, ни до чего на свете...
Не на удачу, значит, вытянут был билетик.
И не на счастье ночью Демон собою платит.

Символ благополучья на безымянном пальце –
на знаменитый перстень с надписью не похож он.
Только пройдёт и этот, если он был прохожим!
Вечно с ним находиться можно ли в снежном танце?

Сумерки за окошком. День бесконечно длинный.
Кружатся в снежном танце мелочи, жесты, фразы.
Думается о многом... Верится в новый праздник...
Демон, смотри – твой ангел кружится над рябиной!

Катится боком
Пряное солнце в зенит.
Лес золотится.

Время до срока
В скошенных днях отлетит,
В перьях Жар-птицы.

Не хороводится днём,
Ночью не спится.
Падают будни седлом
На кобылицу.

* * *

Волга, Сура, Кокшага...
В вечность от них – полшага
по заливным лугам.
Можно всю Русь объехать,
переставляя вехи
к сказочным берегам...

Там, по колено в травах –
влево пойдёшь ли, вправо –
Леты не избежать.
Прополоскать мыслишки:
бодрствуешь или спишь ты
в глупостях куража?

Можно сидеть на месте
и наслаждаться лестью,
не совершив побед...
Можно всю жизнь скандалить,
биться за то, чтоб дали
фантики от конфет...

Можно за поллитровкой
рюмочной рокировкой
слушать и сыпать бред...
Можно менять обличье
и гардеробчик личный,
чтобы пробиться в свет...

Можно в дешёвость фразы
ссыпать горстями стразы,
выдав за афоризм...
Можно прожить без веры,
зная, что ты не первый,
принявший нигилизм...

От суеты к погосту
Слишком коротким мост был,
хлипким и без перил...
Волга, Сура, Кокшага...
В вечность от них – полшага
не жил ты или жил...

Баллада о зелёном листе

Стая листьев перелётных
Зимовать к земле летела.
Но один, что посмелее,
Улетать не захотел.
Был тот лист совсем зелёным...
Может в этом всё и дело:
Кто желтее – тот старее,
Старость ищет, где теплее,
Кто старее – тот мудрее,
А кто зелен – тот и смел.

Листья жёлтые взмывали,
И кружили, и порхали,
Старый двор переметали
И планировали вниз.
Все они, конечно знали,
(Только что с того, что знали!)
Век они свой отлетали,
Если с веток сорвались.

Стая листьев сбилась в кучу...
На костёр их водрузили,
В жёлтый цвет вмешался рдяный –
Цвет заката и утрат...
Лист зелёный, чем ты лучше?
И ответ не находил он...
Он на холоде ветрами
Был и сам сто раз распят.

Листья старые судили.
Их почти уже спалили,
И почти золою стали
Те, кто так любили жизнь...
Вот тогда рванул с ветки
И зелёный в пекло, к предкам.
Он летел легко и метко,
В ад, где все пути сошлись.

Стая листьев перелётных
На костре дотла сгорела.
Были старые – мудрее,
А зелёный – слишком смел.
Трудно в мире окрылённым...
Может в этом всё и дело:
Чем желтее – тем смелее
На костёр они всходили...
А кто зелен – тот летел...

День и ночь

* * *

Лета полярного разве что ночь длинней...
Стаду оленьему брюхо-то подвело!
Пара теней в остывающей тундре: по ней
с юной волчицей вожак бежит тяжело.
- Не промахнись, Акела, не промахнись!
Если бежать от утренних звёзд на закат,
можно прочесть по следу всю твою жизнь –
с первой строки была она нелегка.

Морда сама задирается в небеса:
воет не воет, молит не молит Луну.
Нынче не просто волчья судьба на весах...
стая готова пряник сменить на кнут.
- Не промахнись, Акела, не промахнись!
Поторопись – эти сутки решают всё!
Если не прыгнешь вверх – опрокинут вниз,
где не один до тебя в снегах занесён...

Завтра наступит день, налетит мошка,
ласково солнце погладит сопок хребты...
Будет ли завтра, если тонка кишка,
если на волчьи законы равнялся ты?
- Не промахнись, Акела, не промахнись!
Перепроверь траекторию для броска!
Знаешь, звериным богам молись не молись,
лишь на себя надейся, бежишь пока!

Лес осенний ворожил,
Тихо листьями кружил.
Ветер – верный старожил,
Видно, выжил...
Караваны птичьих стай
Отправлялись в дальний край,
Вера в то, что ждёт их рай,
И не ниже...

Пламя буйно разметал
В чаще леса краснотал.
Листья старые сжигал
Или письма...
Чтобы в зимних холодах
Не осталось ни следа,
Ни гнезда, ни уголка
Прошлой жизни...

Лес своё отворожил.
Продолжает жить, как жил.
Налегке не вспучит жил,
Нет заботы.
Что вернётся по весне,
То не видится во сне...
Да лишь бы дятел на сосне
Громче ботал!

* * *

Завтра мой путь пройдёт по таким отрогам,
Что и во сне себе не могла представить...
Вот бы набраться ловкости бандерлогов!
И, не моргнув, по-лисьи суметь лукавить!
Или менять обличье хамелеоном,
И научиться хвост распускать павлином...
Манипуляций техника мне знакома.
Утром, как говорится, всё будет видно...

Утром составлю карту атаки, планы.
Между домов в каньонах пустынных улиц
Хищно блещут расставленные капканы
Вот на таких, как я, беззаботных куриц.
Часто играть приходится в кошки-мышки.
И проплывать под носом акульей стаи.
И говорить себе: «Всё пройдёт, малышка!
Над зоопарком я ещё летаю!»

ПОЭЗИЯ

Зинаида Кокорина
(МОССАЛИТ, Королев)

С запасом летнего тепла

- Что, осень, мне из лета взять в дорогу?
- Возьми всё то, что требует душа:
Тепла ночей для рифмы и для слога,
И настроенья для карандаша...

Да не забудь монету бросить в воду
И взять мелодию волны с собой...
Возьми у ветра воли и свободы,
И, про запас, спрячь лучик озорной.

Возьми заката краски и рассвета,
Зодиакальной россыпи узор,
Писались чтобы у костра куплеты
И жгуче-летним был бы в них задор!

Возьми ещё и для зимы от лета
Колора белоствольного берёз...
Сгодится всё для лирика-поэта:
Он в стужу лёд растопит пылом грёз.

Готовят сани летом не случайно.
Глядишь – уже черёмуха бела...
Дождёшься дней весенних
беспечально
И ты, с запасом летнего тепла.

До свиданья, бабье лето!

В царстве осени нет гроз,
нет малиновых рассветов...
Инеемдохнул мороз -
первых холодов примета.

Пылкий бархатный сезон
с грустью покидает осень...
На хмелеющий газон
ветерок ажур набросил.

Потянуло от костра
дымкой едко-горьковатой...
Небо, светлое вчера -
утром хмурится заплатой.

Первый снег *на Покрова*
падает, кружась, не смело...
Чипсохрустная листва
стала за ночь массой прелой.

Жгучий ветер воле рад -
поздний лист срывает с веток.
Глаз не радуется наряд...
До свиданья, бабье лето!

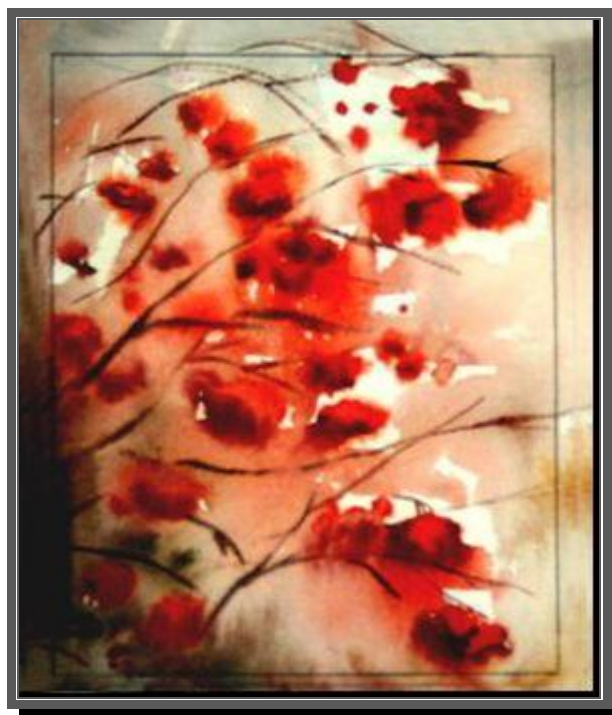
Виктория Кирдий. В тёплые страны.
Акварель

Песня осени

Я накину на стих свой наряд из дождей
сентябрин, октябрин, ноябринок.
Бриллианты вкраплю в позолоту ветвей
и в гирлянды седых паутинок.
Засияют рубинами гроздьях рябин –
их осенняя доля такая,
из опавшей листвы дождь соткнёт ковролин...
В этот дивный сезон влюблена я!

Пробирая насквозь, пропоёт на стихи
ветерок свой мотив заунывный,
и, курлыча, добавит минора штрихи
улетающий клин журавлиный.

В сентябре – тёплый дождь межсезонью льстец,
в октябре – слёзы *бабьего лета*,
в ноябре – превратится капель в леденец...
Вот и песенка осени спета.

Виктория Кирдий. Мокрые яблоки.
Акварель

ПОЭЗИЯ

Никита Брагин

(МОССАЛИТ, Москва)

МИРЫ ОГРОМНЫХ ЗВЕЗД

Петушок

Петушок, петушок, золотой гребешок,
что тобой в это утро воспето?
Может, неба цветок, может, мёда глоток?
Или радость любви, голосистый дружок,
возвещаешь в минуту рассвета?

Кто-то в небо летит, кто-то ищет покой,
кто-то делится светом и словом,
но не видят они, как за дальней рекой
облака набухают небесной тоской
воспалённо и дымно-багрово.

Там в огонь превращаются струи вина
и шумят проливными дождями
из горящей смолы, и грохочет война,
и кровавая чаша до края полна,
и ладони пробиты гвоздями...

Только ты все поешь, все куражишься ты
на скаку у тевтонской границы!
Или сердце твоё прикрывают кресты,
или пули боятся лихой красоты,
облетая тебя, словно птицы?

Не тебе умирать у Мазурских болот,
как ни бей пулемёт из фольварка,
и ни хворь, ни увечье тебя не берет,
и в разливе реки открывается брод,
а в стене – триумфальная арка...

А в России, на месте расстрельного рва
(что предсказан твоими стихами)
лебеда, одуванчики и мурава,
а над ними плывёт и плывёт синева,
проводящая века за веками...

Африка

Крикнул из последних сил исполинский слон,
словно ангел вострубил о конце времён...
Три ствола, двенадцать ран, алая заря...
Колыхнулся океан, дрогнула земля.
И закатные лучи хлынули в потир,
закатили палачи абиссинский пир,
оставляя за собой прокажённый тлен,
чередую пьяный вой с хохотом гиен.

Красоту прожечь дотла серостью свинца,
обрубить крыло орла, удавить певца,
осквернить разливы рек, хлевом сделать храм –

научил двадцатый век дьявольским делам.
Мы не льём горючих слез, покидая дом,
мы не видим больше звёзд в небе городском,
нас уже не поразят символы времён,
мы забыли, кем был взят гордый Илион!

Где же дивный мир стиха, на какой земле?
Это песня петуха в предрассветной мгле,
зареву весенних гроз в кружевах ветвей
и огни огромных звёзд Африки твоей!
Купол неба голубой, как Сикстинский свод,
оглушительный прибой океанских вод!
Негасимый Божий свет счастья и добра,
совершенный, как сонет Дантова пера.

Снежный ноктюрн

Как много ночь крадёт у старика!
Спешит и спотыкается строка,
мечты летят, её не дожидаясь,
и, расстилая саван для стиха,
позёмка веет, призрачно тиха,
холодная и ведьмовски седая.

Скрещением Чукотки с Колымой,
что издавна рифмуется с тюрьмой,
рождаются пласты сухого снега.
Они хоронят побледневший юг,
и тонут острова Антильских дуг,
и тучи разрываются с разбега!

Мучительно вползают ледники
на города, и страшно далеки
заливы угасающей Эллады,
Леванта помертвевшие моря,
и догорает чёрная заря
в заиндепевших колоннадах...

Как горько истощение Земли,
чьи ландыши и лотосы в пыли,
чьё будущее, стёртое забвеньем,
лежит, как бесконечный белый лист,
и осыпаются под вой и свист
веков и стран ржавеющие звенья...

А ночь идёт, и плещут волны снов,
и поднимают паруса стихов
несовременной юности фрегаты, –
наш бедный мир услышан и прощён,
и океан души пересечён
судьбой поэта, странника, солдата.

И удивишься, как они просты,
мелодии любви и красоты,
почти забытые в бумажном вздоре...
Молчи, душа, и горе не пророчь!
Как много подарила эта ночь,
седая, словно раненое море...

Миры огромных звёзд и снежных гор
переполняют сердце, словно хор
стихий и ангелов, небес и тверди.
Тебя он слышит и тебе поёт,
и музыка свершает свой полет
быстрее сна
и выше смерти.

*Виктория Кирдий. Маленький Брейгель на катке.
Масло*

ПОЭЗИЯ

Анна Завьялова

(МОССАЛИТ, Москва)

* * *

Воробьи - подобие полых чучел -
Пристали к веткам, зарёй умыты.
Ветер приказ зимы озвучил –
Красные птицы под снег зарыты.
Время гниению подвергнет слабых,
Время гниению подвергнет сильных.
Скорбно согнутся чьи-то суставы,
Пыль протирая с крестов могильных.
Кто-то, девятую ночь гуляя,
Тьму прожигая горением спичек,
Жизнь проклянёт, к земле припадая,
Видя во льду маленьких птичек.

* * *

Сижу на подоконнике,
Смотрю на аварию...
(попахивает величиим моё безразличие).
Сижу на подоконнике,
Смотрю на аварию,
Звоню ноль три, ноль два, ноль один...
(попахивает величиим участие личное).
Сижу на подоконнике,
Смотрю на аварию,
Пишу
современную лирику рваными пульсом,
смыслами, ритмами.
Позёрствует позицией проза.
Гражданская поза:
Сижу... смотрю...

* * *

На опушке сидела кошка,
Мыла усики, лапки, ушки.
А над нею летали мошки
И вились золотые стружки.
Это солнце осыпало ели,
Предвечерней зарёй завивая.
Звери леса готовят постели,
Ну, а кошка сидит, зевая.
Ей, как гостье лесной опушки,
Нужно с солнцем еловым проститься.
Ведь не ясно, когда же снова,
Кошка сможет здесь очутиться.
Вот зевнёт и смахнёт украдкой
Беспокойным хвостом росинки
И оставит на шёрстке гладкой
То ли капельки, то ли слезинки.
Лес вздохнёт, отпуская солнце,
И, палитру цветов меняя,
Станут ели из жёлто-рыжих
Цвета моря и цвета чая.
Тёмно-синий покой... и Дрёма
Проскользнёт без стеснения в чащу.
Здесь, под сенью лесного дома,
Звуки тише и отдых слаще.
Здесь не знают о том, что было,
Когда Дрёма шагал по опушке,
Как вечернее солнце плыло
И вились золотые стружки.
Как блестели на елях слезинки,
Суетливо летали мошки,
Как, смахнув с чёрной шёрстки росинки,
На опушке сидела кошка.

* * *

* * *

Хочется попасть на дороге в пробку,
Чтобы бездумно смотреть в одну точку,
В то пространство, куда приехал автобус.
Хочется непрерывного хода мыслей,
Что возникают порой из пространства,
Того, где замер автобус в пробке.
Хочется ясности и озарений,
Вживания в каждый объект пространства,
Прожития разом множества жизней
На небе и в лужах, в которых небо,
В маленькой птичке, что просит хлеба,
В солнце и в белке, что вместе с солнцем
Рыжим цветом по веточкам скачет,
В траве и ветре, услышанном смехе,
В рожице, скорченной для потехи,
В маленькой тучке, что дождиком плачет.
Хочется попасть на дороге в пробку,
Чтобы в привычном своём маршруте
Жизнь ощутить в каждой минуте,
В каждом пространстве, где встал автобус.
Чтобы не страшен был выбор в малом,
Выбор, что делает чуточку старше:
Выйти на следующей к знакомым кварталам
Или проехать чуточку дальше?

Всё во мне:
И волосы, зачёсанные на другую сторону,
И книги, те же, что у тебя,
И даже то, что не делится поровну –
Память о фильмах, увиденных зря...
Всё во мне.
В тебе от меня совсем немного...
Но со временем, знаю, станет больше.
Сейчас ты ищешь и суетишься,
И выбираешь то, что горше и дольше...
Не бойся, ты выживешь, ты продлишься...
А я? Всё во мне – вся память о настоящем.
Теперь моя история с тобою и без тебя...
Не правда ли, трудно представить?
И каждое слово к тебе не о любви, но любя,
Хочу оставить...

Виктория Кирдий. Целующийся Климт.
Акварель

ПОЭЗИЯ

Александр Балтин (Москва)

Серьёзность рубежа

Сорок пять. Серьёзность рубежа.
Целостности нет в душе и сердце.
Кажется, разорвана душа,
От себя причём не отвертеться.
Ветер воздух рвёт – и лицезришь
Клочья, иллюзорные донельзя.
Что узнать у данности на срезе,
Коль позволит – то, скорее, тишь.
От судьбы не отвертеться, нет –
От себя уставший, как от ноши,
У окна стоишь и видишь свет –
Он зимой серебряный, хороший.
Сколь гнетёт серьёзность рубежа?
Разных рубежей за день довольно.
Если жив – то больно будет, больно,
Ибо рана, в сущности, душа...

* * *

В старых окопах растут грибы,
Малина растёт иногда.
Как будто здесь павшие – лапы судьбы
Не представимы – о да! -
Пришедших сюда хотят угостить,
Дары им неся из земли.
За нас, за нас продолжайте жить,
Коль мы не смогли.
Вкусна малина, грибы велики –
Посмертный ушедших дар.
Их шёпот я слышу: – Мы вам близки,
Хотя мы узнали кошмар –
Кошмар войны, поглотивший нас...
Мы рядом! Спасибо вам,
Что в лес вы пришли!
И молитва сейчас
Прирастает к моим губам...

Иисус Известный

Нет у человечества искусства
Тайный мир Иисуса осознать.
Звёзды – а живые, будто чувства –
Также будут бархатно сиять.
Вероятно, Иисуса бремя
Тяжелее шаровой земли.
А теологические прения –
Как пустые старые кули.
Жизнь живая Иисуса – словно
Светлый день стоит в любом окне.
А в любой судьбе заботы-брёвна –
Чёрные и страшные вполне.
Неизвестны тяготы Иисуса
Человеку, ввергнутому в мир.
А в несчастьях видеть образ плюса
Нам успех мешает – наш кумир.
Звёзды ночью – нежные, живые,
Много света поутру и днём.
В материальной плавимся стихии
Так, что Иисуса не поймём.

* * *

Себя, как уголь, в топку книг
Перебросал – и что осталось?
А ты, сгорев, остался в них –
Простых, причудливых, витых –
Твоя любовь, тоска и жалость...
Не говори, что это малость –
Сгореть стихами для других...

К 100-летию Первой мировой войны

За выстрелом Гаврилы Принципа
Мир лопнул, как огромный шар.
Где центры ныне, где провинция?
Один везде кровавый жар.

Верден и Гродек, и на Сомме
Сверхбитва – всюду груды тел.
Что выжить ныне важно кроме?
За бой ты, выжив, постарел.

Мы лесом шли, а дальше – трупы,
Стоят, лежат, глаза черны.
Язык того искусан. Глупо
Погибнуть, дико без вины.

Стоят потравленные газом.
Мы танки видели – страшны:
Он дулом пялится, как глазом.
Тела – мешки в крови они.

Вода коричнева от крови,
Во рвах останутся тела.
Что ныне выжить важно кроме?
Над миром бьют колокола.

Казачи на австрийцев мчатся,
Мелькают сабли, палаши.
Имею? Нет? Подобрее шанса
Я на спасение души?

Казацкие кололи пики,
Чечекал дико пулемёт.
В Европе дан многоязыко
Род человеческий. Наш род.

Европа вспучена войною.
Ей взрезана. Огонь и дым.
Смерть – это навсегда: такую
И мне даётся, и другим...

Ёмкость послесловья

К Откровенью Иоанна ёмкость
Послесловья представляешь ты -
В небо глядя – золотая яркость
Осенью, как символ высоты.
Жизнь любую напитать подобной
Глубиной, кривое распрямить!
Каталог грехов – весьма подробный –
Зачеркнуть, и трупом схоронить.
Слой за слоем высота над нами –
Даже нижний слой расшифровать
Не сумеем, ибо частью в яме
Сами продолжаем обитать.
Всё же свет-янтарь, присущий небу,
Перспективы обещает, крут
Силой мудрой – той, которой нету
В нас, чтоб распрямить людской маршрут.

Лиса зимой

Краем леса шла лиса, упорна,
У деревни пропетлявши ночь...
Куры в ранних сумерках проворно
На ночлег забрались. Голод – нож.
Сделав лёжку, рыжая куснула
Горькое корьё, текла слюна.
Всё напрасно, в чащу повернула –
Дом лесной, родная глубина.
Синий снег был розоват. Лисица
Мешковато побрела к норе –
В ней, многоизвилистой, приснится
Изобилье пищи о поре
Летней – золотистой и богатой.
А перед норой синел провал
Неба меж деревьями – разлтый,
Серо-синий и стальной мерцал.
Бурею надломленное древо
По стволу обнюхала лиса.
И в норе сама себя согрела,
В рыжий, жалкий ком свернувшись вся.

Лесная фантазия

Монашек-можжевел тропинку
Внезапно преградил.
Глазок
Сверкает волчьей ягоды.
Кармину
Доверен бересклет, весьма высок.
Лес густотою сразу обступает...
О чём повествовал сакральный дуб,
Сорока, лопоча, вам сообщает.
Крутые кроны. Веток много – дуг.
Иль я гляжу с низины водоёма
На воду, где мерцают облака?
Вон показалось что-то вроде дома –
Так ель разлата, сине-велика.
Пружинающие лапы снизу, ими
Сокрыт весьма надёжно боровик.
Камней замшелых лбы. Уже другими
Не будут – не меняется старик.
Во мху плутают, блёсткие, красивы
Жучки, маршруты сложные даны.
Звериные ясны ли перспективы?
Белеет челюсть.
Мох внизу сосны.
Лопатка бело-жёлтая. Завалы
Камней, и затравел овраг большой.
В разрывах крон цветасто заблестало
Небесное закатной полосой...
Ночная жизнь богата.
Барсуками
В овраге вырыт целый лабиринт.
Куница промелькнёт.
Сова с очами
Деревья обвивает – впрочем, раны
Не мыслятся. Туман сойдёт волной.
И письма коры доносят рвано,
Что здесь когда-то проходил герой.

Мудрейшими...

С утра туман, как бинт,
Погрыз лосиный на ольхе желтеет.
Гадюка, свившись, в сон ушла в норе.
Медведь грохочет – яростный, умеет
Всех напугать – и дело не в игре.
Потом медведь уткнётся в муравейник,
И, слизывая с лапы муравьёв,
Столь счастлив, от него довольством веет.
А после – вкусный мир боровиков.
Лесная сила, и – звучанье леса,
Симфонию услышат небеса.
Проходят лоси, шаг – что мера веса...
И бездной жизни светятся леса.

* * *

Латаный-перелатаный,
Жизнью самой заплатанный,
Продолжающий жить –
Обогащённый опытом,
Пуганный много раз топотом
Бед, чья известна прыть.
Латаный-перелатаный,
Планы забывший – как, мол, ты
Оные воплотишь?
Свет в душе всё же теплится –
Тянется к небу, как деревце,
Хочет в мудрую тишь.

6 доппий Винченцо Мантуанского

Винченцо Мантуанский на монете
В шесть доппий. Потускнело серебро.
Каким Винченцо был на оном свете,
Где зло порой похоже на добро?
...я выиграл иль проиграл? Не знаю...
Я на монету старую смотрю.
Шедевром дорогушую признаю,
Что безразлично дням... календарю...
В жабо Винченцо, волосы струятся,
И плотно сжаты губы - любит власть;
Ещё, поди, балы – и наслаждаться
Всем, что предложит, обольщая, страсть.
На реверсе собака – сгустки мышц и
Высокая, свирепая, как волк.
Меня порою траурные мысли
Изводят, но и в оных – скрытый толк.
Собака на монете грандиозна,
Что за работа! – залюбуюсь я.
Сверкает нечто в лабиринтах мозга –
А вдруг (да брось!) разгадка бытия?
Шесть доппий – номинал таков монеты...
Гляжу я в монитор, почти забыв
Действительность, борьбу с потьмою
света,
И грозное ветвление перспектив.

На отречение Бенедикта XVI

Образ власти – образ тупика,
Коль не ямы – чёрная, в отходах.
Речь бесплодна о любых свободах,
Вместе – роль престола велика:
Грандиозна оная настоль,
Что раздавлен человек подобной.
Власть и деньги силою утробной
Портят человеческую роль.
Сила – отказаться от вершин
Власти – столь не малая потребна!
И отказа формула целебна -
Из духовных дадена глубин.
В мире, где любой ориентир
Стал условен – это отречение
Чуть светлее может сделать мир.
Ну а что важнее осветленья?

Виктория Курдий. Неспокойное.
Графика

ПУБЛИЦИСТИКА

Ольга Грушевская
(МОССАЛИТ, Москва)

Цикл «Португальская эйфория»

ИСТОРИЯ 1, «МЕРТВАЯ КОРОЛЕВА»

Фото Микаела Абаджянца

Вступление,
*или Несколько слов о кинофестивале,
преобладании настроения над сюжетом,
красоте лузитанского мира и о том,
что слов не хватит...*

В июне этого года (2013) в Москве проходил 35-й международный кинофестиваль, на котором традиционно были представлены фильмы во множестве номинаций, ретроспективы классиков кино, а также фильмы по национальным направлениям.

С искренним интересом проглядывая программу фестиваля, я обнаружила фильмы, формирующие цикл «Португальская эйфория».

«Метафизика, ностальгия, культурная рефлексия, преобладание настроения над сюжетом – характерные черты фильмов, которые мы объединили в программе «Португальская эйфория». В ней представлены и мистическая лента старейшего режиссёра мира Мануэля де Оливейры («Странная история Анжелики»), и «Наш любимый месяц август» – один из лучших фильмов Мигеля Гомеша, новой звезды европейской режиссуры. Визуальное богатство, интеллектуальный саспенс и внутренняя эмоциональность – все эти качества создают художественный спектр «Португальской эйфории», – пишет в своем обзоре Андрей Плахов.

Но я хочу сказать не о кино... хотя и о кино тоже, и обязательно! Просто чуть позже.

Коимбра

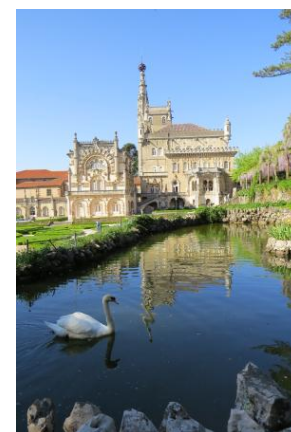
А потому слова Плахова *«метафизика, ностальгия, преобладание настроения над сюжетом»* явились для меня не просто набором уместных слов, а очень точно подобранным семантическим рядом. Преобладание настроения над сюжетом – именно это отличает Португалию от многих других стран.

Само название цикла - «Португальская эйфория» - оказалось чрезвычайно созвучно не столько с моим майским путешествием по великолепной Лузитании¹, сколько с особым и неповторимым состоянием души, которое проявилось во время путешествия, и в котором пребываю по сей день, уже после возвращения в родные пенаты. Это состояние кроме как «эйфория» и назвать невозможно.

Порто

Удивителен и неповторим лузитанский мир - богатый величественной историей, загадочным «атлантическим» характером, плавным темпераментом – совсем иным, чем у жителей соседней Испании, удивительным фонетически-мягким «шуршащим» языком и особым музыкальным настроением.

Буссако

Лиссабон

библиотеке Коимбры с летучими мышами на службе ²; о нижней части города Порту - Рибейре и пяти мостах

Много можно рассказывать об искусно возведённых капеллах, базиликах, крепостях; о многоликом Лиссабоне: золотом – ночью и белоснежном – днём; об узких мощёных улочках Синтры и игрушечного Обидоша; об уникальной

¹ **Лузитания** – античное название Португалии, от лат. Lusitania – римская провинция Лузитания.

² **Летучих мышей** в библиотеке Коимбры запускают для уничтожения вредителей, портящих древние книги.

Московский BAZAR, № 9 (11) 2013 г.

через Дору; о дивном напитке порту, ударяющем в голову и согревающим душу; о величественном храме в Баталье и замке тамплиеров в Томаре, о фантастических голубых азулежу³, повсюду украшающих дома и храмы, и, конечно же, о ветреных и романтических Кашкайше и Эшториле - португальской Ривьере.

Порто, Рибейра, р. Дору

Изразцы азулежу,
г. Обидош

Можно много рассказывать – слов не хватит...
Можно вслушиваться в переливы фаду⁴ – не хватит эмоций...
И все же...

И все же, чтобы на примерах объяснить, что я лично имею в виду, говоря о «преобладании настроения над сюжетом», хочу представить читателю несколько небольших историй в рамках уже своего, так ловко заимствованного цикла «Португальская эйфория».

Набережная Порту

³ **Азулэжу**, или **азулэйжос** (порт. *azulejo*) – название португальских изразцов. Традиционный португальский азулежу представляет собой расписанную глиняную плитку, чаще всего квадратной формы, обожжённую, глазурованную, размером 14 см на 14 см.

⁴ **Фáду** (порт. *fado* от лат. *fatum* – *судьба*) – особый стиль традиционной португальской музыки, эмоциональной доминантой которого является сложное сочетание чувств одиночества, ностальгии, грусти и любовного томления, называемое по-португальски «саудадэ» (порт. *saudade*).

История 1
«Мёртвая королева»,
о городе Алкобаса,
о Короле Афонсу Храбром и дерзком сыне его Педру,
о длинношеей красавице Инеш
и о трагической истории любви,
нашедшей отражение
в мировых произведениях искусства

Алкобаса

История, о которой пойдёт речь, тесно связана с городом Алкобаса. Мы побывали там с экскурсией, сделали множество красивых фотоснимков и покинули город совершенно потрясённые рассказанной нам историей.

Но... все по порядку.

Город Алкобаса, основанный в 1210 г., расположен на реке Алкоа в 180 км к северу от Лиссабона. Численность населения небольшая и составляет сегодня 55 тыс. человек.

Алкобаса

Mosteiro Santa Maria de Alcobaca

Город известен основной достопримечательностью — монастырём Санта-Мария-де-Алкобаса (*Mosteiro Santa Maria de Alcobaca*), который признан объектом Всемирного наследия ЮНЕСКО. Монастырь был основан первым португальским королём Афонсу Энрикешем в 1153 г. и в течение двух столетий служил королевской усыпальницей. А собор монастыря был первым португальским зданием в готическом стиле и одним из самых богатых и престижных монастырей в средневековой Европе.

Mosteiro Santa Maria de Alcobaca

Московский BAZAR, № 9 (11) 2013 г.

Монастырь известен ещё и тем, что в нем находятся удивительной красоты мраморные саркофаги легендарной Инеш де Каштру и короля Педру I Справедливого, известного в истории ещё и как инфант Педру, сын короля Афонсу Храброго (Афонсу IV).

Именно о потрясающей истории любви Инеш и Педру, в веках воспетой и дополненной романтическими деталями, я и расскажу.

Чуть забегаю вперёд, хочу сказать, что многие называют Инеш и Педру португальскими Ромео и Джульеттой, но лично я не вижу в них ничего общего с персонажами шекспировской трагедии. На мой взгляд, это совсем иная история: с иными характерами, первопричинами, настроением, исторической площадкой, да и самим развитием сюжета, где любовь и политика переплетены наитеснейшим образом. Единственное, что связывает эти две истории, так это любовь и трагическая развязка, что не удивительно: любовь и смерть всегда ходили рядом. И в этом парадокс любви, находящий во все века отражение в стихах и прозе: любовь – источник жизни и смысл бытия, несёт в себе одновременно и сильнейшее разрушительное фатальное начало, что вновь и вновь напоминает нам о дуальности природы и всех её составляющих.

*Лишь ты, любовь, таинственная сила,
Играющая слабыми сердцами,
Несчастную красу свела в могилу
И жизнь её наполнила слезами...*
Луис Камозэнс «Лузиады»⁵

Но давайте же скорее обратимся к нашей волнующей истории.

А история такова.

Король Португалии Афонсу IV не зря был прозван Храбрым – он был благородным и отважным королём, смело сражавшимся с врагами и защищавшим свою страну. В королевстве Афонсу Храброго было много забот: то воинственные мавры пытались вернуть былые завоевания, то непокорные феодалы поднимали мятежи. Не было покоя и от Кастилии – самого сильного государства на Пиренейском полуострове: кастильские короли все никак не могли простить Португалии её независимости и даже двести лет спустя ещё считали её своей провинцией. Усугубляла положение и свирепствовавшая в стране чума. Но этого было мало!

Король Афонсу IV, 1291-1357

Неспокойно было и в семье короля. Много беспокойства причинял королю родной сын – инфант Педру, безрассудный и неуправляемый по своему молодому характеру. Его поступки часто были непростительны для наследника трона и возмущали королевский двор. И мудрый

⁵ Здесь и далее: **Луис де Камозэнс** (Луиш Ваш ди Камойнш, [порт. Luís Vaz de Camões](#); около 1524, предпол. Лиссабон -1580, Лиссабон) — португальский поэт, живший в XVI веке, автор поэмы «Лузиады», воспевающей открытие Индии Васко де Гама.

король, преследуя сразу две цели – воспитательную и политическую, решил сына женить⁶. Король считал, что женитьба не только остепенит неугомонного Педру, но пойдет и во благо Португалии. Ведь всем известно, что брачные союзы всегда считались в истории самым действенным инструментом внешней политики: между представителями иберийских королевств столетиями заключались династические браки, и короли Португалии и Кастилии даже порой не могли точно сказать, кто они по происхождению – испанцы или португальцы.

Констанса Мануэла
Кастильская, 1318-1345

Выбирая для сына жену, король Афонсу думал недолго: выбор его очень скоро пал на Констансу (Контанцу) Мануэлу Кастильскую, которая и прибыла к португальскому двору в 1339 г. Новаявленная невеста Констанса была бледна, грустна и слаба здоровьем.

Вместе с ней в качестве фрейлины также прибыла и фрейлина Инеш де Каштру⁷ (Ines de Castro), которая была дочерью кастильского вельможи Педро Фернандеша де Каштру. В своё время маленькую девочку Инеш, сироту по матери, отправили в

Инеш де Каштру
Неизв. художник

Вальядолид, где ей предназначили быть компаньонкой и подругой маленькой инфанты Констансы Кастильской. В тот момент жизни дочерей благородных семейств связались неразрывно и, как оказалось впоследствии, трагично. Бедная принцесса Констанса так и не пробудила любви в сердце инфанта Педру, да он и не скрывал своего равнодушия. А вот удивительная красота придворной фрейлины Инеш пленила молодого человека тотчас, как только он её увидел.

«Тщетно пытался Педро умолить короля не настаивать на его браке с Констанцией: дело зашло слишком далеко. В то время как епископ соединял руки новобрачных и говорил им о будущей их жизни и любви, и душа принца, и его взгляды стремились к той, которая стояла позади невесты, затмевая всех своей красотой. И в первый же вечер принц настиг Инесу в одной из комнат дворца и стал говорить ей о своей любви», - пишет в своей новелле Т. Щепкина-Куперник⁸.

⁶ Король Афонсу IV женил инфанта дважды: первый раз – на дочери испанского гранда, но позже король Кастилии настоял на расторжении брака. Второй брак состоялся в 1339 г., инфант женился на Констансе Кастильской.

⁷ Ines de Castro – на исп.яз. произносится как Инесс де Кастро, а на португальском - как Инеш де Каштру.

⁸ Татьяна Львовна Щепкина-Куперник (1874- 1952) - русская и советская писательница, драматург, поэтесса и переводчица. Инеш де Каштру стала главной героиней её одноимённой новеллы, созданной в 1910 г. В ней подробно рассказывается о церемонии коронации мёртвой королевы.

Инеш де Каштру
Неизв. художник

Педру влюбился в Инеш страстно и неукротимо, и неспроста - красотой и статностью фрейлина превосходила не только свою госпожу, но и всех придворных дам. Инеш обладала внешностью необычной, скорее изысканной, одной из особенностей которой была длинная лебединая шея. Современники её так и прозвали – «Лебединая Шейка». Естественно, Педру стал все чаще и чаще пренебрегать законной супругой Констансой, что, кстати, не помешало ему произвести с ней на свет троих детей.

В романтической версии Щепкиной-Куперник говорится, что Инеш поначалу пыталась бороться с грешной любовью, но Педру был настойчив и однажды прислал ей известный роман о Фламенке, где он заложил одну страницу.

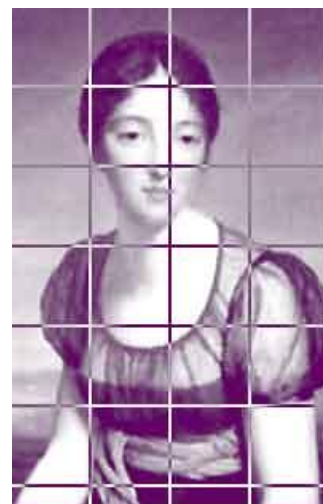
Вот что прочла в ней Инеш: *«Есть женщины, которые заставляют томиться влюблённых, говоря им «нет», и их называют чистыми и целомудренными; но стыд той, которая устами отказывает в том, на что сердце её давно согласно. Овидий сказал: «Придёт время, и та, которая презрела возлюбленного, будет одинокой, холодной и старой; та, которой ночью приносили розы, чтобы, проснувшись, она нашла их утром у порога, - будет покинута всеми; помните это, красавицы!»*

Но тут надо на секунду приподнять романтическую завесу в этой истории, заглянуть за кулисы и сказать пару слов о политической обстановке. Все бы ничего – любовные связи дело приятное, но отдаление инфанта Педру от законной кастильской супруги ставило под угрозу и без того исторически сложные отношения с Кастилией. Именно благоволение Педру к Инеш позволило изгнанным с португальского двора кастильским дворянам подойти очень близко к власти, и, более того, братья Инеш стали друзьями принца и доверенными советниками. Король Афонсу IV не одобрял влияния «опасной дамы»⁹ на сына и терпеливо ожидал, когда же эта «интрижка» закончится. Но, к несчастью, «интрижка» не закончилась.

Инеш и Педру продолжали встречаться вопреки недовольству Короля. Инеш, конечно же, понимала, насколько опасны были её отношения с Педру, но, возможно, ещё в детстве и юности она вынуждена была уступать принцессе Констансе, поэтому, когда в права вступили чувства, Инеш не смогла уступить ей мужчину.

⁹ Опасность заключалась в том, что по внебрачной линии Инес происходила от одного из кастильских королей; её семья состояла в родстве со многими могущественными кланами. Именно «опасные связи», тянувшиеся за фрейлиной, больше всего беспокоили короля Афонсу IV. В частности, она состояла в родстве с Афонсу Саншешем, незаконнорождённым братом португальского короля.

Король Афонсу долго терпел любовную связь сына с Инеш – завести при дворе фаворитку было делом обычным, но когда у любовников уже появились дети, король встревожился не на шутку. В Португалии не раз бывало, что незаконнорождённые сыновья оспаривали трон у законных наследников. Сам Афонсу в молодости тоже воевал с побочным братом за отцовский престол¹⁰. Беспокойство короля и знати, испуганной влиянием Кастилии, усиливал и тот факт, что законнорождённый сын Педру и Констансы (будущий король Фернанду Португальский) был слабым и хрупким ребёнком, как, впрочем, и остальные их общие дети, тогда как бастарды Инеш росли здоровыми и цветущими. Естественно, памятуя о собственном опыте, король опасался, что одни из сыновей Инеш в будущем начнёт оспаривать права на престол законного наследника, что приведет страну к гражданской войне.

Инеш де Каштру
Азулежу

«Горько жаловалась Констанция старому королю на чаровницу, отнявшую у неё супруга; попы толковали ему о грехе беззакония, в котором жил наследник короны; придворные угрожали ему влиянием Инесы на Д. Педру и тем, что она употребит свою власть во вред Португалии и сделает её провинцией своей родины. Так ревность, хитрость и низость развенчивали любовь и клеветали на её божественное происхождение»¹¹.

В 1349 г. бедная Констанса, измученная болезненными детьми и равнодушием мужа, умирает, и Педру приобретает долгожданную свободу.

Афонсу тщетно пытался женить сына вторично – все напрасно: Педру по-прежнему не желал расставаться с возлюбленной и отказывался жениться на ком бы то ни было, кроме Инеш – совершенно неприемлемой для государства королевы.

Инеш и Педру

Тогда Афонсу IV приказал удалить Инеш со двора, и её с детьми отправили в Коимбру, старую столицу Португалии.

*Там кроткая Инеш в полях блуждала,
Близ вод Мондегу думам предаваясь,
И своего кумира вспоминала,
В несбыточных мечтаньях забываясь.*

Смирившись с решением отца, Педру, тем не менее, не только не забыл свою возлюбленную, но летел в Коимбру в мраморный Дом любви (Quinta del Amor), где жила Инеш. Частые визиты Педру в Коимбру породили среди королевской знати слухи о намерении Педру жениться на Инеш.

¹⁰ Имеется виду незаконнорождённый **Афонсу Саншеш**, дальний родственник Инеш де Каштру (см. сноску 8), который чуть не захватил португальский трон. Четыре года законный наследник воевал с незаконным. В конце концов побеждённый Саншеш бежал в Кастилию, но и там не успокоился, постоянно подстрекал кастильцев против португальцев, что не улучшало репутации Инеш.

¹¹ Т. Л. Щепкина-Куперник «Инеса ди Кастро».

Московский BAZAR, № 9 (11) 2013 г.

Озабоченный судьбой своей страны король был в ярости, полагая, что обезумевший от любви инфант даже не сознавал, к каким последствиям для Португалии мог привести его союз с Инеш.

После ещё нескольких попыток разлучить влюблённых и отказа непокорной Инеш расстаться с инфантом и вернуться в Кастилию король, наконец, согласился с советниками, настаивавшими на убийстве Инеш. Однако слово «убийство» следует здесь заменить на «казнь», так как советники вели речь именно о казни кастильской «заговорщицы».

В 1355 г., когда инфант уехал на охоту, король с ближайшими тремя советниками помчался в Коимбру в Дом любви. Там он велел привести к нему Инеш с детьми.

*Когда Инеш несчастную втащили
В покои короля, такую жалость
Ему рыданья женщины внушили,
Что сердце короля от горя сжалось...*

Инеш сразу поняла, зачем приехал король с советниками, и, упав на колени, в слезах молила его пожалеть её и детей.

*Julgamento de Inês de Castro,
by Máximo Paulino dos Reis (1861)*

*Inês de Castro diante dos algozes,
by Columbano Bordalo Pinheiro
(1857-1929)*

А далее в истории есть две версии. Первая заключается в том, что король успокоил несчастную и даже отправил её в покои, но тотчас велел своим помощникам привести приговор в исполнение. По другой версии, Афонсу все-таки в первый раз не тронул Инеш и уехал, а разрешение совершить казнь он дал лишь какое-то время спустя, и все произошло без его присутствия.

*И грянул час безжалостной расправы,
В гробах усопших сонм зашевелился,
Узнав о даме, что всю жизнь страдала,
А после смерти королевой стала.*

Но, так или иначе, присутствовал Афонсу при убийстве Инеш или нет, а 7 января 1355 г. Инеш де Каштру была казнена путём отсечения головы, а приговор привели в исполнение советники короля: Пьеро Коэльо (порт. *Pêro Coelho*), Алваро Гонсалвеш (порт. *Álvaro Gonçalves*) и Дього Пашеко (порт. *Diogo Lopes Pacheco*).

Московский BAZAR, № 9 (11) 2013 г.

*Не ведая в душе своей укора,
Красу Инеш несчастной не жалея,
Убийцы ей ланиты осквернили
И кровью белизну их обагрили.*

Когда инфант узнал о злодейском убийстве, горе утраты и жажда возмездия переполнили душу. «...Педро застал весь дом в отчаянии, не передаваемом словами, а Инесу - лежавшей на столе в том самом атласном платье, в котором она стояла под венцом. С тех пор стал Дом любви называться в Коимбру Домом слез, *Quinta das Lagrimas*»¹².

О примирении с королём не могло быть и речи, и сын, подняв мятеж против отца, верг страну в гражданскую войну. Война шла два года.

Примирение Афонсу и его взбунтовавшегося сына Педру состоялось только в 1357 году, незадолго до смерти старого короля. И в том же 1357 г. Педру стал новым королём Португалии.

Первое, что сделал Педру I, став королём, так это покарал убийц своей возлюбленной. После смерти старого короля советники Коэльо, Гонсалвеш и Пашеко бежали в Кастилию, но двое из них были выданы Педру I и преданы жестокой казни.

Король Педру
Справедливый, 1320-1367

*А вскоре Педру править стал страной,
И гнев его настиг убийц жестоких,
Хотя, грозу почуяв над собою,
Они в Кастилье спрятались далёкой.*

По легенде, Педру сам выдрал им сердца, одному из груди, а другому - со стороны спины.

В народе Педру I получил имя Педру Справедливый, поскольку он не только отомстил за смерть Инеш, но и наказал других преступников, невзирая на их сословие и положение при дворе.

Что же касается дальнейшей личной жизни Педру I, то он так и не женился. Став королём, он сразу объявил при дворе, что ещё в 1345 г., после смерти жены Констансы, он был якобы тайно обвенчан с Инеш де Каштру, а значит, она и является законной королевой Португалии, а их дети с Инеш – законные наследники. Однако никаких документальных подтверждений словам короля не найдено.

¹² Т. Л. Щепкина-Куперник «Инеса ди Кастро».

Московский BAZAR, № 9 (11) 2013 г.

И здесь мы подходим к самой мистической и зловещей части всей этой запутанной истории.

По легенде, которую португальцы свято хранят и которой придерживаются, Педру I приказал вынуть из могилы тело возлюбленной Инеш де Каштру, короновать её, а подданным - присягнуть на верность мёртвой королеве¹³.

Это была самая необычная коронация в истории всех времён: в королевском парадном зале сидела на троне Мёртвая королева, а точнее - извлечённое из склепа истлевшее тело Инеш де Каштру, облачённое по требованию короля в королевские одежды. На её голову была возложена королевская корона.

Коронованная "мумия"
Инеш де Каштро
(Сцена из спектакля
«Инеш де Каштро».
Эдинбург, 1996)

«Сегодня провозглашаем тебя, Инеш де Каштро, именем Всевышнего и именем закона нашей страны королевой Португалии и Алгарви!»¹⁴, - провозгласил Король Педру I, и весь двор – все придворные - один за другим преклоняли колена и целовали сморщенную руку мёртвой Инеш.

*Инеш, не кори, что не умер с тобой:
Я здесь, на земле, задержался, чтоб мстить,
Но скоро я встречусь с тобой в небесах,
И там я тебя назову королевой,
Когда не успел на земле...¹⁵*

А вот как описывает коронацию в своей новелле Щепкина-Куперник:

«- Я попрошу свершить обряд тут же, в тронной зале, так как королева не может встать.

- Государь, но ведь ранее надо свершить обряд бракосочетания, - возразил епископ.

- Он давно совершён - вами самими, мой святой отец, в домово́й капелле Коимбры, - разве вы забыли это? - спросил король, и страшная улыбка искривила его уста. И первый

¹³ Считается, что коронация и присяга мёртвой королеве чистой воды вымысел. Не упоминает об этом ни Камюэнс в своей поэме «Лузиады», ни Антониу Феррейра в трагедии «Инеш де Каштро», написанной тогда же.

¹⁴ **Источник:** <http://www.rumbur.ru/history/642-ines-de-kastro-mertvaya-koroleva!>»

¹⁵ **Антониу Феррейра** (Antonio Ferreira) (1528, Лиссабон - 1569, там же), португальский поэт и драматург. Окончил Коимбрский университет, занимал высокие должности при дворе. Впервые ввёл в португальскую литературу оду, сонет, элегию, эпиграмму. Автор комедий «Бришту» (1622), «Ревнивец» (1622), трагедии «Иниж ди Каштру» (1587), которой свойственен углублённый психологизм.

Московский BAZAR, № 9 (11) 2013 г.

резко вскрикнул, точно раненая птица, юный инфант дом Фернандо; но так взглянул на него Педро, что крик замер в его горле.

Трясущимися руками епископ поднял корону над недвижной королевой и начал обряд, а когда он был окончен, король приказал приступить к целованию руки. И первый приник к этой руке долгим поцелуем и громко сказал:

- Я говорил тебе, ты будешь королевой.

И откинул кружевную вуаль, закрывавшую лицо королевы, - а в это время подошедшая к руке её первая придворная дама, герцогиня ди Санта-Фе, крикнула и упала на ковер: из-под кружев глядели черные глазные впадины, и череп улыбался своей страшной улыбкой: на троне была королева Португалии - Инеса прекрасная».

Инеш де Каштру перезахоронили в монастыре Алкобасы, поместив её тело в белый мраморный саркофаг.

Король Педру I успешно правил Португалией. Его царствование можно было бы назвать счастливым, если бы, как говорили, не глубокая скорбь, терзавшая сердце. Его часто видели в монастыре Алкобасы стоящим на коленях перед саркофагом Инеш де Каштру и подолгу говорившим с ней.

Педру I прожил ещё лишь десять лет и последовал за своей возлюбленной. Он умер 18 января 1367 г. и, согласно завещанию, был похоронен напротив своей возлюбленной также в мраморном саркофаге.

«Гробницы их стоят не рядом, а одна против другой, по воле короля: затем, чтобы, когда они встанут для вечной жизни в день страшного суда, — их первый взгляд был бы взглядом любви», - пишет в финале своей новеллы Т. Л. Щепкина-Куперник.

Монастырь Санта-Мария-де-Алкобаса

Фигуры ангелов на саркофагах

Св. Бартоломей несёт свою кожу; женская фигура без головы справа — Инеш де Каштру

И верно, оказавшись в Монастыре Санта-Мария-де-Алкобаса, мы увидели перед алтарём два белых мраморных саркофага — по правую и левую руку, отделённых друг от друга центральным проходом и расположенных в одну линию, но «ногами» друг к другу. Саркофаг Педру Справедливого покоился на львах, символизирующих королевскую власть, а саркофаг Инеш — на собаках с лицами её убийц.

Барельеф на саркофаге
Педру

Спящая собачка в ногах
Инеш

Боковые грани саркофагов искусно украшены миниатюрами на библейские темы, в частности, барельефами со сценами из жизни святого Бартоломеу. Мраморные фигуры Педру и Инеш, увенчанные коронами, поддерживают коленопреклонённые ангелы, а в ногах располагаются фигуры спящих собак, символизирующие дружбу.

Саркофаг Инеш де Каштру

Известно, что король Педру неспроста распорядился поставить гробницы таким образом: по его задумке он и Инеш, очнувшись ото сна и поднявшись на своих ложах, в первую очередь должны были увидеть друг друга.

Саркофаг короля Педру

* * *

Хотя любовь Инеш и Педру и была тесно переплетена с политикой и исторической прозой, но, надо заметить, «проза жизни» не мешала великим художникам, музыкантам и поэтам черпать в этой романтической истории своё творческое вдохновение

Жизнь Инеш де Каштру многократно служила темой для произведений искусства, обрастая легендарными эпизодами - сначала в народных романсах (романсеро), потом в творениях профессиональных авторов. Она увековечена в классических пьесах и поэмах португальской и испанской литературы, в том числе в уже упомянутых «Лузиадах» Камоэнса (стих 118—137) и пьесе Антониу Феррейры «Иниж ди Каштру», более 20 опер носят в названии её имя.

Начиная с XVIII в., к этому сюжету обращались драматург Антуан Удар де Ла Мотт, писатели Виктор Гюго и мадам Жанлис, композиторы Джузеппе Персиани и Николо Антонио Дзингарелли (1798). В России историю Инеш де Каштру узнали в XVIII в. именно благодаря опере Дзингарелли, исполнявшейся в Санкт-Петербурге.

Московский BAZAR, № 9 (11) 2013 г.

В том же XVIII в. в Мариинском театре был поставлен балет о гибели Инесс де Кастро, а в начале XIX века в Императорском театре с большим успехом шла трагедия де Ла Мотта, в которой блистал молодой Каратыгин в роли инфанта. В Государственном Русском музее в Санкт-Петербурге хранится полотно Карла Брюллова «Смерть Инессы де Кастро»¹⁶. В 2003 г. пишет свою картину художник Андрей Мунтян «Кровавый взгляд Инеш Каштру»¹⁷.

К. Брюллов. Смерть Инессы де Кастро, 1834 г.

Сюжет с коронацией мёртвого тела настолько необычен, что и сегодня будит воображение многих художников.

Вот здесь-то как раз и пришло время сказать пару слов о кино: не оказался в стороне и кинематограф. В 1910 г. в Португалии вышел самый первый фильм об Инеш де Каштру «Мёртвая королева», который окончательно закрепил за ней легенду в народе. А в 2009 г. режиссёр Пьер Бутрон снимает свою «Мёртвую королеву» - историческую мелодраму с некоторой вольностью в трактовке канонического сюжета. В его мелодраме король Португалии Феррант в государственных интересах хочет женить сына Педро на наваррской инфанте. Но Педро уже год как женат на Инесс, девушке хоть и знатного рода, но не королевской крови.

Очевидно, можно найти ещё множество литературных и псевдолитературных фантазий на эту тему, уверена, что скоро и Голливуд скажет своё высокотехнологичное слово.

Что до современных португальцев, то они очень любят свою «мёртвую королеву» и свято чтят память о ней. Например, в октябре 2005 г. по всей стране отмечалось 650-летие гибели Инеш де Каштру. В Коимбре, где Инеш была убита, проходил музыкальный фестиваль, по государственному каналу демонстрировался специально снятый к этой дате телесериал, а в монастыре Алкобасы, рядом с гробницей королевы, был воздвигнут «памятник вечной любви» в современном стиле - выполненный из стекла и металла. Правда, во время нашего путешествия, т.е. уже в 2013 г., мы «памятника» не увидели - наверное, его уже убрали. Но нам подтвердили, что именем Инеш названы школы, творческие конкурсы, а подростки разыгрывают этот сюжет на любительской сцене.

И пусть в этой истории немало фантазий и отклонений от прозаической канвы, но, как утверждают мудрецы, вымысел порой ценнее, чем историческая точность. А фантазия – народная или писательская – всегда формирует особое, присущее только конкретной истории настроение, создаёт дополнительную красочную ауру вокруг любого сюжета. И это ли не пример «преобладания настроения над сюжетом»?

В истории о «Мёртвой королеве» правда и вымысел не противоречат друг другу, а вместе лишь подтверждают библейскую истину: «Сильна, как смерть, любовь!»

¹⁶ К. Брюллов. Картина «Смерть Инессы де-Кастро». 1834 г. Холст, масло. 213х290,5 см. Государственный Русский музей.

¹⁷ Статья Д. Мопостновой «Мунтян в Португалии - Кровавый взгляд Инеш Каштру», «Мегаполис новости», 10/2003. http://www.mountain.ru/art_detail.php?id=44

СМЕХОТЕКА

Бауржан Тойшибеков
(Казахстан)

АФОРИЗМЫ

- Жизнь – это когда у меня есть вопросы к Богу, а смерть – это когда у Бога будут вопросы ко мне.
- Самое страшное – это не человек в нищете, а нищета в человеке.
- То, что муж и жена одна сатана, - это от Бога.
- Даже то дело, которое можно отложить, следует делать так, словно его нельзя отложить.
- Человек должен быть, как время, которое никогда и никуда не спешит, но всегда и повсюду успевает.
- Фемида, как известно, слепа, чем с успехом и пользуются её служители.
- Как жаль, что надо жить, чтобы творить!
- Кровь – чернила истории.
- Когда маятник перестаёт колебаться, часы останавливаются.
- В настоящем искусстве всегда так: новое становится старым, а старое - вечным.
- Если вам вставляют палку в колеса, сделайте её осью.
- Больше всего человек нуждается в такой точке опоры, которая позволила бы ему перевернуть не мир, но себя.
- Нельзя поделиться одним яблоком со всем человечеством, а одной мыслью – можно.
- Крылья помогают летать и мешают ходить.
- Нептун топил людей в море, а Бахус – в луже.
- Счастье чёрной вороны в том, что она не белая.
- Пешка может занимать место короля не только в шахматах.
- Да, телевизор — это окно в мир... Но нельзя же всю жизнь просидеть у окошка!
- Иногда овце, чтобы не опаршиветь, достаточно лишь отбиться от стада.
- Цифры, взятые с потолка, всегда высокие.
- Оставить след можно в науке, искусстве, литературе, а в истории можно только наследить.
- И моцарты отравляют сальери – ядом зависти.
- У компьютера есть мозги, но нет сердца. Почти как у интеллектуала.
- Молчание болтуна – вдвойне золото.

Московский BAZAR, № 9 (11) 2013 г.

- У хорошего художника бывает гораздо больше шансов написать плохую картину, чем у плохого художника – написать хорошую.
- Хронический юмор – это уже диагноз.
- У судьбы для человека сто дверей, и если она закрывает перед ним одну, то девяносто девять остальных она держит для него открытыми.
- Дети редко совершают дурные поступки, не имея перед глазами примера взрослых.
- От ума до остроумия гораздо ближе, чем от остроумия до ума.
- Единственный учитель, которому дозволяется учить нас с помощью розги, - вот что такое опыт.
- Не бывает глубины без поверхности, но бывает поверхность без глубины.
- Спор умного с глупцом не делает глупца умным, но делает умного глупцом.

Виктория Кирдий. Жаба.
Акварель

ДЕТСКОЕ ЧТЕНИЕ

Зинаида Кокорина
(МОССАЛИТ, Королев)

ПОЧИТАЙ СКАЗКУ

*Что за прелесть эти сказки!
Каждая есть поэма!*
А. С. Пушкин

Каждый вечер, ложась спать, все дети неизменно просят родителей: «Почитай сказку!» И мы, зевая, тянемся за книжкой и в сотый раз читаем про Золушку, Мальчика-с-пальчика, Емелю. А ребёнок слушает нас будто впервые, удивляясь, радуясь и переживая за любимых героев. Но мало кто из родителей задумывается, какое влияние сказка оказывает на сознание ребёнка.

Виктория Кирдий. И птичка вылетает. Акварель

Очень часто от старшего поколения слышать приходится, что большая часть нового - это хорошо забытое старое. Но, оглядываясь по сторонам и делая оценку современным технологиям и их возможностям, начинаешь в этом немного сомневаться. В то время как развивается наука и в жизнь внедряется компьютеризация, народный язык начинает терять эмоциональность. Его заполонили иностранные слова, а язык компьютера лишён окраски, образности.

Через устное народное творчество ребёнок не только овладевает родным языком, но и, осваивая его красоту, лаконичность, приобщается к культуре своего народа, получает первые впечатления о ней. К тому же словесное творчество народа представляет собой особый вид искусства, то есть вид духовного освоения действительности человеком с целью творческого преобразования окружающего мира «по законам красоты».

И здесь речь идёт о таком понятии, как сказки. Их роль в воспитании детей, как и прежде, остаётся ключевой. Многие молодые родители хорошо понимают, когда их кроха начинает кричать: «Мутик!...». И уже от того, что ему показывают, как ведут себя главные герои этого

Московский BAZAR, № 9 (11) 2013 г.

мультипликационного фильма, будет зависеть линия поведения молодого человека в будущей жизни.

«Через сказку, фантазию, игру, через неповторимое детское творчество — верная дорога к сердцу ребёнка. Сказка, фантазия — это ключик, с помощью которого можно открыть эти истоки, и они забьют животворными ключами», — так писал В. Сухомлинский.

Сказка входит в жизнь ребёнка с самого раннего возраста, сопровождает на протяжении всего детства и остаётся с ним на всю жизнь. Но самое главное, что сказки нужны не только для развлечения, но и для развития и обучения ребёнка. Именно со сказки у ребёнка начинается знакомство с миром человеческих взаимоотношений и с окружающим миром в целом. Через сказку малыш познаёт своё место в этом мире, получает первые представления о добре и зле, дружбе и предательстве, отваге и трусости, учится говорить и правильно формулировать свои мысли. Именно сказки в доступной форме объясняют малышу, что такое хорошо и плохо, закладывают моральные и социальные ценности. Без преувеличения можно сказать, что чтение сказок малышу — это, прежде всего, воспитание.

Виктория Кирдий. Бабочка на ухе.
Акварель

Виктория Кирдий. Сказка на ночь. Акварель

Воспитание детей сказками убеждает нас, что сказки являются для детей уроками нравственности. Сказочные герои наделены смелостью, красотой, трудолюбием, честностью, любовью к Родине. Сказки показывают детям, что бывает, если герои обманывают или поступают не по совести. Благодаря сказке ребёнок узнаёт, что добро всегда сильнее зла, и это помогает ему в дальнейшей жизни идти дорогой добра и мыслить позитивно.

Связь любимого персонажа с характером ребёнка

Выбор любимого сказочного персонажа ребёнком даёт повод родителям задуматься о детских проблемах и страхах. Например, если любимый герой – Гадкий утёнок, стоит задуматься и выяснить, не является ли ваш ребёнок предметом нападок и насмешек в детском коллективе, не чувствует ли там себя одиноким, не таким как все.

Виктория Кирдий. Сливовое варенье.
Акварель

Если любимый герой Незнайка – это тоже повод задуматься, почему вашему ребёнку нравится ленивый, глупый и неряшливый персонаж.

Психологи считают, что если ребёнок заикливается на каком-то сказочном сюжете, есть вероятность, что этот сюжет станет сценарием его жизни. Например, человек, любивший сказку «Гадкий утёнок», будет сталкиваться с непониманием коллег и конфликтовать с начальством.

Если сюжет любимой сказки ребёнка вызывает у вас опасение, можно предложить ребёнку придумать сказке другой конец. Например, можно в сказке про Красную Шапочку придумать доброго волка, который под добрым влиянием Красной Шапочки не ест её. Хорошим примером такого перевоплощения сказки является сказка «Волк и семеро козлят на новый лад».

Выбирая сказку для малыша, мы должны помнить, что, в отличие от сознания взрослого человека, детское сознание очень чуткое и сильно реагирует на различные яркие картины, и зачастую не может чётко разграничить хорошее и плохое, и это может сказаться на психологическом состоянии ребёнка. Поэтому сказка на ночь для детей – не просто звук или картинка, помогающая уснуть, это формирование внутреннего мира ребёнка. Именно поэтому в прошлом, задолго до сегодняшнего прогресса, почётную миссию чтения сказок на ночь выполнял нежный голос мамы, который всегда вызывает умиротворение и спокойствие, рисуя в сознании исключительно картины радости и красоты.

Виктория Кирдий. Сказка на ночь.
Акварель

Московский BAZAR, № 9 (11) 2013 г.

Будем помнить о том, что сказки всегда должны быть добрыми, простыми и душевными, возможно, вы и сами сможете в них научиться чему-то хорошему и подбодрите вашего кроху в наше нелёгкое время.

Бывает и так, что мы сталкиваемся с негативным мнением о роли народной сказки в воспитании ребёнка. Поэтому хочу напомнить слова великого русского педагога К. Д. Ушинского, который был о сказках настолько высокого мнения, что включил их в свою педагогическую систему: «Сказки являются важным воспитательным средством, в течение столетий выработанным и проверенным народом. Жизнь, народная практика воспитания убедительно доказали педагогическую ценность сказок. Дети и сказка - неразделимы, они созданы друг для друга, и поэтому знакомство со сказками своего народа должно обязательно входить в курс образования и воспитания каждого ребёнка».

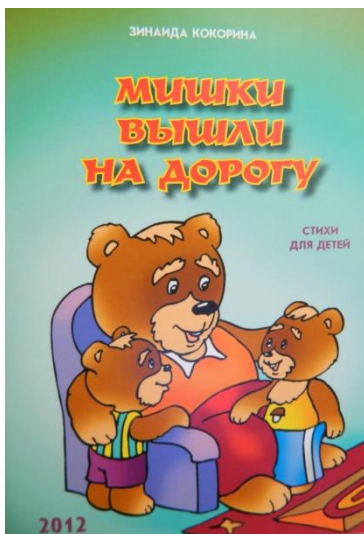

Виктория Кирдий. Новая шапка.
Акварель

Виктория Кирдий. Остров сокровищ.
Акварель

Предлагаем вам сказку Зинаиды Кокориной, которая учит детей знакомству с Правилами дорожного движения.

Мишки вышли на дорогу

Поднимает хобот слон:
«Ду-у-у!... - сигналит громко он, -
Объявляю всем тревогу,
Дети вышли на дорогу!
Медвежата-малышата
Без мамаш спешат куда-то.
Кто одних их отпустил,
Правила не объяснил?
Подлетела галка: «Кар-р-р!»
Вдоль дороги тротуар.
По нему до перехода
Все шагают пешеходы...»

Испугались мишки:

«Ой! Как мы попадём домой?
Переход - какой же он?
Помоги нам, дядя слон».

«Знает каждый пешеход,
Там, где «зебра» - переход,
Черно-белой полосой
Обозначен путь такой.

Рядом с «зеброй» - светофор.
Он - движенью дирижёр.
Если КРАСНЫЙ свет горит -
Пешеходу путь закрыт!
ЖЁЛТЫЙ свет - «Внимание!» -
Знак для ожидания.

С тротуара не сходите,
Только свет ЗЕЛЁНЫЙ
ждите!»
... И по «зебре» постовой
Проводил детей домой.

Правила движенья эти
Знают взрослые и дети.
Уважаем правила –
Поступаем правильно.

Виктория Кирдий. На спине.
Акварель

ДЕТСКОЕ ЧТЕНИЕ

Наталья Родивилина
(Днепропетровск)

СТИХИ ИЗ КНИЖКИ «КТО ДОРОГУ К ТУЧКЕ ЗНАЕТ?»

Крепкая дружба

Подошёл я к ней. Не струсил!!!
Громко так сказал: - Привет!
Как твои дела, Маруся?
- Ме-е-е, – промолвила в ответ.

Удивилась, сразу видно -
Приоткрыла даже рот, –
Ведь обычно (так обидно!)
Кличет Манькою народ.

Протянул листок капустный:
- Не стесняйся, ешь, он твой!
- Ме-е-е, – сказала, - очень вкусно!
И мотнула головой.

Я теперь с Марусей дружен,
Наша дружба велика!
Ей даю сухарь на ужин,
А она мне – молока.

Песенка о лягушке

В саду под розовым кустом
Жила-была лягушка.
Был там её, лягушкин, дом
С кроваткой и подушкой.

Варила суп из комаров
И жарила котлеты,
Когда отличный был улов
Дождливым, тёплым летом.

Любила мутный водоём,
Закаты там встречала,
Но так как песня не о нём,
Начни читать сначала.

Мы с котёнком

Солнце ярко светит.
Расцвели фиалки.
Соберу букетик,
Хоть и рвать их жалко.

Подарю сестрёнке
Чудо-ароматы -
Мы вдвоём с котёнком
Очень виноваты:

Лист помяли в книжке,
Бант порвали снова -
С ним играли в мышку,
А ведь он был новый!

На букетик глядя,
Всё простит сестрица.
Котика погладит
И не будет злиться!

Виктория Кирдей. На руках.
Акварель

Родные дочери

Мы вчера купили с мамой
Куклу в красном пышном платье.
Будет дочкой лучшей самой!
Назвала её я Катей.

Поиграла с полчасочка
И соскучилась по Маше,
Ведь она мне тоже дочка.
И, быть может, Кати краше.
Тут же вспомнила про Милу,
В синем ярком сарафане,
Без меня она грустила,
Вместе с Олей, Томой, Таней.

Я из тёмных уголочков
Соберу их всех в качалке,
Ведь они – родные дочери.
Всех люблю и всех мне жалко!

Додумайте сами

Я в маминой юбке
И в блузке сестрички.
Подкрашены губки
И даже реснички.

Блестят ноготочки,
Покрытые лаком,
Румяные щёчки
Алеют как маки.

Парик светло-русый.
Цепочка с сердечком,
Янтарные бусы,
Браслеты, колечки.

Шикарная шляпа,
На шляпе - цветочки.
Промолвит мне папа:
Красавица, дочка!

Сестричка помчится
С рыданиями к маме...
Что дальше случится,
Додумайте сами!

День рождения Мишутки

Вся в делах. Нет ни минутки -
Хлопчу и хлопчу -
День рождения Мишутки
Я отпраздновать хочу.

Быстро вытащу из шкафа
Зайку, волка и лису.
Обезьяну и жирафа
Из коробки принесу.

Вместе с ними бегемота,
Крокодила и слона.
Ох, и трудная работа –
Всех зверей собрать должна.

В тесноте, да не в обиде -
Места хватит за столом.
Кушать тортик приходите.
Приглашаем в гости! Ждём!

На столе горой коврижки,
Чай вскипел, готов сервиз.
С днём рожденья, милый Мишка!
Это мой тебе сюрприз!

Косички

У младшей сестрички
Пушистая чёлка,
Две чудных косички
И банты из шелка.

На месте сестричка
Сидеть не умеет -
Летают как птички
Косички за нею.

Два банта с косичками
В небе порхают
И, вместе с сестричкой,
Покоя не знают!

Мне симпатичен гордый кит

Мне симпатичен гордый кит -
Он в море круглый год.
Он в море ест, он в море спит
И даже море пьёт!

Такой большой - как пароход!
Он в сильный ураган
И в шторм любой идёт вперёд,
Как смелый капитан.

Я б на край света с ним поплыл!
Да хоть в девятый вал!!!...
Но чтобы папа рядом был
И за руку держал!

Веснушки

У моей подружки Ксюшки
Преотличные веснушки!
На носу красуются -
Все глядят, любятся!

Каждый год весной и летом
Шлёт ей солнышко приветы -
Тёплые, искристые,
Ярко-золотистые!

Я на ушко ей шепчу:
Я такие же хочу!
Не подаришь, Ксюша,
Парочку веснушек?

Виктория Кирдий. Подарочек.
Акварель

Расфуфырилась сосёнка

Расфуфырилась сосёнка -
Вместо старого пальто,
Как у модницы-девчонки,
Нынче пышное манто.

Видно, очень дорогое -
Вкус заметен и размах -

Бледно-бледно голубое,
В рюшах, стразах и цветах.

Не завидуют соседки,
Даже косо не глядят -
Дед Мороз и им на ветки
Сбросил праздничный наряд.

Повезло-то как Алёнке!

У подружки у Алёнки
Крошечный братишка.
Он пока ещё в пелёнках
И сосёт пустышку.

Повезло-то как Алёнке -
Кукла есть живая!
Ну, а я стою в сторонке
И переживаю.

Скоро будет улыбаться
Он сестре игриво.
Вот бы мне такого братца –
Я была б счастливой!

Есть у деда лестница

Есть у деда лестница -
Длинная, большая.
В доме не поместится -
Потолок мешает.

Но зато на улице
Достаёт до крыши.
Если мне зажмуриться,
Поднимусь и выше!

Познакомлюсь с тучками,
Много их на небе,
Помашу им ручками -
Прокатиться мне бы!

Подплывёт мохнатая -
Подвезти не жалко!
Хоть мы не крылатые,
Полетим, как галки!

Спели б вместе песенку...
Только зря мечтаю,
Ведь лежит та лесенка
Под замком в сарае.

Мой котёнок рыжий-рыжий

Мой котёнок рыжий-рыжий,
Лёгонький, как пёрышко.
Только я его увижу,
Ярче светит солнышко.

Самый лучший в мире котик –
Глазки, словно бусинки,
Мягкий тёпленький животик
И, как леска, усики.

Тихо, тихо! Не будите!
Малыша пугаете.
Через часик приходите,
Вдоволь поиграете.

Не дарю открытку киске

Никакого нет секрета:
Праздник будет очень скоро.
Валентинок разноцветных
Приготовил целый ворох!

Вот с машинкой и с ракетой –
Это дедушке и папе,
Маме с бабушкой – букеты,
А сестричке – кукла в шляпе.

Не дарю открытку киске -
Не поймёт она, похоже.
Просто дам ей две сосиски,
Ведь её люблю я тоже!

Интересно бы узнать

Вот бы в руки ковшик взять
У Большой Медведицы,
Полный, с верхом, звёзд набрать –
Пусть все вместе светятся!

Интересно бы узнать:
Выдержит ли донышко
И не будет ли сиять
Ковшик ярче солнышка?!

Наступила осень по календарю

Я своей сестричке
говорю:
- Наступила осень
по календарю!
Убегает лето
в голубую даль.
Как люблю я лето!
Как его мне жаль!
Мне в ответ сестрёнка:
- Не горюй! –
Западню устроила
я календарю -
Положила в шкафчике,
под замок,
Чтоб оттуда выпорхнуть
он не смог!
Дверцу мы когда-нибудь
отопрём,
А пока без осени
по-жи-вём!

Виктория Кирдий. Сестры.
Акварель

Я сердиться не умею

Часто ссоримся с братишкой,
Кулаки пускаем в ход:
Он мою спрячет книжку,
Унесу его блокнот.

Он развяжет кукле бантик,
Мишку кинет под кровать,
Ну, а я, хоть он и братик,
Стукну сильно - и бежать!

Он, догнав, тетрадкой школьной
Шлёпнет прямо по плечу.
Закричу, хоть мне не больно -
Напугать его хочу.

Я за все свои мученья
Брату точно отомщу -
Съем конфеты и печенье,
На качели не пущу.

Правда, тут же пожалею,
Что не съела - всё отдам,
Я сердиться не умею,
Друг без друга скучно нам!

Вам понравится лечиться

Открывается больница
Для детей и для зверей.
Со щенком, котом и птицей
Приходите поскорей!

От простуды – барбариски,
Мёд - от ранок и заноз.
Чай со сливочной ириской
Отогреет вас в мороз.

Настроение плохое?
Есть на этот случай торт
И варенье вам откроем -
Классный выбор. Высший сорт!

На душе не стало сладко?
Это тоже не вопрос –
Получите шоколадку -
Лучше средства нет от слёз!

Сливки - кошке, зёрна – птице,
Кости – зубкам, для щенков...
Вам понравится лечиться!
Доктор ждёт. Лечить готов

Есть у моря язычок

Расскажу я по секрету,
Только вас прошу – молчок! –
Убеждаюсь каждым летом:
Есть у моря язычок!

Подойдите ближе, ближе
И по берегу бегом!
Вас догонят и оближут
Волны нежным языком.

Без остатка слижут замки,
Прихватив ещё с собой
Мяч, ведёрко и вьетнамки,
Круг любимый надувной.

Я на море не обижен,
Шуткам этим даже рад -
Пусть волна, что хочет, лижет –
Папа всё вернёт назад!

Виктория Кирдий. Полет.
Акварель

Праздник должен быть у всех

Мы с сестрой у ёлки пляшем,
Вместе с нами счастлив кот,
Ведь сегодня в доме нашем
Зимний праздник – Новый год!

Обожают праздник мама,
Папа, бабушка и дед,
Потому, что лучший самый!
Потому, что лучше нет!

Только Шарику не в радость,
Не гуляет во дворе.
Целый день гремят петарды -
Притаился в конуре.

А в кармане мандаринка,
Шоколадка и орех.
Всё отдам! Поглажу спинку.
Праздник должен быть у всех!

ДЕТСКОЕ ЧТЕНИЕ

Андрей Парошин

(МОССАЛИТ, Москва)

Хмуравей

Надоело мне играть,
Лучше сяду рисовать.
Вот беру фломастер я
И рисую МУРАВЬЯ.

Вышел он какой-то грустный,
У него печальный вид:
Может, съел листок капустный
И теперь живот болит.

Он совсем не муравей,
А какой-то ХМУРАВЕЙ!

Тут я понял, в чем ошибка:
Ведь ему нужна улыбка!
Взял другой фломастер я,
Исправляю ХМУРАВЬЯ.

Хмуравью рисую рот,
Только... задом наперёд.
Клюв какой-то получился —
Даже сам я удивился.
Он теперь не хмуравей,
А весёлый ЖУРАВЕЙ!

Карандаш беру скорее,
ЖУРАВЬЮ рисую шею
И смешного журавья
Превращаю в ЖИРАФЛЯ!

Только он ещё ребёнок,
Не ЖИРАФЛЬ, а ЖИРАФЛЁНОК!

Надоело рисовать,
Маме я несую тетрадь.
Открываю в кухню дверь:
— Мама, что это за зверь?

Дедушкин рассказ

Вчера мне рассказывал дедушка Женя:
Отряд партизанский попал в окруженье.
Осталось у них восемнадцать гранат,
Один пистолет и один автомат.

Всё больше в отряде погибших бойцов,
Всё крепче фашисты сжимают кольцо.
Они за кустами, они за камнями,
И крикнул мой дедушка: «Родина с нами!»

И все побежали навстречу врагу
И стали гранаты бросать на бегу.
Все храбро сражались, о страхе забыв, —
И вот, удалось совершить им прорыв.

Сквозь лес по болоту они уходили...
А деда медалью потом наградили.

Игра

С Максом, Толиком и Женей
Я вчера играл в диджеев.
Макс орёт:
— Привет, народ!
С вами радио «Компот»!

Толик музыку включает,
Женя песню распевает,
Я как резаный кричу
И вдобавок хохочу!

Вдруг приходит тётя Ира
Из двенадцатой квартиры:
— Дети, как не стыдно вам?
Прекратите этот гам!

Очень странно,
Неужели
Не похоже на диджея?

Виктория Кирдий. Конфетти.
Акварель

Полдник

Пили вкусное какао
Светочка и Санька.
Света бублик уплетала,
Ну а Санька — сайку.

Вместе скушали печенье,
Крендель и баранку.
Санька съел ещё варенья
Небольшую банку.

С кексом выпили компота,
Хоть он и холодный.
Папа тут пришёл с работы —
До того голодный!

Предлагает брату Света:
— Выпьем чаю с папой.
Доставай скорей конфеты
«Мишка косолапый»!

Виктория Кирдий. Ромашки.
Акварель

Весёлая Африка

Виктория Кирдий. Весна пришла.
Акварель

Гепард

Самый быстрый зверь — гепард.
Он становится на старт,
По саванне мчится ловко —
Неплохая тренировка!

Слон и жираф

— Нет, дружище, ты не прав! —
Говорит слону жираф.
— Хобот что! Важнее шея,
Ведь она куда длиннее!

Носороги

Подальше от дороги
гуляют носороги,
чтобы кого-нибудь
случайно не боднуть.

Лев

Посмотрите-ка скорей:
этот хищник — царь зверей.
До чего же грозный вид,
как на троне он сидит!

Страусята

Озорные страусятки
целый день играют в прятки.
Чтоб никто найти не смог,
прячут голову в песок.

Буйвол

Это буйвол, дикий бык.
Он в грязи лежать привык.

Крокодил и жираф

Говорит жирафу крокодил:
- Ты бы ко мне в гости приходил.
Посидим с тобой на берегу
и попьем душистого чайку...
но ни капельки не убедил
умного жирафа крокодил.

Малютка бегемот

На лугу траву жуёт
этот крошка-бегемот.
Он сегодня скушал сам
целых сорок килограмм!

Антилопа гну

Посмотрите, ну и ну! —
это антилопа гну.
Её гнутые рога
Защищают от врага.

Мифы

Дедал и Икар

Древний миф нам говорит:
Есть на море остров Крит.

Там, среди высоких скал,
Славный мастер жил — Дедал.

Крылья сделал мастер сам
И взлетел под небеса.

Сыну тоже крылья дал,
Вместе с ним летит Дедал.

Высоко взлетел Икар,
Где лучей палящий жар.

Солнце яркое светило,
Воск на крыльях растопило.

С высоты Икар упал,
Плачет горестно Дедал.

Золотое руно

Миф нам известен с далёких времён:
В море отправился храбрый Ясон.

Солнце светило над Грецией ярко,
Мчался в Колхиду под парусом «Арго».

Множество бедствий корабль испытал,
Между плавучих протиснулся скал.

Пенились волны, и море штормило,
И угрожали Харибда и Сцилла.

«Арго» в Колхиду приплыл всё равно,
Видит Ясон — Золотое Руно.

Тысячеглазый повержен дракон,
Шкуру барана увозит Ясон.

Многие подвиги он совершил,
Мифы народ о Ясоне сложил.

Цветы

Василёк

Жаркие деньки.
В поле — васильки.
Заплету в венок
Синий василёк!

Колокольчик

Зимний холод завершился,
Наступило лето.
Колокольчик распустился
Цвета фиолета.

Ромашки

Для моей Дуняшки
Соберу ромашки!
Беленькие цветики
У меня в букетике.

Тюльпан

Стройный стебелёк,
Алый лепесток.
В жёлтой серединке
Чёрные тычинки.

Виктория Кирдий. Колокольчики.
Акварель

Розы

Какие могут быть вопросы,
Цветов прекрасней нет, чем розы.
Но, помня, как те розы пахли,
Вы не забыли о шипах ли?

Гвоздики

В день рождения Вике
Подарю гвоздики.
Выбор — то что надо,
Вика будет рада!

Подснежники

Самые нежные
Цветики подснежные
Я сорву для Ани
На лесной поляне.

Виктория Кирдий. Летние цветы.
Акварель

Кораблик

Раз сказали мне ребята:
«Выходи гулять скорей!
Начинается регата
Возле дома, во дворе!»

Не из палки, не из щепки
Сделал свой кораблик я, —
Мой кораблик из прищепки,
Из прищепки для белья.

От азарта стало жарко,
За ребятами бегу.
Мой кораблик, как байдарка,
Мчится вниз по ручейку.

Вот обходит бригантину,
Вырывается вперёд, —
Он быстрее, чем эсминец,
Ледокол и пароход!

Мой кораблик быстроходный
Вдруг пропал в крутых волнах —
То надводный, то подводный,
То линкор, то батискаф.

Возле лужи выплыл первым,
Победил в регате он!
Ведь не зря кораблик верный
Назывался «Чемпион»!

Крольчиха Маша

Есть у нас крольчиха Маша,
Добрый, ласковый зверёк.
Маша — это радость наша,
Очень любим мы её.

Маша модница большая,
У неё красивый дом,
Шубка мягкая такая
Цвета кофе с молоком.

Маша кушает проворно:
Лист капустный за губой.
Левый глаз у Маши чёрный,
Ну а правый — голубой.

На прогулку по три раза
С ней выходим мы вдвоём.
Маша скачет по паласу:
Физкультура у неё!

Про Боню

Мой любимый котик Боня
Часто ластится ко мне,
Подношу к нему ладони,
Нежно глажу по спине.

«Мяу-мяу!» — просит киска,
Мол, скорее дай поесть!
Ведь не зря у Бони миска
Замечательная есть!

Смотрит он, прищурив глазки:
Разыгрался аппетит.
Я даю ему колбаски —
Боня кубарем летит!

Он сидит с довольным видом,
Важно выпятив живот.
Я не дам его в обиду.
Боня — мой любимый кот.

Виктория Кирдий. На свидание.
Акварель

Гербарий

В парке с мамой мы гуляем
И гербарий собираем:
Вот берёзовый листок,
Вот причудливый цветок.

Ярко-красный листик клёна,
Хвоя ёлочки зелёной.
Дуб огромный обошли,
Рядом жёлуди нашли.

Напеваем между делом
И подкармливаем белок.
Вот ворона на суку,
Шустрый дятел наверху.

Вот рябины кустик алый —
И её берём в гербарий.
Нам домой идти пора,
Погуляли «на ура»!

Школа танцев

Пришёл Серёжа в школу танцев,
Тут интересно заниматься.
Ему учитель говорит:
«Ты, главное, почувствуй ритм!

Звучат мелодии мотивы,
Движеньям учимся красивым!»
Вперёд нога, рукою взмах,
И радость, и задор в глазах!

«Сейчас давайте в пары встанем:
С Мариной Глеб, Серёжа с Таней».
Как будто всё поёт внутри:
И раз, два, три, и раз, два, три.

Устроить в школе бал решили,
Все пары в вальсе закружили.
Серёжу с Таней ждёт успех:
Они танцуют лучше всех!

Грибы

* * *

В красной шляпе тот сеньор,
Ядовитый МУХОМОР:
«Каждый знает, жди беду,
Если в суп я попаду!»

* * *

ПОДОСИНОВИК красивый
Вырос прямо под осиною.
Под берёзою — смотри:
ПОДБЕРЁЗОВИКА три!

* * *

На полянке я без спешки
Собираю СЫРОЕЖКИ.
Их сырыми есть не стану -
На обед поджарит мама!

* * *

И красив он, и велик,
Гриб отличный БОРОВИК!
С бурой шляпкой,
С крепким телом,
Он ещё зовётся БЕЛЫМ!

* * *

Что за жёлтые сестрички?
Это же грибы ЛИСИЧКИ!
Чем похожи на лису?
Как она, живут в лесу!

Ягоды

* * *

Ты под кустик загляни-ка,
И увидишь ЗЕМЛЯНИКУ!
Полюбуйся, как красна,
И попробуй, как вкусна!

* * *

Я ЧЕРНИКУ ел, и вот
Словно весь в чернилах рот!

* * *

Мой лист изумрудный подёрнулся глянцем,
А спелые ягоды манят багрянцем.
Лесная царица июльской поры,
Игривого солнца, каникул, жары.
Наполнена с верхом большая корзина.
А вы угадаете кто я?

* * *

Что такое лето?
Это много света,
Вкусное мороженое,
Игры всевозможные.

Ёжика иголки,
Шорты и футболки,
В озере купание,
Допоздна гуляние.

Лес, костёр, опушка,
Дятел и кукушка,
Много шуток разных.
Лето — это праздник!

* * *

Мы приехали на море,
В южный городок.
Стал коричневым я вскоре
С головы до ног!

В ластах с маской научился
Плавать под водой,
А ещё я прокатился
С горки водяной!

* * *

Я еду, еду, еду,
Я по дороге мчу,
Я на велосипеде
Качу, качу, качу.
Ура, настало лето,
Жара, жара, жара!
Я еду, еду, еду,
Ура, ура, ура!

Виктория Кирдий. Кораблик.
Акварель

Виктория Кирдий. Одуваны.
Акварель

ТЕАТРАЛЬНЫЙ АБОНЕМЕНТ

Алёна Чубарова, Ирина Егорова

(МОССАЛИТ, Москва)

МУЗЕЙНОЕ ПРОСТРАНСТВО КАК ВАРИАНТ СЦЕНИЧЕСКОЙ ПЛОЩАДКИ

Так получилось, что наш театр, хоть он и называется «Комедиантъ», занимается очень серьёзными вещами - ирония судьбы... Двенадцать лет, наряду с традиционными сценическими постановками, мы делаем спектакли в музеях или для музеев. За такой срок не мудрено накопить определённый опыт, которым мы и хотим поделиться. Мы даже сформулировали своего рода «правила музейного театра». Для нас уже очевидно, что к таким постановкам нужно относиться иначе, чем к обычным, на сцене. Может быть, со временем «музейный театр» будет отдельным жанром, поскольку это и не театрализованная экскурсия, но и не спектакль в обычном понимании.

Тему эту раскрыть полностью в двух словах не получится, но мы постараемся выделить самое главное. Итак...

1. Всё началось в начале 2001 года, когда музей Владимира Маяковского на Лубянке предложил нам сделать спектакль о Маяковском.

Почти сразу стало ясно – ни одна из известных пьес тут не подойдёт. Пространство доминирует! Единственный путь - писать специальный сценарий, изучить огромное количество материалов о герое, о времени, в котором он жил, о его взаимоотношениях с современниками. В дело идут воспоминания, письма, дневники, анекдотические и конфликтные ситуации, наряду с трагическими поворотами судьбы. А главное, всё это надо вписать в повороты, лестницы и залы музея. В отличие от сценической площадки, в музее декорация будущего спектакля уже есть, кроме того, в каждом музее своя атмосфера, и её надо подчеркнуть.

ПРАВИЛО № 1. При постановке в музее писать пьесу нужно не только НА тему, но и ДЛЯ пространства.

2. Вторая особенность музейного спектакля в том, что большая часть сцен идёт не просто рядом со зрителями, но прямо среди них. Далеко не все актёры идут на такое разрушение четвёртой стены. Тут не только стена, тут вообще отсутствует какая-либо дистанция! После просмотра такого спектакля один кинорежиссёр сказал потрясённо: «Немыслимо!.. Два часа работать на крупном плане...» В музее нужны, по сути, новые взаимоотношения актёров со зрителями, которые уже и не совсем зрители, а участники действия.

ПРАВИЛО № 2. На всех этапах создания спектакля – от написания сценария до премьеры – зрители должны учитываться как действующие лица спектакля.

3. При работе в музее всегда есть опасность впасть в дидактический тон. Музейный спектакль, хочет он того или нет, всегда содержит образовательную составляющую. А уж фигура Маяковского как партийного поэта в своё время навязывалась читателям до такой степени, что набила оскомину. Стало понятно, что задача спектакля не только донести информацию о биографии и произведениях, но главное – воскресить живой образ, сняв с него хрестоматийный глянец, не боясь неллицеприятных высказываний в адрес героя, сталкивая совершенно противоположные позиции.

ПРАВИЛО № 3. При «музейной постановке» необходимо разрушать стереотипы, обманывая ожидания зрителей, максимально отдаляя действие от схожести с экскурсией.

4. После премьеры в музее Маяковского нас пригласили в музей Владимира Высоцкого. Задача здесь стояла более сложная – сделать спектакль в интерьере не всего музея, а одной выставки «Владимир Высоцкий – Гамлет. Постановка Юрия Любимова». И ещё точнее – путь Высоцкого к роли Гамлета. Да, на выставке были уникальные экспонаты – фрагмент занавеса Боровского, костюмы, в которых играли «Гамлета» на Таганке, афиши, фотографии, но... Если музей Маяковского был избыточен в плане пространства, то тут его явно не хватало, атмосферу одного интерьера пришлось насыщать образами и ассоциациями разного временного контекста. Подзаголовок спектакля звучал так: «Сны о будущем и прошлом». После этой работы мы поняли, что:

ПРАВИЛО № 4. Воспринимать музей надо как место сакральное, место соприкосновения прошлого с будущим. Тайно или явно закладывать эту мысль в спектакль, чтобы передать её зрителям.

5. Вдохновлённые удачами с Маяковским и Высоцким, мы откликнулись на предложение музея Цветаевой. И столкнулись с новой проблемой. Комнатки в её доме в Борисоглебском такие маленькие, что водить за собой зрителей, как мы это делаем в музее Маяковского, невозможно. А концертный зал лишён примет тематической выставки и существует исключительно как пространство для проведения мероприятий. (Позже, кстати, диптих о Марине Ивановне и вовсе был перенесён в зал «Театра поэтов» в музее Маяковского).

Что же в данном случае считать «музейным пространством»? Как отразить атмосферу, царящую в доме-музее, за его пределами, перенести эту атмосферу в ткань спектакля? Здесь на первое место вышел тесный контакт с научными сотрудниками музея, не только творческий, но и человеческий, без этого ничего бы не получилось...

Но как выполнить сразу две противоположные задачи? С одной стороны учителя требуют основу биографии и программные стихи, а с другой – музейные работники просят озвучить малоизвестную прозу, отразить в спектакле скрытые пружины творчества... Компромиссный вариант был найден в форме диптиха, т.е. 2-х одноактных спектаклей.

ПРАВИЛО № 5. Спектакль насыщается не столько физическим пространством музея, сколько пространством действенной памяти истинных ценителей таланта. При постановке в музее нужно помнить, что Музей – не только место, но и люди, которые там работают!

Московский BAZAR, № 9 (11) 2013 г.

6. После Марины Цветаевой мы сделали спектакль о Сергее Есенине совместно с его московским музеем. И тоже, к сожалению, места в самом музее для него не нашлось...

Спектакль получился любопытным, и учителя благодарили за ненавязчивую и действенную форму погружения в материал. Приёмом для этой работы был выбран так называемый «спектакль в спектакле». Снимается фильм о Сергее Есенине, а исполнитель роли главного героя не пришёл на съёмку, предпочтя подработку в рекламе (очень современная ситуация), но съёмочный день – это деньги, и режиссёр выкручивается, снимает фильм о герое без героя, а тут ассистент-хлопушка вдруг предъявляет свои права на главную роль.

Такой спектакль можно перенести на любую другую площадку, в том числе и на стандартную сцену или в зал другого музея, вывозить, например, для участия в фестивалях. Здесь есть свои плюсы, но... Обаяние неповторимой атмосферы неизбежно снижается.

ПРАВИЛО № 6. Спектакли, поставленные в сотрудничестве с музеями, оптимально играть в соответствующих музеях!

7. Новой страницей наших музейных экспериментов стала работа в «Нехорошей квартире» Михаила Булгакова. На первый взгляд, коммунальная квартира с длинным коридором и небольшими комнатами – пространство ну уж совсем не театральное. Но благодаря ему, а может быть, духу Михаила Афанасьевича, родилось много неожиданных решений. Например, действие спектакля «Садовая, 10, далее – везде...» начинается прямо в тесном коридоре – Аннушка, та самая, которая пролила подсолнечное масло, ругается со зрителями, управдом требует с них квитанции на оплату квартиры, матросик просит самогону на опохмел... И это оказывается самым сильным эмоциональным фактором для зрителей.

ПРАВИЛО № 7. В музейном пространстве целесообразно развивать интерактивность спектакля за счёт разнообразия индивидуального взаимодействия с каждым зрителем.

В той же «Садовой» зрителей делят на красных и белых, одних называют «товарищами», других, соответственно, «господами». А дальше для них идут одновременно два спектакля в двух комнатах. Сценарий написан таким образом, что актёры успевают не только преобразиться в разных персонажей, но и появляться на обеих площадках. А зрители видят два равноценных, но всё же разных спектакля. Товарищи и господа, как вы понимаете, не могут видеть одно и то же.

Дальше – больше: погружая зрителей в атмосферу спектакля, мы используем не только зрение и слух, но и... обоняние, вкус, осязание... Так, например, изобретатель Рейн, проверяет у зрителей пульс, убеждаясь, что они живые, а не экспонаты. В спектакле «Вещица» с каждого зрителя при входе требуют шпагу или любимую цитату из романа «Мастер и Маргарита», домработница Маргариты Наташа благоухает подаренными духами.

А в спектакле «Доктор Б.», где ранние рассказы Булгакова переплетаются с его врачебной биографией, с медициной начала века и некоторыми утопиями советской науки, при входе вместо билета требуют талон к врачу, и дальше зрители уже вовсе не зрители, а... пациенты. В самом начале спектакля каждый зритель-пациент получает рецепт, по которому в антракте выпивает лекарство для перемещения в другое время, – мензурку... водки с ломтиком солёного огурца. Такая вот чисто русская машина времени.

Московский BAZAR, № 9 (11) 2013 г.

8. В Музее общественных инициатив (а в Москве есть и такой!!!) мы поставили спектакль о К. С. Станиславском.

Музей общественных инициатив – это не музей Станиславского и даже не музей истории театра. И поэтому главный герой у нас – не сам Станиславский, а молодой актёр, недавно окончивший театральный ВУЗ, начавший работать в театре, но знавший Станиславского как материал для экзамена, не больше. И вот вдруг он понимает, что классиком-то Станиславский был не всегда...

После спектакля проводится дискуссия – беседа со зрителями на тему только что увиденного. И эта часть действия получается иногда очень бурной и непредсказуемой.

Правило № 8. В музейном пространстве удобно и продуктивно организовывать моментальную обратную связь, проводя сразу после спектакля «круглый стол» со зрителями.

В том же музее были поставлены ещё два спектакля: «Подвижники нужны, как солнце» (об А. П. Чехове) и «Поленовские высоты» (о В. Д. Поленове), формы интерактивного взаимодействия со зрителем продолжают развиваться. Теперь зрители уже исполняют определённые роли, для них это сюрприз, всегда приятный, в результате чего они считают себя не зрителями, а участниками представления, и это создаёт принципиально иную степень погружения в материал.

Правило № 9. Чем больше зрители участвуют в спектакле, а не просто смотрят, тем более своим, близким, знакомым, интересным становится для них герой, которому посвящён спектакль.

В репертуаре театра есть спектакли и более традиционные по форме, мы проводим также читки и разбор пьес современных авторов (проект «Театр с листа»), сотрудничаем с другими культурными организациями, ищем новые пути и направления театрального процесса в современном мире. Разработка уникального мастер-класса «Практический театр: от замысла к воплощению», объединяющего основы драматургии, режиссуры и актёрского мастерства, стала новым направлением нашей работы.

**Виктория Кирдий. Влюблённые.
Масло**

ТЕАТРАЛЬНЫЙ АБОНЕМЕНТ

Алёна Чубарова

(МОССАЛИТ, Москва)

КУРОРТНОЕ НЕДОРАЗУМЕНИЕ

Мелодрама из жизни отдыхающих

Действующие лица:

Гроздев Владимир Леонидович, солидный отдыхающий лет 45-50.

Гроздева Лариса, его молодая жена лет 28-30.

Николаева Светлана Николаевна, отдыхающая лет 40, в обычной жизни - самостоятельная женщина.

Кургузов, врач местного санатория лет 35.

Другие отдыхающие

Официанты

Горничные

Медперсонал

Роли без слов, которых может и не быть.

Сцена первая

Коридор спального корпуса второсортного санатория в районе Кавказских минеральных вод. Дверь в номер люкс раскрыта. На пороге супруги Гроздевы выясняют отношения.

ЛАРИСА (*гневно*). Даже дочерям в таком возрасте дают больше свободы!

ГРОЗДЕВ. Вот именно, дочерям. Потому что их надо выдавать замуж!

ЛАРИСА. Ты в Москве извёл меня своей ревностью. Я сюда приехала отдыхать!..

ГРОЗДЕВ. Со мной! Отдыхать со мной!

ЛАРИСА. Я даю тебе полный отчёт, где я, с кем и что делаю.

ГРОЗДЕВ. В твоих отчётах слишком часто стало фигурировать имя «доктор Кургузов».

ЛАРИСА (*подлизываясь*). Ма-аленький курортный романчик. Безобиднейший флирт.

ГРОЗДЕВ. Безобиднейший!!! Ого...

ЛАРИСА. Тебе он абсолютно ничем не грозит, а мне необходим как допинг.

ГРОЗДЕВ. Лариса!!!

ЛАРИСА. Мой Отелло!!!

ГРОЗДЕВ. Садистка.

ЛАРИСА. Просто молодая и очень красивая женщина. (*Целует его.*) Ну, я пошла. (*Убегает.*)

Московский BAZAR, № 9 (11) 2013 г.

Некоторое время Владимир Леонидович стоит в дверях, не зная на что решиться. Достает из кармана сигареты, ищет зажигалку. По коридору идёт Светлана Николаевна.

ГРОЗДЕВ. Простите, у Вас нет зажигалки?

СВЕТЛАНА. Не курю.

ГРОЗДЕВ. А... А-а... А который сейчас час?

СВЕТЛАНА (*останавливается*). Хотите со мной познакомиться?

ГРОЗДЕВ. Да нет, что вы, извините.

СВЕТЛАНА. Вот за последнюю фразу, пожалуй, извинять не стоит.

ГРОЗДЕВ. Что Вы сказали?

СВЕТЛАНА. Ничего. (*Собирается уходить.*)

ГРОЗДЕВ. Подождите!

СВЕТЛАНА. Часы в холле на каждом этаже.

ГРОЗДЕВ. Подождите! (*Светлана задерживается.*) А почему бы мне действительно с вами не познакомиться?

СВЕТЛАНА. Маленький, ни к чему не обязывающий курортный роман?

ГРОЗДЕВ. Вы что, слышали мой разговор с женой?

СВЕТЛАНА. Так вы ещё и с женой?

ГРОЗДЕВ. Вы произнесли почти ту же фразу, что и она...

СВЕТЛАНА. Разговорный штамп. (*Собирается уходить.*)

ГРОЗДЕВ. Ну, не уходите, пожалуйста! Мне ужасно плохо!

СВЕТЛАНА. На первом этаже есть дежурный врач, я могу его позвать.

ГРОЗДЕВ. Моя жена ушла на свидание.

СВЕТЛАНА. Деловое?

ГРОЗДЕВ. Если бы...

СВЕТЛАНА (*с иронией*). Высокие отношения.

ГРОЗДЕВ. Пожалуйста, если вы не очень торопитесь...

СВЕТЛАНА. Куда здесь можно торопиться в это время суток?

ГРОЗДЕВ. Зайдите. В коридоре сквозняки.

СВЕТЛАНА. А если вернётся ваша супруга?

ГРОЗДЕВ (*угрюмо*). Скоро она не вернётся. (*Пауза.*) Вы меня очень выручите... Пожалуйста...

СВЕТЛАНА. Ну что ж, если это так важно...

Проходит в номер, Владимир Леонидович неожиданно смеётся, смущается от собственного смеха, закрывает дверь.

Сцена вторая

В номере Гроздевых. Обстановка современная, продуманный дизайн, через внутреннюю дверь видна вторая комната, спальня. Светлана осматривается.

СВЕТЛАНА. О! Да у Вас тут настоящие хоромы!

ГРОЗДЕВ. Это люкс. В обычных номерах, я знаю, поскромнее.

СВЕТЛАНА. Скромнее – это мягко сказано.

ГРОЗДЕВ. Я могу заварить кофе, правда, растворимый.

Московский BAZAR, № 9 (11) 2013 г.

СВЕТЛАНА. В это время?

ГРОЗДЕВ. Простите, не подумал. Я привык работать по ночам.

СВЕТЛАНА. Я тоже сова. Так что валяйте, заваривайте. Тем более что в моем номере чайника нет, а кипятильник я не взяла, понадеялась на местный сервис.

ГРОЗДЕВ (*занимаясь кофе, явно испытывая облегчение, оттого что при деле*). Да, санаторий захудалый. Мы здесь совершенно случайно. Лариса захотела съездить на Кавказ, ткнула пальцем в карту...

СВЕТЛАНА. Значит, жену зовут Лариса.

ГРОЗДЕВ. Да. Лариса... Она выбирала, как ребёнок, по названию. Я приехал к самолёту прямо с работы, чуть не опоздал.

СВЕТЛАНА. Она, конечно, не работает, и детей у вас нет.

Пауза.

ГРОЗДЕВ. Вы – ясновидящая?

СВЕТЛАНА. Скорее, яснодумающая. Точнее – просто наблюдательная.

ГРОЗДЕВ. Что вы ещё успели заметить?

СВЕТЛАНА. Разбогатели вы не так давно и ещё не успели привыкнуть к своему новому статусу. Женились и вовсе недавно. И ваша супруга вас значительно моложе.

ГРОЗДЕВ. Потрясающе!.. Как вы успели...

СВЕТЛАНА. А может быть, я наблюдаю за вами уже не первый день.

ГРОЗДЕВ. Наблюдаете? Зачем?

СВЕТЛАНА. Да хоть бы от скуки. (*Обращает внимание на закипевший чайник.*) Кофе!

ГРОЗДЕВ. Ах, да! (*Продолжает хозяйничать.*)

СВЕТЛАНА. Все местные красоты по многу раз осмотрены, да и погода испортилась. Лечение много времени не занимает... Развлекаю себя тем, что изучаю отдыхающих.

ГРОЗДЕВ. А если в кофе капельку бальзама? (*Достаёт бутылку.*) «Седой Кавказ» – местный фирменный.

СВЕТЛАНА. Три капельки! А если придёт Лариса, то вы ей скажите, что...

ГРОЗДЕВ. Очень интересно.

СВЕТЛАНА. Что если у неё свидание, то и вы имеете право... (*Многозначительно обрывает фразу на полуслове.*)

ГРОЗДЕВ. Гениально! И как это раньше не пришло мне в голову! Так... Бальзам – это хорошо, но недостаточно. (*Достаёт рюмки.*) В этой богадельне бар до девяти вечера, но я могу сходить купить. Что вы любите? Мартини? Виски?

СВЕТЛАНА (*смеётся*). Достаточно бальзама.

ГРОЗДЕВ. Пусть она хоть раз почувствует себя на моем месте. (*Разливает по рюмкам.*)

СВЕТЛАНА (*неожиданно грустно*). Ничего не получится.

ГРОЗДЕВ. Что не получится?

СВЕТЛАНА. Она все равно не будет ревновать.

ГРОЗДЕВ. Почему?

СВЕТЛАНА. Я видела себя в зеркало. И я видела вашу Ларису.

ГРОЗДЕВ. Ну и что?

СВЕТЛАНА. Нужно быть круглой душой, чтобы подумать, что вы можете увлечься мной, имея такую супругу.

ГРОЗДЕВ (*оценивающе рассматривает Светлану*). Вы очень даже симпатичная. И совсем ещё не старая.

СВЕТЛАНА. Вот именно: «симпатичная» и «не старая». А она – «красивая» и «молодая». Почувствуйте разницу.

Московский BAZAR, № 9 (11) 2013 г.

ГРОЗДЕВ. Меня могли бы увлечь ваши интеллектуальные и... духовные, в смысле, душевные качества.

СВЕТЛАНА. Не смешите!

ГРОЗДЕВ. Да почему! За кого нас женщины принимают?

СВЕТЛАНА (*поднимает свою рюмку*). За мужчин!

ГРОЗДЕВ. Это уже дискриминация. По половому признаку. (*Чокаются, выпивают.*) А давайте выпьем на брудершафт.

СВЕТЛАНА. Пока рано.

ГРОЗДЕВ. По-моему, самый раз.

СВЕТЛАНА. А мы ещё не познакомились.

ГРОЗДЕВ. Неужели?

СВЕТЛАНА. Представьте себе.

ГРОЗДЕВ. Действительно. Как глупо! (*Официально раскланивается.*) Гроздев Владимир Леонидович, юрист. Женат вторым браком. От первого – дочь, уже взрослая. В настоящее время проживаю в Москве.

СВЕТЛАНА. Так вы ещё и столичная штучка?

ГРОЗДЕВ. Так получилось. Ну, а вы?

СВЕТЛАНА. Светлана. В настоящее время не замужем. Дети взрослые, живут отдельно. Сын – в Петербурге, дочь – в Париже...

ГРОЗДЕВ. Ого!

СВЕТЛАНА (*передразнивая*). Так получилось. Что ещё? Профессий сменила много, по образованию биолог, а сейчас... Условно говоря, журналист. Место обитания – город Пермь.

ГРОЗДЕВ. А у меня как раз брат в Красноярске!

СВЕТЛАНА. Для москвича что Урал, что Сибирь – одна Колыма...

ГРОЗДЕВ (*оправдываясь*). Я со школы с географией... Гм... А давайте ещё выпьем!

Владимир разливает. Из коридора доносится нервный стук каблуков. Врывается разъярённая Лариса. По дороге сбрасывает детали туалета, проходит в спальню, возвращается. Выпивает налитый в рюмку бальзам. Светлану не замечает.

ЛАРИСА. Можешь быть доволен, мы поссорились!

ГРОЗДЕВ. Ларочка, у нас гостя.

ЛАРИСА. И не спрашивай, из-за чего, все равно не скажу!

ГРОЗДЕВ. Ещё помириться.

ЛАРИСА. Но сегодняшний вечер испорчен!

ГРОЗДЕВ. Не повезло.

ЛАРИСА. Какой-то докторишка провинциального санатория, а что себе позволяет!!!

ГРОЗДЕВ. А что он себе позволяет?

ЛАРИСА. Успокойся, совсем не то, что ты подумал! Как раз наоборот...

ГРОЗДЕВ. Если задета твоя честь...

ЛАРИСА (*морщится*). Причём тут честь... Конечно, здесь он первый парень на деревне. Все местные клуши от него без ума. Вот он и вообразил о себе бог знает что.

ГРОЗДЕВ. А мне, в отличие от тебя, сегодня вечером удивительно повезло. Я познакомился...

ЛАРИСА. Тоже мне, уездный Дон Жуан...

ГРОЗДЕВ. Я познакомился с очаровательной женщиной. Ею зовут Светлана, и она...

Московский BAZAR, № 9 (11) 2013 г.

ЛАРИСА (*заметив Светлану*). Да, я видела её в столовой и в лечебном корпусе. (*Чмокает Владимира в щеку.*) Я устала и хочу спать.

ГРОЗДЕВ. Ты не выпьешь рюмочку с нашей гостьей?

ЛАРИСА. С твоей гостьей... Я видела её в столовой в такой вязаной серенькой кофточке, у меня такую бабушка носила...

ГРОЗДЕВ. Лариса!

ЛАРИСА. Я что-то не так сказала? А?.. Спокойной ночи.

Уходит. Пауза.

ГРОЗДЕВ. Простите... Ларочка бывает иногда некорректна...

СВЕТЛАНА. Я свою миссию выполнила. Мне пора. (*Собирается уходить.*)

ГРОЗДЕВ. Подождите!

СВЕТЛАНА. Ваша супруга вернулась, у вас нет причин меня более задерживать.

ГРОЗДЕВ. А мне не хочется вас отпускать. Мне с вами как-то очень... уютно, что ли... Покойно.

СВЕТЛАНА. Я предупреждала, что ко мне она ревновать не станет. А знаете, тут есть одна молоденькая медсестра...

ГРОЗДЕВ. О чем вы говорите!

СВЕТЛАНА. Я пойду.

ГРОЗДЕВ. А в каком вы номере? Если можно, я бы иногда...

СВЕТЛАНА. У меня немного скромнее. К тому же соседка – очень ворчливая старушка.

ГРОЗДЕВ. Но мы ведь ещё увидимся?

СВЕТЛАНА. Конечно. В столовой...

ГРОЗДЕВ. Спасибо вам, Светлана.

СВЕТЛАНА. Это вам спасибо, за бальзам и вообще за интересный вечер.

ГРОЗДЕВ. Не сердитесь на Ларису, она...

СВЕТЛАНА. ...Совсем ещё ребёнок.

ГРОЗДЕВ. Нет, я не это хотел сказать, то есть... именно это я и хотел сказать...

СВЕТЛАНА. Кстати, ту серенькую вязаную кофточку мне прислала дочь из Парижа. Так что ваш ребёнок не слишком разбирается в моде.

Уходит. Владимир Леонидович один. Собирает разбросанные Ларисой вещи, аккуратно складывает их, садится пить кофе с бальзамом.

Сцена третья

Кафе-бар на 1 этаже санатория. За столиком – супруги Гроздевы. Владимир все время оглядывается, как будто кого-то ищет или ждёт.

ЛАРИСА. Ты что, всерьёз увлечён этой тёткой?

ВЛАДИМИР. Она не тётка.

ЛАРИСА. Да ей же лет 40!

ВЛАДИМИР. Думаю, даже чуть больше.

ЛАРИСА. Вовочка! Ты сошёл с ума?

ВЛАДИМИР. Я просил тебя не называть меня Вовочкой.

ЛАРИСА. Хорошо, Владимир Леонидович.

ВЛАДИМИР. Ты уже виделась с утра со своим доктором?

Московский BAZAR, № 9 (11) 2013 г.

ЛАРИСА. Да, мельком. Просит прощения за вчерашнее. Думаю, что к вечеру я его прощу. Но ты не волнуйся, я из границ никогда не выхожу.

ВЛАДИМИР (*усмехаясь*). Конечно, не выходишь. Только постоянно их расширяешь.

ЛАРИСА. Ну, самую малость... Перед свадьбой ты обещал мне не быть старомодным.

ВЛАДИМИР. Стараюсь из всех сил.

ЛАРИСА. Ты у меня чудо! И я тебе за это разрешаю немного приударить за этой твоей сорокалетней.

ВЛАДИМИР (*иронично*). Спасибо. Это щедрый подарок.

ЛАРИСА (*не чувствуя иронии*). Я же понимаю – и тебе нужны новые впечатления.

ВЛАДИМИР. Новые впечатления...

ЛАРИСА. Ну, свежие эмоции.

ВЛАДИМИР. Будем считать, что так.

ЛАРИСА (*смотрит на часы*). Я побежала на ванны. Увидимся за обедом. (*Чмокает его в щёку. Убегает.*)

Некоторое время Владимир один, пристально наблюдает за входной дверью. Неожиданно срывается, бежит к выходу, возвращается, тащит за собой Светлану.

ГРОЗДЕВ. Пять минут... Я просто должен убедиться, что с вами ничего не случилось.

СВЕТЛАНА. Просто проспала завтрак. Все в порядке.

ГРОЗДЕВ. Вы вчера не сказали номер вашей комнаты, я не знаю вашей фамилии... Я вдруг испугался, что больше никогда вас не увижу.

СВЕТЛАНА. Я здесь ещё десять дней и раньше срока не сбегу.

ГРОЗДЕВ. Обещаете?

СВЕТЛАНА. Обещаю.

ГРОЗДЕВ. Номер вашей комнаты! Иначе я вас не отпущу! (*Светлана смеётся.*) Номер!

СВЕТЛАНА. 721.

ГРОЗДЕВ (*выучивая*). 721, 721, 721.

СВЕТЛАНА. Как ваша супруга?

ГРОЗДЕВ. Чудесно. К вечеру обещала помириться со своим доктором.

СВЕТЛАНА. Доктор Кургузов?

ГРОЗДЕВ. Откуда вы знаете?

СВЕТЛАНА. Это единственный доктор на весь санаторий, который мог заинтересовать вашу жену.

ГРОЗДЕВ. Вам надо писать детективы.

СВЕТЛАНА. К тому же он – мой лечащий врач.

ГРОЗДЕВ. Расскажите мне о нем.

СВЕТЛАНА. Пять минут истекло. Я опаздываю на процедуры.

ГРОЗДЕВ. 721-ый номер!

СВЕТЛАНА. Увидимся позже.

Сцена четвертая

Вечер. Холл между лифтами и коридорами спального корпуса. Мягкая мебель. Некоторые удобства для отдыха. По лестнице поднимается Лариса, за ней доктор Кургузов.

Московский BAZAR, № 9 (11) 2013 г.

ЛАРИСА (*запыхавшись*). Почему эти идиотские лифты работают до девяти вечера? Как будто после девяти жизнь прекращается. Как в пионерлагере... Безобразие!

КУРГУЗОВ (*гневно*). Ты можешь объяснить, что случилось?!

ЛАРИСА. Я передумала.

КУРГУЗОВ. Пять минут назад ты хотела ехать на концерт, а теперь не хочешь...

ЛАРИСА. Да! Я изменчивая и капризная!

КУРГУЗОВ (*еле сдерживаясь*). А ты знаешь, сколько стоят билеты на этот концерт?

ЛАРИСА. Нет. Не знаю. И знать не хочу!

КУРГУЗОВ. Даже так?

ЛАРИСА. Да хоть бы они стоили и в десять раз больше, какая мне разница.

КУРГУЗОВ. Будь на твоём месте другая женщина, я бы ...

ЛАРИСА (*разваливается в одном из кресел в соблазнительной позе*). Что бы ты сделал с другой женщиной?

КУРГУЗОВ. А тебе почему-то все прощаю.

ЛАРИСА. Кто кого прощает? Мы, кажется, договорились, что, во-первых, прощать могу только я. Доктор имеет право только лечить и просить прощения. Во-вторых, если я виновата...

КУРГУЗОВ (*смиренно*). Смотри пункт первый.

ЛАРИСА. Вот это совсем другой разговор.

КУРГУЗОВ. Ну, хорошо. Концерт отменяется. Мадам передумала. Предлагай свои варианты. Куда мы сегодня пойдём или поедем?

ЛАРИСА. Никуда.

КУРГУЗОВ. Я могу взять у дежурной ключ от свободного номера.

ЛАРИСА. Не-а.

КУРГУЗОВ. Пойдём ко мне в кабинет или... У меня есть ключи от гинекологического...

ЛАРИСА (*смеётся*). Заманчиво, но... Сегодня мы останемся здесь и будем играть в разведчиков.

КУРГУЗОВ. В разведчиков?

ЛАРИСА (*заговорщицки*). Она у него. Я увидела две тени в комнате.

КУРГУЗОВ. Кто у кого?

ЛАРИСА. Эта тётка у моего мужа.

КУРГУЗОВ. Так вот почему мы не поехали на концерт.

ЛАРИСА. Да нет, я вовсе не против, чтобы он ухаживал за другими женщинами, пусть, мне не жалко, но...

КУРГУЗОВ (*пытаясь юморить*). Поиграем в приём у психоаналитика! Расскажите подробнее, мадам, что вы чувствуете, когда ваш муж ухаживает за другими женщинами.

ЛАРИСА. Он перестал требовать у меня отчёт и, когда я ухожу, совсем-совсем не расстраивается.

КУРГУЗОВ. Ай-яй-яй-яй... Это нехороший симптом. Тревожный! А что Вы чувствуете, когда он переходит от ухаживаний ...

ЛАРИСА. Вот что! Мы не будем ждать у моря погоды. Мы произведём разведку боем!

КУРГУЗОВ (*ёрничая*). Извини, дорогая, я не захватил с собой автомат.

ЛАРИСА. Ты берёшь меня на руки, вваливаешься в номер, кричишь, что мне плохо...

КУРГУЗОВ (*подхватывая её на руки*). Я предлагаю отнести тебя на руках совсем в другое место.

Звук открывающейся двери, приглушенные голоса Светланы и Владимира.

ЛАРИСА. Тихо!

ГОЛОС ГРОЗДЕВА. Значит, завтра мы идём туда вместе.

Московский BAZAR, № 9 (11) 2013 г.

ГОЛОС СВЕТЛАНЫ. Вместе.

ГОЛОС ГРОЗДЕВА. Вы не обманете?

ГОЛОС СВЕТЛАНЫ. Мы же договорились.

ГОЛОС ГРОЗДЕВА. Я буду с нетерпением ждать завтра.

ГОЛОС СВЕТЛАНЫ. Спокойной ночи.

Пауза.

ЛАРИСА (*шёпотом*). Что? Что там? Что они делают?

КУРГУЗОВ. Желают друг другу спокойной ночи.

Звук закрывающейся двери. Торопливые шаги. В холле появляется Светлана. Кургузов сильно смущён. Лариса несколько растеряна, но быстро берет себя в руки.

СВЕТЛАНА. Добрый вечер.

ЛАРИСА. Вы, кажется, неплохо провели время с моим мужем?

СВЕТЛАНА (*обращаясь больше к доктору*). У вас тут тоже приятная компания.

КУРГУЗОВ. Добрый вечер.

СВЕТЛАНА. Доброй ночи, доктор Кургузов. Я к вам завтра приду к десяти.

КУРГУЗОВ. Завтра? Ах, да. Конечно.

СВЕТЛАНА. До свидания. (*Уходит.*)

Пауза.

ЛАРИСА. У тебя... с ней... Свидание?

КУРГУЗОВ. С чего ты взяла? Дамы бальзаковского возраста не в моем вкусе.

ЛАРИСА. Она сама сказала, что придёт к тебе завтра, к десяти! Я не глухая, я слышала!

КУРГУЗОВ. Придёт. На приём. Она – моя пациентка, я – её лечащий врач.

ЛАРИСА. Почему именно ты?

КУРГУЗОВ. Комнаты третьего корпуса закреплены за мной. У каждого врача свой корпус.

ЛАРИСА (*резко меняя настроение*). Тогда я тоже хочу жить в третьем корпусе.

КУРГУЗОВ. Я готов лечить тебя прямо сейчас, в любом корпусе, на любом этаже, и в подвале, и на крыше...

ЛАРИСА (*отстраняясь*). Нет, нет, нет, нет... Ты ещё не прошёл всех испытаний.

КУРГУЗОВ (*рычит*). Я больше не могу!

ЛАРИСА (*снова меняя настроение*). Скажи мне, только серьёзно, вот чем она (*кивает в сторону ушедшей Светланы*) могла понравиться моему мужу?

КУРГУЗОВ (*стонет*). Не знаю... тем, что она – не его жена.

ЛАРИСА. Да? Надо об этом подумать....

КУРГУЗОВ. В разведчиков мы уже поиграли. Что у нас по программе дальше?

ЛАРИСА. Как ты думаешь, она сегодня к нему уже не вернётся?

КУРГУЗОВ (*рычит и стонет одновременно*). Я на эту тему вообще не думаю.

ЛАРИСА. Я думаю, не вернётся. А что у нас дальше?.. Ты не выбросил ещё билеты на концерт? (*Невинно и смиренно.*) Мы могли бы ещё успеть ко второму отделению.

КУРГУЗОВ. О-о-о!.. Почему я все это терплю?!

ЛАРИСА. Потому что... (*шепчет ему на ухо что-то не очень приличное, хохоча, убегает вниз по лестнице.*)

КУРГУЗОВ. Ну, это мы ещё посмотрим! (*Убегает следом за ней.*)

Сцена пятая

Лавочка в санаторном парке, возможно, беседка. Клумбы, дорожки, урны. В ближайшем закулисье вход в санаторный корпус. На лавочке Лариса и Владимир. Она – в конфликтном настроении. Он оживлённый, немного нервный, все время смотрит в сторону корпуса, периодически вскакивает. Достает сигареты.

ЛАРИСА. Ты же бросил!

ГРОЗДЕВ (*смеётся*). Даже выжившим из ума, больным родителям позволяют больше, чем ты мне.

ЛАРИСА. Вот именно, родителям! А ты мне все-таки муж. А не папочка! (*Отбирает у него сигарету, возможно, закуривает сама.*)

ГРОЗДЕВ. Ещё недавно ты уверяла, что ревность – старомодное чувство.

ЛАРИСА. Причём тут ревность! Ты ведёшь себя неприлично!

ГРОЗДЕВ. Я даю тебе полный отчёт, где я, с кем и что делаю.

ЛАРИСА. В твоих отчётах только одно имя – Светлана...

ГРОЗДЕВ. Ма-аленький курортный романчик. Безобиднейший флирт.

ЛАРИСА. Это ты называешь «флирт»?!

ГРОЗДЕВ. Ты сама мне разрешила немного приударить...

ЛАРИСА. Приударить – да! Но не влюбиться по уши! Ты бы видел себя со стороны, ведёшь себя, как мальчишка.

ГРОЗДЕВ. Новые впечатления, свежие эмоции.

ЛАРИСА. Не фиглярствуй!

ГРОЗДЕВ. Я только повторяю твои слова.

ЛАРИСА. Ну, хватит! Ты же не можешь не понимать разницу между флиртом и... тем, что происходит с тобой!

ГРОЗДЕВ (*скоро себе, неожиданно серьёзно*). Могу ли я не понимать разницу? (*Видит вдалеке Светлану.*) Могу. Я теперь все могу. Пока, вечером увидимся. (*Целует её в щёку.*) Привет доктору Кургузову. (*Убегает.*)

Лариса некоторое время сидит растерянно, достаёт из сумочки мобильный телефон, набирает номер.

ЛАРИСА. Алло... Ты можешь бросить своих больных, мне срочно нужна твоя помощь... Мне нужен яд... Да! Яд! Ты не ослышался. Быстродействующий и трудноопределимый при экспертизе... какие игры, я абсолютно серьёзно... Я? Где?.. На лавочке, в парке, да-да, на той самой.

Отключает мобильный, сосредоточенно что-то обдумывает, даже начинает грызть ногти, портит маникюр. Достает пилочку для ногтей, начинает исправлять оплошность. Вбегает Кургузов.

КУРГУЗОВ. Какой яд? Что случилось?

ЛАРИСА (*преувеличенно спокойно*). Я все обдумала, я её отравлю.

КУРГУЗОВ. Кого?

ЛАРИСА. Светлану. Ты как её лечащий врач констатируешь смерть, например, от сердечной недостаточности.

Московский BAZAR, № 9 (11) 2013 г.

КУРГУЗОВ. Лара! Солнце моё! Ты понимаешь, что говоришь?

ЛАРИСА. Разве я похожа на ненормальную?

КУРГУЗОВ. Хуже! Ты насмотрелась боевиков и начиталась детективов...

ЛАРИСА. Хорошо, достань мне яд. А потом возьми отпуск или больничный. Ты будешь ни при чем.

КУРГУЗОВ. Ты думаешь, санаторий – реанимация, и здесь умирают каждый день?.. Скандал будет на весь город.

ЛАРИСА. Я могу забрать тебя в Москву. Для хорошего врача всегда найдётся хорошее место.

КУРГУЗОВ. Чуть какая-то! Чем тебе помешала эта... среднестатистическая особа предпенсионного возраста. Да ей до климакса рукой подать! Пусть чуть-чуть порадуется напоследок. Да и нам удобнее, твой ревнивец не будет мешать ...

ЛАРИСА *(не выдерживая тона железной леди, срывается на истерику)*. Не будет мешать!.. Ты не знаешь моего мужа! Он не умеет крутить роман... Он старомодный идиот... С какими-то доисторическими представлениями о любви... Он бросит меня!.. И женится на ней! *(Плачет.)*

КУРГУЗОВ. Ну, тихо, тихо! *(Утешает.)* Ну, что ты... Девочка моя! Красавица! Носик распухнет, глазки покраснеют... Разве тебя можно бросить?

ЛАРИСА. Бросит... И женится...

КУРГУЗОВ. Ты что, так сильно любишь своего мужа?

ЛАРИСА. Я не хочу с ним разводиться.

КУРГУЗОВ. Так, подожди, давай разберёмся во всем спокойно. Ты не против, чтобы твой муж встречался с этой женщиной?

ЛАРИСА. Не против, но если меня он при этом любит больше, чем её... И если он не захочет на ней жениться...

КУРГУЗОВ. А если этот роман скоро кончится?

ЛАРИСА *(снова плачет)*. Да он только начинается...

КУРГУЗОВ. Слушай очень внимательно. Я сейчас открою тебе одну тайну.

ЛАРИСА. Тайну?

КУРГУЗОВ. Врачебную тайну. Я не имею права её раскрывать, это нарушение врачебной этики, даже больше – преступление. Ты внимательно слушаешь?

ЛАРИСА. Я даже перестала дышать.

КУРГУЗОВ. Я иду на это преступление ради тебя.

ЛАРИСА. Ну, говори же...

КУРГУЗОВ. Светлана Николаевна Николаева, которой увлечён твой муж...

ЛАРИСА. Что? Да говори же!

КУРГУЗОВ. Она ещё сама ничего не знает, анализы пришли только сегодня...

ЛАРИСА. Ну?

КУРГУЗОВ. Эта болезнь прогрессирует очень быстро. А современная медицина не знает пока...

ЛАРИСА. Она серьёзно больна?

КУРГУЗОВ. Обречена.

ЛАРИСА. Что?..

КУРГУЗОВ. Мы, конечно, сделаем повторные анализы, хотя... наша лаборатория в таких вещах не ошибается. У себя дома она вовсе не ходила к врачам, на ранних стадиях ещё можно было попытаться что-то сделать...

ЛАРИСА. Сколько ей осталось?

Московский BAZAR, № 9 (11) 2013 г.

КУРГУЗОВ. Месяцев шесть... От силы восемь...

ЛАРИСА. Да-а?.. А выглядит она совсем неплохо.

КУРГУЗОВ. Такие диагнозы больным не говорят. Только родственникам, и то не всегда.

ЛАРИСА. Да, глупо убивать человека, который умрёт сам меньше чем через год.

КУРГУЗОВ. Очень скоро болезнь сотрёт с её лица все краски, затем уложит в постель...

Твой муж никуда от тебя не денется.

ЛАРИСА. Покажи мне эти анализы.

КУРГУЗОВ. Приём закончится через полчаса. У меня ещё несколько больных, я их бросил, как ты приказала, моя королева... Прикажи мне вернуться к ним и выполнить свой врачебный долг.

ЛАРИСА. Я зайду через полчаса.

КУРГУЗОВ. Какую часть тела даст мне для поцелуя королева?

ЛАРИСА (*немного подумав, показывает на колено, Кургузов склоняется для поцелуя*). Я отпускаю тебя на полчаса и ни минутой больше.

КУРГУЗОВ. И, ради бога, врачебная тайна должна остаться тайной. (*Уходит.*)

Сцена шестая

Холл на первом этаже санатория, столики с шахматными досками. За одним сидят Владимир и Светлана, увлечённо играют. Впрочем, трудно сказать, чем они увлечены больше, шахматами или друг другом.

ГРОЗДЕВ. А мы пойдём вот так.

СВЕТЛАНА. Потеряете пешку.

ГРОЗДЕВ. Да? Ай-яй-яй, не заметил. Тогда я пойду... Тогда я, пожалуй, пойду вот сюда.

СВЕТЛАНА. Ещё хуже, потеряете коня.

ГРОЗДЕВ. Да где?

СВЕТЛАНА. Через два хода. Это же очевидно. Вы – сюда, я – сюда. Спасая ладью, вы берете мою пешку, но теряете коня.

ГРОЗДЕВ (*восхищённо*). Вы просто гроссмейстер, Светлана Николаевна!

СВЕТЛАНА. А мне кажется, что вы просто притворяетесь, что плохо играете.

Через холл идёт Лариса, некоторое время наблюдает за играющими, затем подходит к мужу, демонстративно обнимает его.

ЛАРИСА. Ты, наконец, нашёл с кем поиграть в шахматы?

ГРОЗДЕВ. Ты себе не представляешь, как здорово играет Светлана!

СВЕТЛАНА. Занималась когда-то в школьном кружке, только и всего.

ЛАРИСА. Да, кажется, в середине прошлого века это было модно.

ГРОЗДЕВ (*раздражаясь*). Причём тут мода?!

ЛАРИСА. Прости, просто я шахматы не люблю. Какая-то не женственная игра.

ГРОЗДЕВ (*с трудом сдерживая гнев*). А ты, кстати, собиралась сходить к маникюрше?

ЛАРИСА. Уже! (*Демонстрирует свои ногти.*) Я выбрала лак под цвет кофточки.

ГРОЗДЕВ. А где твой доктор?

ЛАРИСА. Какой?

ГРОЗДЕВ. Все тот же, Кургузов, или появился ещё кто-то?

ЛАРИСА (*смеётся*). Ах, этот... Я его прогнала, надоел. (*Игриво.*) На улице чудная погода, я пришла пригласить тебя на прогулку!

Московский BAZAR, № 9 (11) 2013 г.

ГРОЗДЕВ. Я пока занят.

СВЕТЛАНА. Совсем забыла, мне надо написать письмо дочери, давайте доиграем в следующий раз. *(Собирается уходить.)*

ГРОЗДЕВ. Мы не закончили партию.

ЛАРИСА. Письмо? Но в этой дыре нет даже компьютеров.

СВЕТЛАНА. Я буду писать вручную. Это было модно в середине прошлого века... *(Уходит.)*

ЛАРИСА *(занимает место Светланы, с нарочитым интересом разглядывает шахматные фигуры)*. А помнишь, ты хотел меня научить...

ГРОЗДЕВ. Зачем ты так себя ведёшь при Светлане?

ЛАРИСА *(на голубом глазу)*. А что я такого сказала?

ГРОЗДЕВ. Ты прекрасно понимаешь, о чем я говорю.

ЛАРИСА. Я не очень удачно пошутила? Извини.

ГРОЗДЕВ. Если ты ещё раз так пошутишь...

ЛАРИСА. То что?

ГРОЗДЕВ. То в Москву мы полетим на разных самолётах.

ЛАРИСА *(пытается перевести все в шутку)*. Это что, официальное заявление?

ГРОЗДЕВ. Да. *(Встаёт. Направляется к выходу.)*

ЛАРИСА. Куда ты?

ГРОЗДЕВ. Погулять.

ЛАРИСА. А я?

ГРОЗДЕВ *(пожимает плечами)*. Можешь поучиться играть в шахматы.

ЛАРИСА. Как? Сама с собой?.. *(Владимир не реагирует.)* Подожди! Да подожди же! *(Догоняет и останавливает его.)* Хочешь, я попрошу прощения у твоей Светланы? Хочешь? Я болтаю всякий вздор, не задумываясь... Ты же знаешь, я не нарочно! А её-то обидеть я тем более не хотела, она такая милая... и к тому же... Жалко её ужасно... Подумать только... Я обязательно попрошу у неё прощения! Давай пойдём прямо сейчас.

ГРОЗДЕВ. Почему её жалко? О чем ты говоришь?

ЛАРИСА. Кого жалко? Я сказала «жалко»?

ГРОЗДЕВ. Ты сказала «жалко её ужасно».

ЛАРИСА. Да нет, тебе показалось, я ничего такого не говорила. И это ещё не точно, они будут делать повторные анализы.

ГРОЗДЕВ. Какие анализы? Говори все, что знаешь. Это касается Светланы?

ЛАРИСА. Нет! То есть... Она пока ничего не знает. Это – врачебная тайна.

ГРОЗДЕВ. Доктор Кургузов...

ЛАРИСА. ...Её лечащий врач. Я обещала ему молчать, а сама проговорила. Ты ведь меня не выдашь. Правда?

ГРОЗДЕВ. Что у неё?

ЛАРИСА. Там было по-латыни... Ей осталось месяцев шесть, может быть, восемь...

ГРОЗДЕВ. Что?

ЛАРИСА. Эта болезнь очень быстро прогрессирует...

ГРОЗДЕВ. Господи!

ЛАРИСА. Только, пожалуйста, ничего не выясняй у доктора Кургузова. Он все равно тебе ничего не скажет, такие вещи говорят только родственникам. А на меня обидится, он предупредил, чтобы никому, а я – тебе... Но у меня от тебя не бывает тайн... как глупо, что я проболталась!

ГРОЗДЕВ. Иди, Лара. Мне нужно побыть одному.

ЛАРИСА. Я сейчас принесу валерьянки или что-нибудь...

Московский BAZAR, № 9 (11) 2013 г.

ГРОЗДЕВ. Нужно... Одному...

ЛАРИСА. ...Здесь, у дежурной сестры, должно быть... Я сейчас принесу... *(Убегает.)*

Владимир долго стоит в той позе, в которой застало его осознание слов жены. Затем тяжело садится за шахматный столик с ещё расставленными в позициях фигурами. Неожиданно сметает все фигуры со стола на пол.

Сцена седьмая

Холл спального корпуса санатория. Владимир и Светлана поднимаются по лестнице.

ГРОЗДЕВ. Наконец-то мы нашли угол, где никого нет!

СВЕТЛАНА *(смеётся)*. Мы сейчас похожи на двух студентов, которым негде провести вечер...

ГРОЗДЕВ *(подхватывая)*. У неё дома строгий отец...

СВЕТЛАНА. У него в общежитии тараканы...

ГРОЗДЕВ. В ресторан дорогого...

СВЕТЛАНА. Приходится идти в кино...

ГРОЗДЕВ. И смотреть одну и ту же картину по третьему разу...

СВЕТЛАНА. Но зато можно купить билеты на последний ряд...

ГРОЗДЕВ *(пытается обнять Светлану)*. И забыть обо всем не свете.

СВЕТЛАНА *(отстраняясь)*. Жаль, что мы уже не студенты.

ГРОЗДЕВ. Почему? Да нам только кажется, что мы взрослые и серьезные! А я вот рядом с тобой чувствую себя влюблённым мальчишкой...

СВЕТЛАНА. Моя дочь, почти ровесница твоей жены, в таких случаях говорит...

ГРОЗДЕВ. Все, что она по этому поводу думает, пусть скажет при встрече.

СВЕТЛАНА. Ты собираешься лететь в Париж?

ГРОЗДЕВ. Нет. Я думаю, что она прилетит к нам в Москву на свадьбу.

СВЕТЛАНА. К кому – к вам? На какую свадьбу?

ГРОЗДЕВ *(оставляя шуточный тон)*. На нашу. Если, конечно, ты согласишься.

СВЕТЛАНА. Не понимаю. О чем ты?

ГРОЗДЕВ. Я делаю тебе предложение. С Ларисой мы разведёмся. Когда нет детей, это очень просто.

Пауза.

СВЕТЛАНА. Но... Лариса...

ГРОЗДЕВ. Молодая, красивая... Да, да, именно поэтому я за неё спокоен. Я уже сообщил ей о своём решении.

СВЕТЛАНА. Уже сообщил? Ещё не зная, как я к этому отнесусь?

ГРОЗДЕВ. Да.

СВЕТЛАНА. А если я откажусь?.. Может, у меня есть кто-нибудь, там, в Перми.

ГРОЗДЕВ. Я... об этом не подумал... Но... Я все равно разведусь с женой и буду прилетать к тебе, в Пермь, пока этот кто-нибудь не поймёт, что он лишний.

СВЕТЛАНА. А если я вообще не хочу замуж? Ни за кого...

ГРОЗДЕВ *(чуть растерялся, вернулся к шутивому тону, перефразируя Маяковского)*.

Я все равно тебя когда-нибудь возьму,

Одну, или вдвоём с Уралом.

СВЕТЛАНА. Так не бывает.

Московский BAZAR, № 9 (11) 2013 г.

ГРОЗДЕВ. Я тоже раньше думал, что не бывает...

СВЕТЛАНА. Так! Не бывает!

ГРОЗДЕВ. Пожалуйста, соглашайся. Это очень важно. Ты даже не представляешь, как это важно!

СВЕТЛАНА. Мы могли бы встречаться... Ты бы прилетал ко мне на выходные. Если у тебя, конечно, есть деньги на самолёт. Это ведь очень дорого.

ГРОЗДЕВ. Нет! Нет! Мы должны быть вместе все время, каждый день! Каждый час! Ты не представляешь, как это важно...

СВЕТЛАНА. Прекрати, я сейчас заплачу от умиления. Чувствую себя героиней мыльной оперы...

ГРОЗДЕВ. Чувствуй себя кем угодно, только скажи «да». Я завтра же пошлю доверенность в Москву и заявление на развод. Я уже все обдумал. Ты переедешь ко мне в Москву.

СВЕТЛАНА. Ну, зачем же так спешить?

ГРОЗДЕВ. Жизнь – такая короткая, мы и так встретились слишком поздно.

СВЕТЛАНА. Допустим, я соглашусь. А как же моя работа, друзья, квартира...

ГРОЗДЕВ. Господи! Света! Почему человек все время думает... не о том...

Пауза.

СВЕТЛАНА. Вот вам и безобиднейший флирт...

ГРОЗДЕВ. Ты должна согласиться. Это очень важно.

Сцена восьмая

В кабинете доктора Кургузова. Лариса заплаканная, без косметики. Все равно хороша, как все молодые женщины, но уже без лоска фотомодели. За дверью голоса возмущающихся пациентов.

КУРГУЗОВ. Ларочка! Давай поговорим после приёма. У меня больные за дверью.

ЛАРИСА. Да я не могу ждать! Он собирает вещи... Понимаешь, собирает вещи... Он хочет оставить меня здесь, а её повезёт в Москву показывать каким то профессорам...

КУРГУЗОВ. Зачем ты ему сказала?

ЛАРИСА. Я думала, что он перестанет... Узнав, что она больная... а он... *(Рыдает.)*

КУРГУЗОВ. А она? Она знает?

ЛАРИСА. Я... Я не знаю.

КУРГУЗОВ. Ой, дура ты, Ларка!

ЛАРИСА. Ну, сделай что-нибудь!!!

КУРГУЗОВ. Заварила ты кашу...

ЛАРИСА *(открываясь надеждой)*. А ты скажи, что ты перепутал! Что у тебя есть другая больная Николаева, фамилия распространённая... Да! Точно! И та – другая – больная, а эта, наша, - здоровая. Просто фамилии одинаковые... И ты ошибся!

КУРГУЗОВ. А ты знаешь, что бывает за такие ошибки? Наш главный на пенсию уходит и меня прочат на его место... А если сейчас пойдут хоть какие-нибудь слухи...

ЛАРИСА. Ты боишься слухов?

За дверью усиливается ропот ожидающих пациентов.

КУРГУЗОВ *(себе)*. Она придёт ко мне за выпиской, я должен буду ей что-то написать... *(Ларисе)* Мне надо точно знать, что знает она. Что он сказал ей?.. Может, ещё и выкрутимся... И вот что, запомни: все, что ты сказала мужу про Николаеву, ты придумала сама, из ревности. Я тебе ничего не говорил.

Московский BAZAR, № 9 (11) 2013 г.

ЛАРИСА. То есть как это – не говорил?

КУРГУЗОВ. Врач не имеет права сообщать посторонним лицам информацию такого рода. Понятно?

ЛАРИСА. Ты – трус.

КУРГУЗОВ. Через два часа встречаемся в баре. И ты мне доложишь, что знает, а чего не знает Николаева Светлана Николаевна.

ЛАРИСА. И вот в это провинциальное ничтожество я чуть было не влюбилась...

КУРГУЗОВ. Мы вместе решим, что делать дальше. Иди.

ЛАРИСА. Слушаюсь и повинуюсь, господин будущий главврач.

КУРГУЗОВ (зло). Сучка.

ЛАРИСА. Ах так, ну ладно... (Уходит.)

КУРГУЗОВ (перебирает стопку историй болезней). Николаева, Николаева... Николаева.

Больной из очереди делает попытку попасть на приём. Стук в дверь. «Можно?»

Подождите, я занят! Я вызову. (Набирает телефонный номер.) Олечка! Привет, солнце. Слушай, тут одному моему приятелю нужна небольшая юридическая консультация... Да так, мелочь, ничего серьёзного... Я зайду через часок... Угу... Ну, пока, целую.

В очереди ожидающих приёма снова ропот, голоса, переходящие на крик. В дверь врывается Светлана. Она очень взволнована, пытается держать себя в руках, но ей это плохо удаётся.

СВЕТЛАНА. Это правда?

КУРГУЗОВ. Что?

СВЕТЛАНА. То, о чем мне только что сказала Лариса?

Пауза.

КУРГУЗОВ. Лариса сказала?..

СВЕТЛАНА. Только что в коридоре... Анализы...

КУРГУЗОВ. Конечно, нет. Садитесь, успокойтесь.

СВЕТЛАНА. А если нет, то откуда вы знаете, что она мне сказала?

КУРГУЗОВ. Светлана Николаевна, сядьте, успокойтесь, я вам сейчас все объясню.

СВЕТЛАНА. Значит, правда...

КУРГУЗОВ. Да ровным счётом – ничего серьёзного. Вы уезжаете, кажется, через три дня... Я подготовлю выписку и все рекомендации.

СВЕТЛАНА. Неужели действительно всего полгода?

КУРГУЗОВ. Какие глупости! Лариса ревнует, вот и придумала черт те что. Да она просто с ума сошла от ревности, вы же её видели, она невменяемая... Выбросьте это из головы. Я померяю вам давление... Вам нехорошо. (Меряет ей давление.)

СВЕТЛАНА. Да, да... Больным всегда вот так говорят. Чтобы успокоить.

КУРГУЗОВ. Зайдите в процедурный, я сейчас позвоню, они сделают вам укол.

СВЕТЛАНА. Я теперь поняла... Почему он сказал: жизнь – такая короткая... А я думала, это так, метафора...

КУРГУЗОВ. Пойдёмте, я провожу вас до процедурного, вы сами не дойдёте.

Уводит Светлану, за дверью – ропот очереди.

Сцена девятая

Номер-люкс Гроздевых. Повсюду разбросаны вещи. Часть упакована в чемоданы. Лариса сидит полуодетая, растрёпанная, маленькими глотками, как в полусне, пьёт пиво. Вбегает Кургузов с бутылкой шампанского. Он уже явно выпивши.

КУРГУЗОВ. Я же сказал, что принесу шампанского... *(Укоряюще.)* Не дождалась!

ЛАРИСА. Все равно.

КУРГУЗОВ. Ты в таком виде ещё соблазнительнее, чем при полном параде. Сейчас выпьем по бокалу за все, что хорошо кончается, а потом... *(Достаёт бокалы, разливает шампанское.)*

ЛАРИСА. Хорошо? Ничего себе «хорошо»...

КУРГУЗОВ. Она уехала, не взяв выписки и вообще никаких письменных подтверждений своего пребывания в санатории! Это хорошо для меня. Она уехала, ничего не сказав твоему мужу! Это хорошо для тебя. Правда, она уехала на два дня раньше срока. Но это бывает. Ничего особенного никто в этом не увидит.

ЛАРИСА. Он все равно найдёт её адрес и помчится за ней в эту, как её, Пензу или Тверь...

КУРГУЗОВ. Кто ищет, тот найдёт. Но её амбулаторная карта уже в архиве, причём в таком месте, где её смогут найти только при расследовании федерального значения. *(Смеётся собственной шутке.)*

ЛАРИСА. Он сказал, что квартиру полностью перепишет на меня. И будет помогать деньгами, пока я буду в этом нуждаться... Дон Кихот... Маланчешский...

КУРГУЗОВ. Ламанчский.

ЛАРИСА. Что?

КУРГУЗОВ *(подносит ей шампанское)*. Нам есть за что выпить! У меня есть сведения, что там *(многозначительно показывает вверх)* со дня на день утвердят моё новое назначение! *(Азартно, по-мальчишески.)* Ес! Ес! Ес! Ведь я этого достоин! И кое-что для этого сделал! Эх, Ларка, ты хоть и дура, но я тебя обожаю! *(Выпивает, начинает её целовать.)*

ЛАРИСА. Может, и вправду, ничего. Жила же я раньше без него. И снова буду жить без него.

КУРГУЗОВ. А я к тебе в Москву приеду. Если есть квартира, то почему бы и не приехать. Мы будем красивая пара. Лара! *(Активизирует свои физические действия.)*

ЛАРИСА *(отталкивает его)*. Да нужен ты мне в Москве.

КУРГУЗОВ *(не обидевшись, наливая себе ещё шампанского)*. А зря. Я, между прочим, без пяти минут главный врач приличного санатория, а там и кандидат наук. У меня большое будущее. Красивая жена мне бы не помешала. *(Пьёт шампанское, запивает пивом, снова пристаёт к Ларисе.)*

ЛАРИСА. Ты пьян.

КУРГУЗОВ. С горя пить нельзя, а на радостях – святое дело!

В дверях появляется Владимир. При его появлении Лариса вскакивает. Кургузов, примостившийся у её ног, падает на пол.

ГРОЗДЕВ. Извините, я только за чемоданом.

ЛАРИСА. Я с тобой.

ГРОЗДЕВ *(отрицательно качает головой, достаёт из портмоне билет и деньги)*. Вот твой билет на Москву, на двенадцатое, у тебя ещё десять дней. Вот деньги на мелкие расходы. Я буду звонить.

Московский BAZAR, № 9 (11) 2013 г.

ЛАРИСА. В Тверь?

ГРОЗДЕВ. Да. В Пермь.

ЛАРИСА. Я... Я провожу тебя. Пожалуйста! Только провожу! Честное слово...

ГРОЗДЕВ. В таком виде?

ЛАРИСА. Я переоденусь, очень быстро. Я сейчас... Я быстро. *(Убегает в спальню переодеваться.)*

Пауза. Кургузов достаёт из кармана блокнотный лист, передаёт Владимиру.

КУРГУЗОВ. Вот её телефон, адрес и паспортные данные. Так быстрее искать... Спрячьте.

ГРОЗДЕВ *(принимая записку так, как будто только что увидел Кургузова)*. Доктор? Скажите честно, есть надежда, что она... выздоровеет?

КУРГУЗОВ *(напуская на себя важность, шёпотом, как великую тайну)*. Есть! Даже очень большая!

ГРОЗДЕВ. Спасибо.

Из спальни, наспех одетая, выбегает Лариса.

ЛАРИСА *(Владимиру)*. Спасибо, что подождал меня! *(Кургузову.)* Если уйдёшь, сдай ключ на вахту.

Лариса и Владимир уходят.

Сцена десятая

Там же, часа полтора спустя. Кургузов спит в кресле. Сладко посапывает во сне. В комнате полутьма. Входит Лариса, включает свет. Кургузов просыпается.

КУРГУЗОВ. Что? Кто? А... Проводила?..

ЛАРИСА. Мне нужна её история болезни.

КУРГУЗОВ. Я, кажется, лишнего выпил.

ЛАРИСА. Принеси мне её историю болезни.

КУРГУЗОВ. Какую ещё историю?

ЛАРИСА. Николаевой.

КУРГУЗОВ. Амбулаторную карту? Она в архиве. Там сейчас закрыто.

ЛАРИСА. Принеси мне её историю болезни.

КУРГУЗОВ. Там сейчас за-кры-то.

ЛАРИСА. Где этот архив? У кого ключ?

КУРГУЗОВ. Зачем? Она уже уехала, вся эта история закончилась, я тебя умоляю... Ты все равно там ничего не поймёшь.

ЛАРИСА. А ты мне объяснишь. Каждую цифру и каждую букву.

КУРГУЗОВ. Ну, хорошо... Завтра. Сегодня я не смогу попасть в архив. Я могу многое, но не все. Завтра.

ЛАРИСА *(неожиданно сдаваясь)*. Ладно, завтра. *(Уходит в спальню.)*

Кургузов просыпается окончательно, закрывает дверь номера на ключ изнутри, идёт в спальню за Ларисой.

Сцена одиннадцатая

Тот же номер несколько дней спустя. Лариса безрезультатно пытается дозвониться. Входит Кургузов, весь праздничный, летний, с цветами, в атмосфере счастливого человека.

КУРГУЗОВ. Ты не представляешь, какая там погода! Мы немедленно едем в горы! Я знаю одно место, где готовят та-акой шашлык...

ЛАРИСА. У него опять не отвечает телефон.

КУРГУЗОВ. Я как врач прописываю тебе свежий воздух. Дозваниваться можно и оттуда. *(Ищет, куда поставить цветы.)*

ЛАРИСА. Уже третий день телефон молчит... Он был у неё, соседи сказали, что она не вернулась из санатория. Конечно, она могла поехать и не домой... А что случилось с ним?

КУРГУЗОВ. Сломался мобильник, выехал в зону, где нет связи... Он не ребёнок, не потеряется. Лариса! Поздравь меня, сегодня подписали назначение! Коллеги меня уже поздравили, но я хочу отметить это с тобой! С тобой, понимаешь?!

ЛАРИСА. Ты так и не показал мне её историю болезни.

КУРГУЗОВ. Мы вместе искали в архиве...

ЛАРИСА. Если бы она могла выздороветь, он бы вернулся ко мне...

КУРГУЗОВ. Это что ещё за бред? С чего ты взяла?

ЛАРИСА. Он сам сказал, когда я его провожала... Ему только нужно, чтобы она жила, и если случится чудо, и она будет жить, то он ко мне вернётся. Я пыталась за неё молиться, но у меня плохо получается...

КУРГУЗОВ *(обнимает Ларису)*. Успокойся, чудо случится, она выздоровеет. И твой драгоценный супруг будет снова с тобой. Но это все там, в другой жизни, в Москве, в Перми, на Марсе... Сейчас ты здесь, со мной! Я тоже живой человек и хочу свой кусочек счастья!

ЛАРИСА. Откуда ты знаешь, что она выздоровеет? Повторные анализы?

КУРГУЗОВ. Допустим, так. Я тебе гарантирую, она будет жить. Кстати, я ей об этом сказал, когда она ко мне приходила в последний раз, и твоему Гроздеву я тоже сказал, что все обойдётся. *(Начинает её раздевать.)* Если не хочешь в горы, мы найдём другой способ отметить моё назначение.

ЛАРИСА. Подожди, подожди, подожди! Я что-то ничего не понимаю...

КУРГУЗОВ. Да с чего вы вообще все вдруг решили, что у неё что-то серьёзное?

ЛАРИСА. Как с чего, ты же мне сказал!

КУРГУЗОВ. Что я тебе сказал?

ЛАРИСА. Что... что она умрёт.

КУРГУЗОВ *(продолжая своё дело)*. Что же делать, человек смертен. Мы все умрём. Даже такое совершенство, как ты, рано или поздно...

ЛАРИСА. Но ты говорил, что ей осталось шесть или восемь месяцев.

КУРГУЗОВ. Я немного сгустил краски, к тому же время – понятие относительное...

ЛАРИСА *(резко отталкивает его)*. Так ты... Не понимаю... Ты что, про её болезнь все наврал?

КУРГУЗОВ. Что значит – наврал? У меня были подозрения, я по секрету с тобой ими поделился...

ЛАРИСА. Так, значит, она – здорова?!

КУРГУЗОВ. Где ты видела здоровых женщин в её возрасте? *(Пытается возобновить приставания.)*

Московский BAZAR, № 9 (11) 2013 г.

ЛАРИСА (*бьёт его попадающими под руку предметами*). Ты – сволочь, мразь, мерзавец... Ты не представляешь, что ты натворил!..

КУРГУЗОВ. Да, я её спас! Если помнишь, кто-то хотел её отравить!

ЛАРИСА (*на пределе возмущения*). Как ты мог, ты же – врач...

КУРГУЗОВ. Ну, женщины, ну, я не знаю... Достать ей яд – это нормально! А с помощью маленького обмана предотвратить преступление – это «как ты мог»...

ЛАРИСА (*в истерике*). Но они же оба думают, что она...

КУРГУЗОВ. А это уже твоя работа. Это тебе спасибо. Я тут ни при чем...

ЛАРИСА (*бросается на него с кулаками, когда не получается бить, лягается и царапается*). Ты сволочь, сволочь, сволочь...

КУРГУЗОВ (*защищается*). Сумасшедшая...

ЛАРИСА. Дай мне денег, я полечу в эту Тверь.

КУРГУЗОВ. Тебе муж оставил.

ЛАРИСА. Мне не хватит на самолёт.

КУРГУЗОВ. Поедешь поездом.

ЛАРИСА (*рыдает*). Какой кошмар... Какой кошмар... Кошмар... (*В изнеможении падает в кресло.*)

КУРГУЗОВ (*приводя себя в порядок после драки*). Дура – она и в Москве дура. (*Ларисе.*) Тебе нужно что-нибудь успокоительное, (*себе*) лучше внутривенно. (*Ларисе.*) Я сейчас.

Кургузов выходит. Лариса дрожащими руками набирает телефонный номер, ей не отвечают.

Сцена двенадцатая

Палата Пермской городской больницы. На кровати Владимир с ногой в гипсе, дремлет. В палату входит Светлана, подходит, присаживается на кровать. Не будит, ждёт, когда он проснётся сам.

ГРОЗДЕВ (*приоткрывая глаза*). Ты опять мне снишься. Спасибо. Ужасно рад.

СВЕТЛАНА. Я нашла записку в дверях. А потом тётя Таня, соседка, рассказала, что приходил интересный представительный мужчина, страшно разволновался, узнав, что я не приехала. А когда стал уходить, вдруг упал и покатился по лестнице. Тётя Таня вызвала скорую, потом звонила, узнавала о твоём здоровье, так что, я все знаю.

ГРОЗДЕВ. Да ерунда, какой-то микроинфаркт и парочка переломов. (*Встрепенувшись.*) Погоди, я уже не сплю? (*Светлана смеётся, отрицательно качает головой.*) Света! Ты пришла? Это ты? (*Пытается вскочить, обнять её, но гипс мешает, оба смеются.*) Я тебя нашёл! Как ты?

СВЕТЛАНА. Пока гораздо лучше тебя.

ГРОЗДЕВ. А ты обещала мне не уезжать раньше срока, помнишь?

СВЕТЛАНА. Обманула... (*Смеётся.*)

ГРОЗДЕВ. Подожди, ты была у врачей? Что они говорят?

СВЕТЛАНА. Нет, не была. И не пойду. А зачем?

ГРОЗДЕВ. Светлана, пожалуйста, я тебя умоляю! (*Целует ей руки.*)

СВЕТЛАНА. Я заезжала в несколько мест, с которыми надо было проститься.

ГРОЗДЕВ. Не говори так.

Московский BAZAR, № 9 (11) 2013 г.

СВЕТЛАНА. А я сейчас ужасно счастлива! Правда... Я перестала думать о будущем, перестала решать какие-то бесконечные проблемы. Я просто иду и радуюсь тому, что иду... Что солнце светит... Или дождь... А мне все равно, чему радоваться, просто тому, что все это – есть.

ГРОЗДЕВ. Мы поедем в Москву, я найду лучших врачей...

СВЕТЛАНА. В Москву, в Москву... Прямо, как у Чехова. Я не хочу в Москву.

ГРОЗДЕВ. Ты не понимаешь...

СВЕТЛАНА. Это ты не понимаешь, я никогда так не жила! Я не умела так жить... Мне снятся такие красивые сны! Я так радуюсь всему-всему, даже тому, что все это скоро кончится...

ГРОЗДЕВ. Я люблю тебя. Я очень тебя люблю.

СВЕТЛАНА. Я уволилась с работы, сняла с книжки все деньги. Накупила себе красивых платьев, о которых всегда только мечтала... Я хожу в парикмахерскую делать маникюр и педикюр, совсем, как твоя Лариса (*Смеётся.*) А потом иду в церковь и прошу прощения за то, что я такая глупая...

ГРОЗДЕВ. Ты – самая умная, самая прекрасная женщина на свете.

СВЕТЛАНА. Я приходила вчера и позавчера... Но врачи говорили, что ты ещё очень слаб, что тебе нельзя нервничать. Меня не пускали... Да, я вот принесла яблоки, в больницу принято приносить апельсины или яблоки.

ГРОЗДЕВ. Я завтра же выпишусь отсюда. Под расписку. И мы поедем в Москву.

В дверь палаты стучат. Заглядывает Лариса.

ЛАРИСА. Простите, а Гроздев Владимир Леонидович...

Пауза.

ГРОЗДЕВ (*нарушая неловкую паузу*). У меня сегодня день посещений.

ЛАРИСА. Я звонила, телефон не отвечал. А потом соседка сказала... (*Пауза.*) Я вот принесла тебе... яблоч...

Владимир и Светлана начинают смеяться, Лариса не понимает.

ГРОЗДЕВ. Как ты доехала?

ЛАРИСА. Я хотела самолётом, но... Впрочем, это не важно...

ГРОЗДЕВ. Как поживает доктор Кургузов?

ЛАРИСА. Никогда при мне не упоминай его имени!

ГРОЗДЕВ. Что случилось? Вы поссорились?

ЛАРИСА. Он... Он... Светлана Николаевна, я должна вам сказать очень важную вещь... Доктор Кургузов, он...

СВЕТЛАНА. Вы же просили не упоминать его имени.

ЛАРИСА. У него была ещё одна, другая Николаева, и он перепутал анализы, у вас нет никакой смертельной болезни...

Пауза.

ГРОЗДЕВ. Господи... Господи, спасибо! (*Ларисе.*) Это точно?

ЛАРИСА. Да. Это абсолютно точно. Я поэтому и приехала.

ГРОЗДЕВ. Света! Лара! Девочки! Господи, да это же – чудо! Это надо как-то отметить... (*Пытается встать.*)

ЛАРИСА. Лежи. Тебе нельзя вставать.

Светлана отходит к окну, от её былой весёлости не осталось и следа.

Московский BAZAR, № 9 (11) 2013 г.

ГРОЗДЕВ. Светлана, что с тобой?

СВЕТЛАНА (*пожимает плечами, чуть слышно*). Надо как-то жить дальше.

ГРОЗДЕВ. Ты – здорова, понимаешь, ты – здорова!

СВЕТЛАНА. Надо как-то жить дальше.

ЛАРИСА (*подсаживаясь на кровать, только Владимиру*). Помнишь, ты сказал, что если случится чудо, и она будет жить, ты меня не бросишь. Помнишь? Ты обещал.

Пауза.

ГРОЗДЕВ (*держится за сердце, с трудом переводя дыхание*). Надо как-то жить дальше.

Занавес

Виктория Кирдий. Жена рыбака.
Акварель

СТОЛИК У ОКНА

*Рубрику ведёт Анна Народицкая
(МОССАЛИТ, Москва)*

КАК НУЖЕН НАМ БЕРЕГ ТУРЕЦКИЙ, или МУЗА ПО ПУТЕВКЕ

«Скоро осень, за окнами август, от дождя потемнели кусты...» - эти строки сами всплывают в моей памяти, когда я смотрю на по-осеннему грустную Москву. Ярким фейерверком пролетел июль, и вот я снова здесь, сижу в своём любимом кафе. За окошком августовский неприветливый день. Хмурое небо слезится мелким дождём, и мне кажется, что самолёт доставил меня не из Анталии в Москву, а из жаркого июля в печальный октябрь. Все мои друзья ещё в разъездах, кто где: на дачах, в дальних зарубежных поездках, а многие вообще без отпуска в командировках. Поэтому сегодня я тут вряд ли кого-нибудь встречу. Ну что ж, зато у меня есть возможность вспомнить ласковое солнце, шёлковое море и прекрасные дни моего средиземноморского отдыха...

Алания встретила меня как родную. Нет, я не о людях говорю, хотя и люди там очень приветливые. Я имела в виду Аланию как живое существо. Она дышала, ластилась и вступала в диалог всевозможными способами. Воздух, вкусный и сладкий от цветов и сосен, наполнял меня, словно пустой сосуд. Морской ветерок легко снимал ощущение жары, оставляя мягкое солнечное тепло на коже и где-то внутри. Цикады хором успокаивали мои измотанные в большом городе нервы. Я сливалась с природой и становилась частью средиземноморского рая. Волны подталкивали в спину и панибратски шлёпали по щеке: «Ты почему так долго не прилетала? Ты меня забыла?»

- Не обижайся, море моё любимое! – говорила я. - Я уже прилетела. И я жутко скучала по тебе! Я так тебя люблю! Ты самое лучшее море на свете!

И я, зависнув на глубине, вслух объяснялась морю в любви. На русском, английском и турецком языках, чтобы быть уверенной, что оно меня поймёт. И оно понимало, волны осторожно поднимали моё тело и тёплым шёлком обволакивали со всех сторон. С этого момента и до самого последнего дня море постоянно со мной разговаривало...

Общалась я, конечно, не только с морем, было много интересных знакомств и просто удивительных наблюдений. Хочу поделиться одним, очень дорогим для меня.

В первый же вечер прибытия в отель я встретила свою хорошую знакомую. Света из Екатеринбурга приезжает в этот отель каждый год, всегда в июле, так что мы знакомы уже несколько лет. Но почему-то только в этот раз моя симпатия к этой удивительной женщине подвигла меня написать о ней. Вот краткий портрет: семьдесят два года, примерно полтора метра ростом, миниатюрное сложение и невероятная харизма вкупе с энергией двадцатилетней девушки. Но это еще не все: в прошлом эта маленькая женщина работала на

подъёмном кране. Мне трудно даже вообразить, как эта дюймовочка могла управлять такой машиной на высоте птичьего полёта! Позже бойкая пенсионерка поработала ещё и кондуктором в троллейбусе... или автобусе, не помню точно. Но тоже профессия совсем не для маленькой пожилой бабульки. А Света рассказывает так: «Я же маленькая, ввинчусь куда угодно, от меня без билета не уйдёшь! Я сквозь толпу р-р-раз! И спрашиваю, глядя в глаза: а вы билет купили?»

Надо сказать, глаза у Светы молодые, живые, взгляд у неё, как сканер. Смотрит, не отводя глаз, пронзает насквозь. И что интересно, она действительно очень хорошо видит суть человека, буквально с первых секунд. Определяет сразу и безошибочно! Молоды у Светы не только глаза, она и двигается так, будто за плечами нет семидесяти двух лет непростой жизни и троих детей. Словно не она похоронила мужа два года назад после долгой болезни. С прямой юношеской спиной, лёгким шагом эта удивительная женщина идёт по жизни в буквальном смысле этих слов. Каждый день рано утром мы вместе плавали далеко и долго, причём Свете всегда было мало. Казалось, она не устаёт никогда. Однажды после продолжительного заплыва Светик (а по-другому её называть просто невозможно) обеспокоилась, что на завтрак кто-нибудь из вновь прибывших займёт наш любимый столик.

- Я схожу, брошу полотенце на стул, - решила она. И пошла. Я смотрела ей вслед. Вдруг Света шустро побежала - в горку, в шлёпанцах... я просто потеряла дар речи. Когда моя бабулька вернулась, я спросила её:

- Ты куда так припустилась-то? Боялась опоздать?

- Так а чего не побегать? – заулыбалась Света. - Всё быстрее получится. И потом, чего-то пробежаться захотелось...

Как говорится, без комментариев.

Мне всё время хотелось записывать Светины высказывания. Она очень интересно и своеобразно воспринимает мир. И даже повседневные мелочи видит особенным образом, как сказительница. Например, пловём мы, вокруг нас в воде стебли морской травы, непонятно откуда взявшейся. Я удивляюсь:

- Что это такое? Откуда тут столько травы?

- Так черепашка родила, – серьёзно отвечает Светик.

Я опешила, спрашиваю:

- Откуда ты знаешь? При чем тут черепашка, какая связь?

- Так она родила, вот они там отношения-то выясняют, траву рвут.

Я чуть не утонула, так смеялась!

Во время другого совместного заплыва Света вдруг хватает меня за щиколотку и спрашивает:

- Ты чего так медленно плывёшь?

Посмеялись, и я посетовала, что сегодня отчего-то много мусора в воде, видно штормом нанесло. Света советует:

- Так ты рот-то открой пошире, так наешься!

Ещё эпизод. Сидим на пирсе, отдыхаем на солнышке. Света рассказывает, что в этом году много мух в загородном доме.

- Да летят-то всё разные, и мелкие такие, и крупные. Ну, прямо всех мастей! И все ко мне в дом, и без прописки!

- Без прописки?- уточняю я.

- Ну да! И главное, влетают без разрешения и кружатся вокруг меня, вальсируют...

Позже, у меня в номере, я возвращаюсь к этой теме. Света жалуется, что мухи её кусают, хотя она давала им кров и еду, приходится их гонять и лупить.

- Надо ж так, неблагодарные!- сокрушается Светик

- Мда-а-а, - соглашаюсь я.

- А как иначе-то, нахальные ведь они!

- Кто, мухи и комары?

- Конечно!

- Ну, а Филька твой, как на них реагирует? – интересуюсь я (у Светы есть пёсик, старенький тойтерьер).

- Он слепой, он же не видит, они и его-то кусают. Пока его не прокусят, он не будет чувствовать. Просто вот совершенно у них нет никакого такта! Ну, хоть бы постеснялись немножко. Ведь живые все равно ведь твари-то. А ничего не понимают. Как вампиры!

- Нападают? - поддерживаю я тему.

- Хоть бы поздоровались! – возмущается Света, - пожужжали бы над ухом. Не-ет! Они сходу, шлёп! Меня кусают, дак мало того что кусают, до прошлого года никто меня не мог кусать. От меня отскакивали. Но нынче! Какое-то притяжение! Они все ко мне, – улыбается моя подружка.

- Может, ты сладкая? – хихикаю я.

- Сахара я не ем, и чего им надо, - рассуждает Света, - или уж нынче вообще нашествие? Вот такие диалоги у нас случались.

Рис. А. Народицкой

- А что, они на меня смотрят - видят бабушка старенькая, ну и ладно, – объясняла мне Светик. И ведь никто её не останавливал, никто на неё не обижался, потому что все её очень любили. И туристы, и персонал. Все молодые официанты обращались к ней не иначе, как «моя дорогая» и ещё «Света лублу!» А Свету нельзя не любить. Она уникальна!

Света уехала на неделю раньше меня. Я грустила, хотя моя любимая бабулечка клятвенно обещала освоить Интернет и выходить на связь в скайпе. Я вспоминала и записывала все, что запомнила, пообещав себе обязательно написать об этом в своей рубрике.

Надо сказать, эти каникулы на Средиземном море были очень «МУЗУКАЛЬНЫ» для меня. В том смысле, что меня многократно посещала муза. Я собирала сюжеты, много писала, придумывала новые проекты. Получается, что турецкий берег мне очень даже нужен! После такого отдыха не только красота и здоровье в прибыли, а ещё и творчество в приросте.

Нам было весело и комфортно, мы проводили вдвоём много времени. И хотя мне казалось, что рядом со мной ровесница, Светик иногда хулиганила, используя свой почтенный возраст. Например, в ресторане, чтобы не стоять с тарелкой в очереди, подойдёт эта маленькая бабулечка в самое её начало и с выражением так громко говорит:

- Ой! Надо же какая курица!

Все расступаются, и бабушка без очереди кладёт себе порцию. А ещё Света с хитрым выражением на лице проникала на территорию соседнего пятизвёздочного отеля, что было запрещено, и шла в бар за мороженым.

В оставшиеся после отъезда моей подруги пять дней я много общалась, ездила в город и строила планы на будущее лето, а по вечерам на берегу провожала солнце. Я любовалась бриллиантовыми светлячками, миллионами мелькающими на волнах под предзакатным небосводом. Солнце садилось. Яркая огненная сфера, меняя цвет, быстро приближалась к горизонту. Из огненного светило становилось пурпурным, затем мягко-малиновым, похожим на варенье, и наконец совсем нежный, персиковый ободок исчезал за горой.

Через некоторое время замолкала главная певица среди цикад, видимо, солистка заводила. Остальные понимали - день закончился, и вскоре весь хор затихал. На побережье опускался бархатный вечер с его сладким запахом жасмина, освежающим ветерком и особенным, ни с чем несравнимым духом Турции. Музыка аланийских дискотек смешивалась с далёким, будто доносящимся с неба голосом муэдзина. Загорались фонари и звёзды. Вечер обнимал, не желая отпускать, и тем сильнее я чувствовала, что скоро отъезд.

В последний день я снова заплывала на глубину одна и попрощалась с морем. Я почувствовала, оно огорчено. Ведь нам снова предстоит разлука. Волна обиженно плюхнулась на меня, намочив бейсболку, и прохладно откатила, забирая с собой мои прощальные слова о любви и скором возвращении на русском, английском, турецком языках...

P.S. По возвращении домой муза быстро начала пинать меня своей вдохновляющей ножкой. В результате я написала стихи, которыми делюсь с вами.

Воспоминания о Средиземном море

Зелёный лист ещё не пожелтел,
А ветер нежно треплет прядь волос.
Он осени сдаваться не хотел,
И с берегов морских тепло принёс.

Пусть август дышит бризом и сосной,
Я долго буду помнить плеск волны
И хор цикад. И ощущать тот зной
Медовой и цветочной тишины.

Под кожей будет солнце трепетать,
Зимой холодной согревая мои сны.
Осталось лишь немного подождать,
Каких-то два сезона до весны.

А там рукой подать до летних дней,
Когда я чемодан вновь соберу.
В такси! В аэропорт, и побыстрей!
И вылет очень рано поутру.

Ах, как же я скучаю по волнам!
И сердцем вместе с ними я пою.
Моя душа осталась где-то там,
В цветном, янтарно-солнечном краю.

СОБИРАЕМ ЧЕМОДАНЫ

Светлана Сударикова
(МОССАЛИТ, Москва)

Фото автора

ВПЕРЕД ПО РОССИЙСКОМУ БЕЗДОРОЖЬЮ

Мы много пишем о своих путешествиях по дальнему и ближнему зарубежью, восхищаемся чужой природой, чужими достопримечательностями. Однако и Россия богата великолепными историческими памятниками, красивейшими местами, природными заповедниками, архитектурными ансамблями. Достаточно зайти на сайт проекта «Россия 10», чтобы убедиться в этом. Но мне хочется рассказать о местах, которые мы привыкли воспринимать как нечто обычное и заурядное, ведь Россия – это не только Байкал, Валаам, Ростовский и Коломенский кремль, это еще и речки, озера, поля, леса - все, что находится за калитками наших дач, стоит лишь распахнуть дверь и внимательнее оглядеться вокруг. И мы увидим, что наша природа ничуть не менее симпатична, чем в той же Швейцарии.

Этим летом сын моей подруги Филипп (определённо обладатель аллели 7R гена DRD4) пригласил нас протестировать старенькую «Ниву», которую он купил специально для езды по бездорожью. Филипп – убеждённый джипер. Джиперы – это такие странные люди, которые получают удовольствие не от езды на шикарных автомобилях по гладеньким автобанам, а от разбитых грязных дорог (чем хуже дорога, тем им лучше) и лишённых кожаного салона внедорожников, которые они сами же этого салона и лишают, да и весь авто переделывают и перебирают. Это такие сумасшедшие, которые проводят выходные не в клубах и дискотеках, надев модные рубашки от Дольче и Габбаны, а едут за сотни километров, чтобы найти дорогу поразбитее, колею поглубже, а местность понепролазнее, носят годами одни и те же джинсы, совершенно не замечая, что они уже порвались, а куртку от Дольче и Габбаны могут запросто повесить на лебёдку в качестве амортизатора, когда авто в очередной раз сядет в большую лужу. Должна сказать, что джиперами не рождаются, ими становятся после болезни вследствие заражения «вирусом джиперства».

В общем, мы согласились, и наша маленькая компания – я, моя дочь Маша, моя подруга Лариса и её сын, наш бессменный водитель Филипп – оправились вперёд по русскому бездорожью.

В начале пути

Путь наш лежал через лес, по лесной дороге, грязной и болотистой. Обычно по ней и пешком-то не пройдешь, особенно после дождя, а на машине проехать и вовсе сложно. Только на специально оборудованной. Ехать мы будем с небольшими отступлениями, дабы неподготовленному читателю не было скучно от шума мотора, комьев грязи, летящих в лобовое стекло, и бьющих по окнам веток.

По плану мы должны были доехать до условленного места, деревни под названием Родино, а назад вернуться по другой дороге. И если первый маршрут был хотя и не изведен, но известен, то существует ли второй, мы не знали, а только предполагали. Но, как известно, человек предполагает, а бог располагает, поэтому не стоит заранее разглашать ему свои планы, чтобы не насмешить.

Этот нелёгкий путь начался в нашей деревне.

Отступление первое

Деревня Селищи, Тверская область, Калязинский район, Нерльское сельское поселение.

Есть на карте такая станция Скнятино. А ещё есть официальный сайт Скнятина: <http://www.sknyatino.ru/>. Ехать до станции нужно с Савёловского вокзала, причём по прямой не добраться, нужно на станции Савёлово пересест на местный поезд. Расположено Скнятино на Скнятинском полуострове в окружении рек Нерль, Волга и Волнушка. Город Скнятин был основан в 1134 году Юрием Долгоруким, а в 1288 году сожжён вследствие княжеских междоусобиц и с тех пор упоминается как деревня.

Скнятино

Во времена Советского Союза на станции Скнятино стоял большой вокзал с буфетом, где продавались леденцы и лимонад «Буратино», было две колеи, и поезда ходили значительно чаще. В смутное время перестройки вокзал сожгли. Деревня Селищи находится в двух километрах от станции на берегу реки Волнушки, притока Волги, ныне состоит из двух частей: Старые Селищи и Новые Селищи. Увидеть границу крайне сложно, потому что сегодня её просто нет, а когда-то между деревнями лежало поле и стоял большой скотный двор. Новые Селищи, где, собственно, и находится наша дача, перенесли с Ильинской горы (деревня Ильинское) – это в полукилометре от нынешней деревни – во время строительства Угличского водохранилища. Дома разбирали и затем собирали на новом месте. На месте Ильинского стоял, говорят, когда-то монастырь, сожжённый в 1540 году поляками. Лет 40 назад при

ремонте моста с Ильинки брали песок и наткнулись на курган. Приехали археологи, но нашли какую-то болезнь, и работы свернули, побросав все находки. Зато их дело быстро завершили черные археологи. А черепа ещё долго появлялись на заборах – так парни девчонок пугали. Теперь на этом месте стоит деревянный крест, по весне там расцветают многочисленные кусты сирени, когда-то благоухавшие в палисадниках, и красуются две силосные ямы, заполненные мусором.

Местных в деревне не осталось, в основном живут жители близлежащих городков, но в большинстве москвичи. Есть даже одна семья из Питера. Да и сама деревня значительно выросла – появилось много новых домов. Так что на деревню Селищи уже не похожи, но и на дачный посёлок тоже – скорее, коттеджный. Хотя старенькие домики с резными наличниками и крытыми дранкой крышами, которым больше 300 лет, ещё кое-где сохранились.

В деревне Родино на нашем боевом авто

Но мы двигаемся дальше. Наш путь лежит в деревню Родино, о которой я слышала с детства, поскольку все заблудившиеся в лесу каким-то образом приходили именно в эту деревню. Старушки называли это место «гнилой угол» или «чёртов угол». Добралась до Родино мы практически без приключений, благополучно миновав пару болот. К моменту приближения к деревне я уже перестала бояться ездить под углом в 45 градусов, забираться в глубокие колеи, заполненные водой, и уже не обращала внимания на хлещущие по окнам ветви деревьев и кустарников.

Деревня Родино оказалась самой настоящей русской деревенькой со старыми покосившимися домами и бродящими по дороге гусями. Добраться до Родино можно только в сухую погоду, да и то только на такой машине, как наша «Нива», потому как дорога там чисто русская, по такой, видимо, и ездил Николай Васильевич, когда в его светлую голову пришла замечательная мысль о русских бедах. Вероятно, поэтому Родино особой популярностью у дачников не пользуется, зато можно, как на машине времени, вернуться на 40 лет назад, когда все русские деревни были такими.

Отступление второе

Во времена СССР продавать землю было запрещено, продавали лишь дома, и если дом сгорал, то заново отстроить его не разрешалось, поскольку земля принадлежала колхозу. Да и дома перестраивать особо не разрешалось. Например, нельзя было строить второй этаж, особенно это касалось дачных кооперативов. Наш деревенский домик был стареньким, но уютным, с большой русской печкой, в которой мы даже мылись, сараем и небольшим крыльцом. Зато земли было больше 50 соток. Правда, она нам не принадлежала, хоть и была огорожена забором, и мы, как дачники, обязаны были сдавать в колхоз сено. А ещё берёзовые веники, которые мы с бабулей в мае на лошади, запряжённой в скрипучую деревянную телегу, ездили вязать в ближайший берёзовый лес. Это для колхозной бани, на зиму. Ещё в деревне был клуб, где собиралась молодёжь и показывали кино, несколько скотных дворов, огромное

Московский BAZAR, № 9 (11) 2013 г.

стадо коров и овец и прекрасная дорога. Помню, как наш сосед дядя Ваня, вернувшийся с войны без ноги, катал нас на полученном от государства автомобиле, кажется, это была старая «Волга». Между прочим, кабриолет. Теперь все это в прошлом. Никаких коров, никаких скотников, клуб исчез, дорога такая, что даже Филькина машина бастует и «Уралы» «салятся», из построек - только дачные дома. От моих 50 соток осталось 25, зато мои, а не колхозные. Все поля давно превратились в лесополосы, и моя калитка выходит непосредственно в лес, а в сентябре я могу запросто лицом к лицу (или мордой к морде) столкнуться с оленем или кабаном, стоящим за забором. Это потому что дороги нет, машин нет, и звери чувствуют себя вольготно.

Родино вызывает ностальгические воспоминания. Однако пора возвращаться. Мы находим дорогу, которая предположительно приведёт нас домой, но возвращаться не торопимся. Сначала нужно заправиться, да и стоило ли так далеко ехать, чтобы вернуться, не посмотрев окрестности!

Дорога к ближайшему населённому пункту, городку с красивым названием Белый Городок, соответствует нашим планам. Машина то и дело вязнет в грязи, иногда приходится вылезать, чтобы Филя смог проехать без лишнего груза. Правда, чем ближе к городку, тем лучше дорога. Наконец она становится почти хорошей, пока не асфальтированная, но это уже дорога, по которой можно спокойно ехать.

Белый Городок не производит на меня никакого впечатления — безликий провинциальный городок с серенькими пятиэтажками, разбитой дорогой, нестриженными газонами и кривыми тротуарами, по которым, правда, ходят симпатичные хорошо одетые девушки и юноши. Когда-то недалеко от городка находилось имение Бориса Годунова. Когда-то... Справа огромная надпись: «Судоверфь». Это основное белгородское предприятие. Где-то там заправка. Мы едем дальше, и вдруг перед нами возникает великолепный голубой златоглавый храм. Это храм Иерусалимской иконы Божьей матери.

Со стороны городка храм не виден, и оттого его появление становится невероятным чудом и вызывает восторг. Храм стоит на излучине рек Волги и Хотчи, на самом берегу. Территория необыкновенно ухожена, вокруг чистота и благоухающие клумбы, детская площадка и великолепный вид на водный простор.

*Храм Иерусалимской
иконы Божьей матери*

На территории храма

Можно спуститься к реке и постоять на небольшом деревянном мостике, около которого плавают кувшинки и лилии. Солнце дрожит на куполах, разбрасывая золотые брызги, которые, кажется, оседают на водной ряби, окрашивая реку в тот же божественный золотой цвет. Уходить совершенно не хочется. Но пора.

Заправка рядом, мы заливаем бензин в наш уставший автомобиль и едем дальше. Теперь уже назад. Но, прежде чем возвращаться, нам предстоит небольшой пикник. Ещё по дороге в Городок в одной из деревень мы разговорились с дачником, который посоветовал нам заехать на озеро, неподалёку расположенное, где можно отдохнуть. Воспользовавшись его советом, мы едем к озеру, и на небольшой полянке, где, судя по всему, местные проводят досуг, садимся перекусить.

Отступление третье

Недалеко от наших дач находятся два городка: Калязин- наш районный центр, и Кашин. Городки небольшие, но по-своему интересные.

Калязин ныне известен больше всего затопленной колокольной Никольского собора – все, что осталось от прекрасного некогда храма после затопления при строительстве Угличского водохранилища. А когда-то здесь располагался Калязинско-Троицкий (Макарьевский) монастырь – великолепный архитектурный ансамбль 16-17 вв. Вся эта красота теперь в зоне затопления. Сохранился лишь ансамбль Вознесенской церкви, церковь Богоявления, Свято-Введенская церковь и жилые дома 18-19 вв.

г. Калязин

В фильме «Берег» Александр Алов и Владимир Наумов воссоздали часть затопленного монастыря. На самом деле монастырь был разобран ещё до затопления. Когда-то в уездном городе Калязине два раза в год проходила ярмарка, было развито кузнечное, кружевное, валяльное дело, стояли небольшие фабрики и заводы, существовала судовой верфь. Затопление города практически уничтожило его как промышленный центр. Он был заново отстроен лишь после войны. Сейчас в городе есть несколько швейных предприятий, фабрика, где валяют валенки, льнопроизводство. А ещё в Калязине, точнее, рядом с ним, находится Калязинская радиоастрономическая обсерватория Астрокосмического центра ФИАН, в которой проводились

Московский BAZAR, № 9 (11) 2013 г.

первые наблюдения пульсаров с астрометрической привязкой к квазарной системе координат с базой в 7000 км. Полноповоротный параболический радиотелескоп РТ-64 диаметром 64 метра хорошо виден уже на подъезде к городу.

На озере, где был пикник

Озерцо, где мы остановились на пикник, и впрямь оказалось очень милым, но впечатление портил мусор, оставленный в прибрежной зоне. Берега озерца густо заросли камышом и рогозом, и - что приятно радовало глаз - ни одного строения. Видимо, сказалось отсутствие линий электропередач, поскольку все подобные места, да ещё вблизи дороги, давно и плотно застроены особняками. К сожалению, береговая зона бессовестно прирезается новыми хозяевами к своим угодьям, и люди практически лишаются доступа к воде. Хотя 20 метров от воды пока ещё никто не отменял. А ещё совсем недавно водоохранная зона составляла 100 метров...

Пара бутербродов, печенье и минералка - что может быть вкуснее, особенно на природе! В предосенней грусти лес роняет в озеро пожелтевшие листья, ветер рябью пробегает по водной глади, солнце то и дело уходит за тучки, быстро плывущие по небу, и становится очень грустно от того, что лето опять кончилось, впереди унылые, дождливые дни, длинные ночи и долгая, долгая зима. Хочется зависнуть в этом мгновении, застыть, остановить время. Увы, нас ждёт обратный путь, неизведанный и немного пугающий.

На пикнике

Отступление четвёртое

Город Кашин никакого отношения к нашему путешествию не имеет, но все же хочется о нем упомянуть. Город находится в 25 километрах от Калязина и тесно связан с ним, поскольку многие кашинцы работают в Калязине и наоборот. Часто жители перебираются из одного города в другой.

Кашин стоит на берегу реки Кашинки, притока Волги, причём река причудливо огибает город, образуя симпатичное сердечко, что хорошо видно на картах. В отличие от Калязина, Кашин не пострадал от строительства водохранилища, и старая часть города хорошо сохранилась. Кашин - древний русский город с богатой историей. Впервые город упоминается в Никоновской летописи в 1238 году. В своей истории город пережил взлёты и падения: сгорал дотла и снова восстанавливался, пережил эпидемию чумы, разрушение поляками в период Смутного времени, принадлежал то Московскому, то Тверскому княжеству, но всегда оставался промышленным городом, в котором были развиты кузнечное и гончарное дело, производились лучшие краски в России.

г. Кашин

Годуновой, принц Густав, в том же монастыре похороненный, а один из выпускников духовного училища - Александр Петрович Куницын, преподавал в Царскосельском лицее и был любимым учителем А. С. Пушкина. Большинство старинных особняков города также находится в плачевном состоянии и требует реставрации. Многие церкви разрушены, обезглавлены и используются не по назначению, но некоторые из них постепенно реставрируются.

На сегодняшний день Кашин известен как бальнеологический и грязевой курорт с торфяными грязями и минеральной водой. В местный санаторий со всей России приезжают лечиться люди с проблемами позвоночника и другими болезнями. В городе работает известный ликёро-водочный завод «Вереск», заводы по разливу минеральной воды «Кашинская», «Анна Кашинская», завод электроаппаратуры, завод по производству мучных изделий, который производит ну о-очень вкусные пряники, льнозавод, сыроварня.

Но наше путешествие продолжается, мы поворачиваем назад. Меня всегда восхищали безымянные русские умельцы, которые творят из любви к искусству, не рассчитывая на премии, признание и поклонение: на перекрёстке нас встречает чудесный трёхглавый дракон, искусно вырезанный из дерева. Кто и зачем его сделал, не жалея сил и времени, мы не знаем. Но настроение дракоша нам повышает. Мы приветствуем дракошу, дракоша приветствует нас. Возвращаемся в деревню Родино, к лесу, из которого выехали, и, пользуясь картами Яндексa, находим дорогу, которая предположительно приведёт к исходной точке.

Нас приветствует дракоша

Должна сказать, мы не ошиблись – спасибо современным средствам связи, - дорога действительно существует. Только ездить по ней невозможно, поскольку это лесная дорога. Когда-то, ещё во времена СССР, ею активно пользовались, по ней передвигались возы с сеном, было налажено сообщение между Родином и нашим местным колхозом. Но это в далёком прошлом. Теперь дорога никому не нужна. Она заросла и местами стала просто непроходимой.

Но на то мы и джиперы, чтобы преодолевать непреодолимое. Поначалу дорога кажется обманчиво проезжей, что и подводит нас – мы садимся в огромную лужу, которая со стороны казалась совсем мелкой, а на деле машина повисла на брюхе, плотно зарывшись в грязь.

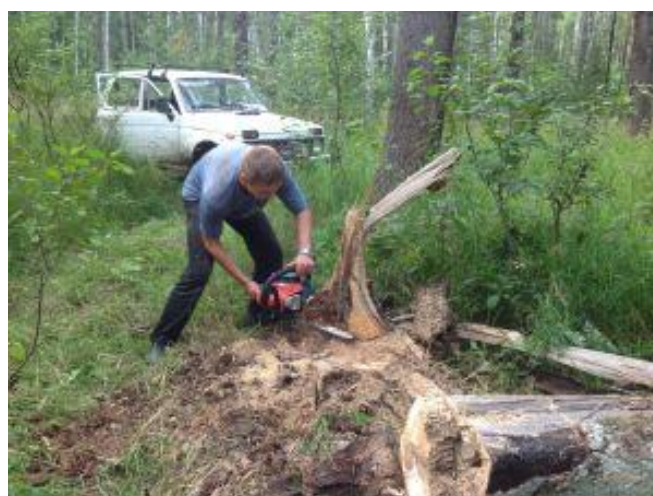
Налаживаем лебёдку

Впервые вижу, как работает лебёдка. Вот тут я понимаю, насколько необходим этот механизм при передвижении по бездорожью, и как важно, чтобы он был хорошего качества. Дело в том, что «родную» лебёдку «добрые люди» свистнули у Филиппа в первую же ночь приобретения автомобиля, а эта была куплена на рынке. Продавец клятвенно заверял, что лебёдка отменного качества. Увы! При первой же попытке трос рвётся. Дубль два – трос рвётся. Дубль три... Мы уже начинаем волноваться, что придётся пешком возвращаться в Родино, добывать где-то трактор, чтобы вытащить автомобиль из грязи.

Но Филе все же удаётся заставить это дрянное изделие работать, и вот автомобиль медленно вытягивается из грязи. Это действительно здорово!

Теперь мы будем осторожнее, и гладь небольших лужиц больше не введёт нас в заблуждение. Мы едем аккуратно, часто останавливаемся, чтобы проверить дорогу впереди. Мы достаточно далеко в лесу, и вернуться в Родино за трактором уже невозможно – в такую глушь и даль никто не поедет. Так что рассчитываем только на себя. Какое-то время на дороге видны следы пребывания здесь таких же джиперов, как мы. Но вот мы въезжаем на гору и видим следы разворота – дальше ехать никто не рискнул. Мы будем первыми. Связь почти нигде не работает, но карта скачана в телефон. Хотя что она может дать, эта карта, когда то и дело попадаются болота, которые мы с трудом, но все же переезжаем. Возврата нет, только вперёд. Не факт, что там, где мы проехали вперёд, мы сможем проехать назад, не увязнув.

Предполагаем, что где-то впереди нас ждёт охотничья вышка, и надеемся, что оттуда все же начнётся какое-то подобие дороги, а пока то и дело останавливаемся, чтобы распилить поваленные деревья, которых очень много. К концу путешествия топливо в бензопиле у нас закончится. Дело неприятное, муторное и тяжёлое. Но мы с Ларисой терпеливо растаскиваем тяжёлые стволы елей и берёз, которые Филя распиливает. Едем поэтому очень медленно, зато есть время посмотреть вокруг.

Последний рубез

Грибное царство

Вот и вышка. Увы, она заброшена. Ещё в хорошем состоянии, но видно, что сюда уже никто не приезжает – кругом всё заросло травницей, корма для животных нет.

Впереди будет ещё одна вышка. Она действующая, ухожена и отремонтирована, а эту почему-то охотхозяйство забросило. Жаль. Но все же это хорошая новость, поскольку теперь мы точно знаем, что находимся на верном пути и до дома не так уж и долго осталось. Тем временем над нами начинают собираться тучи, уже слышны раскаты грома. Это совсем не в нашу пользу, если дорогу развезёт, мы точно из леса не выберемся. Но это ничего не меняет, ведь мы все равно не можем ехать быстрее. Удивительно, но самый отвратительный участок попадётся уже почти на выезде из леса, где дорогу нам преградит огромная старая сосна, на которую будут истрачены последние силы и последний бензин в бензопиле.

Охотничья вышка

Снова дома!

Самый приятный момент – мы выехали из леса! Мы дома. Мы на своей дороге и уже видим крыши домов нашей деревни! Ура! Я чувствую, что, с одной стороны, очень устала, а с другой – вместе с лишними килограммами сбросила 20 лет как минимум. Мы выполнили задачу и освоили новые пути. В общей сложности мы провели в дороге 9 часов. Это удивительное путешествие не забудется никогда.

Московский BAZAR, № 9 (11) 2013 г.

Прошу прощения у бывалых джиперов, если что-то перепутала в терминах или не так назвала. Я все же обыватель, лишь ненадолго приобщившийся к любителям бездорожья. Но с этого дня – верный поклонник замечательного движения.

Слава джиперам, которые осмеливаются ступить на путь российского бездорожья, зная, что это может высосать последнюю зарплату, слава храбрецам, которые преодолевают непреодолимое, не боясь, что их оставит удача. И удача не покинет их!

*Виктория Кирдий. Небо и вода.
Акварель*

Московский Салон Литераторов (МОССАЛИТ)

www.mossalit.ru

mos.bazar2011@yandex.ru

© МОССАЛИТ, 2013